

МАРАТ КОНУРОВ

НЕСТИ СВОЮ СУДЬБУ

ПОВЕСТЬ

1995
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ЭЛМОР

К 64 Конуров М.

НЕСТИ СВОЮ СУДЬБУ. СПб.: «ЭЛМОР», 1995. —144 с.

О судьбе воина-десантника, о любви и трагедии, закончившейся тюремным заключением главного героя, правдиво и интересно рассказывает автор.

Для широкого круга читателей.

ISBN 5-7399-0023-9

© Конуров М., 1995 г.

© О.М. Бегак, худ. оформл. 1995

“

**И КАЖДЫЙ ДЕНЬ ТАМ ДЛИТСЯ ВЕКОН,
ПРОИДЯ СКВОЗЬ ГОРЕЧЬ, БОЛЬ, СТРАДАНЫЯ,
ОСТАТЬСЯ ВСЕ ЖЕ ЧЕЛОВЕКОМ!**

Невероятная тишина лишь изредка нарушалась чьим-то возгласом. Земля надвигалась медленно, принимая в свои объятия десантников.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сентябрь в Азербайджане был знойным, солнце палило нещадно. В спортивном городке части, разведрота десантников загибалась на тренажерах. Анвар стоял, облокотившись на брусья. В отличие от пропитанных соленым потом гимнастеров сослуживцев, его хэбэшка была сухой. Обычно, он без остатка выкладывался на занятиях, но сегодня его мысли были далеко. Прошла неделя, как он отправил в Баку письмо незнакомой, очаровательной девушке. И теперь с нетерпением ждал ответа. Хотя в глубине души он сомневался в том, что Светлана напишет ему.

А все началось так. Слоняясь по казарме, он заглянул в канцелярию к ротному писарю Новоселову, над которым частенько подтрунивал. Склонив голову набок, Новоселов с усердием выводил платным пером на белом ватмане.

На столе лежали фотографии.

– Как дела, ефрейтор? Пачкаешь бумагу? Могу я посмотреть?

– Гляди – разрешил Новоселов - Двоюродная сестра замуж вышла, свадебные фотки прислала.

На фоне Дворца бракосочетания застыла группа молодых людей. Счастливый жених держал под руку улыбающуюся невесту.

Взгляд Анвара остановился на красивой девушке. Она была прекрасной!

– А это кто?

– Тоже двоюродная сестренка. Светланой зовут.

– Слушай, Саня, – зная несговорчивый характер писаря, Анвар решил подъехать издалека. – мы с тобой друзья?

– Ну, – буркнул Новоселов.

– Выполнишь мою просьбу?

– Глядя какую.

– Дай ее адрес.

Новоселов еще усердней заскрипел пером.

– Тебе нечем заняться? Вот погоди, придет командир роты...

– Канцелярская твоя душа! А ты знаешь, что рота выиграла первенство дивизии? Даже Батя ко мне благоволят.

Батей разведчики называли командира батальона. За его отцовскую заботу о солдатах. Но и строг был Батя, по всей строгости устава наказывал он нарушителей дисциплины.

Анвар обнял Новоселова за плечи.

– Не ответит... больше не напишу.

– Ну, пристал, я же знаю, что не ответит!

Несколько дней Анвар ходил за Новоселовым словно тень. Наконец, не выдержав осады, писарь сдался.

– Черт с тобой, записывай.

Вечером он писал ей письмо.

«Здравствуй, Светлана! Пишет тебе Анвар Алимов.»

Мысли его путались, сплетаясь в бесконечный клубок. Он не знал, о чем писать, все казалось пустым и глупым. Анвар представлял себе красивую девушку Свету, смеющуюся над его письмом.

Он несколько раз рвал их, но затем, садился и писал вновь.

Анвар с трудом отряхнулся от налетевших мыслей.

– В одну шеренгу становись!

Молодые солдаты толкаясь словно гуси, занимали места в строю.

– Равняйся! Смирно! Вольно!

Анвар прошелся вдоль строя.

– Воздушно-десантные войска предназначены для решения стратегических задач в тылу противника. Это требует умения пользоваться оружием, хладнокровно оценивать ситуацию. Десантник обязан владеть специальными боевыми приемами.

– На расстояние вытянутых рук, разомкнись!

* * *

Анвар сидел над газетой, разглядывая кроссворд.

– Кто знает порт на Дальнем Востоке, шесть букв?

– Ванино, – откликнулся сержант Спицын.

– Угадал! Грамотей!

– Учись! Это тебе не людей калечить.

– Ребята, почта! – раздался возглас, и разведчики кинулись к тумбочке дневального.

– Кому? А мне есть? Давай сюда!

– Серову письмо! Где Серов?

– Да здесь я!

– Кирюшкину!

– От кого, от кого?

– Анвару! Ого! Женский почерк.

– Пляши, Анвар!

Анвар пробрался сквозь толпу сослуживцев и взял голубой конверт. Сердце взволнованно билось. Анвар вышел на улицу и зашагал в направлении спортивного городка.

Он вынул сложенный вдвое листок и, раскрыв, принялся читать: «Здравствуй, Анвар! Я решила ответить тебе, потому что ты ждешь моего ответа».

Она рассказывала ему, что учится на втором курсе нефтехимического института. Что учеба дается нелегко, особенно в конце семестра, когда наступает время зачетов. И что ей приходится зубрить вдвойне, так как ее папа – ректор их института, а мама ведет кафедру.

– Ого! – присвистнул Анвар.

Далее, она рассказывала, что в свободное время ходит на берег кормить чаек и наблюдает за уходящими в море пароходами.

«Расскажи о себе, о службе. Привет нашему Сашику. Светлана.»

Анвар сел на врытую в землю скамейку и еще раз перечитал письмо.

Он почувствовал огромный прилив радости. Спрятав конверт во внутренний карман, он направился к парашютному городку. Наутро предстояли прыжки.

* * *

Преодолевая земное притяжение, огромные стальные птицы взмыли в синеву сентябрьского неба.

Десантники сидели в четыре ряда. Лица некоторых покрыла мертвенная бледность. Анвар привалился к сержанту Спицыну. В глубине души светлело, и не было привычного напряжения охватывавшего перед прыжком.

Подбадривая одних, подшучивая над другими, прошел майор Агапов – начальник парашютно-десантной службы батальона.

Земля плыла под крыльями величественная. Голубыми змейками вились реки-речушки.

Тревожно замигала красная лампочка.

– Приготовиться! – раздалась команда.

Десантники поднялись и застыли в тревожном ожидании. Слово пасть огромного динозавра, раздвинулись створки люка. В корабль ворвался колючий, осенний ветер. Оглушительно прозвучал ревун, и разведчики один за другим стали исчезать в сини неба.

О! Эти неповторимые секунды свободного падения. Весь мир под тобой, и ты, птицей, паришь над ним.

Словно распустившимися ромашками синева была покрыта белоснежными куполами.

Анвар проводил строевые занятия на плацу.

– Сержант Алимов, к командиру батальона, – отпрапортовал запыхавшийся посыльный по штабу.

– Вас, вроде, в командировку, товарищ сержант, – доверительно прошептал он.

Через пять минут Анвар стоял навтыжку перед комбатом.

– Алимов, поедешь в Бакинский полк. Нужно подготовить разведроту к показательным выступлениям. Сам командующий ВДВ Маргелов приезжает! Понял?

– Так точно!

– Получай командировочное удостоверение и по прибытии на место доложишься командиру полка. Вопросы есть?

– Надолго мне туда, товарищ майор? – спросил Анвар.

– Месяца два, я думаю! Еще есть вопросы?

– Никак нет!

– Иди, готовься Алимов.

– Есть!

Лихо козырнув, Анвар вышел из кабинета.

День прошел в сборах. На продовольственном складе, где хозяйничал майор Селезнев, у хитроватого армянина ефрейтора Мадояна Анвар получил паек. Мадоян откуда-то из-под пыльных мешков вынул две банки сардин в масле и протянул их Анвару.

– Возьми, дарагой, мой НЗ! Для хороших людэй!

Анвар пожал руку Леве и покинул склад. Получив в секретной части командировочное удостоверение, он неспешно вышел за ворота КПП и, вздохнув полной грудью, направился к автобусной остановке.

И вот уже Анвар стоял в тамбуре общего вагона, любуясь проплывающими мимо рощами пирамидальных тополей. Темнеющие вдаль холмы, затейливо переплетаясь, сглаживались и переходили равнину.

Баку встретил его шумом оживленного города. На привокзальной площади сновали такси, чинно ползли троллейбусы. Небритые азербайджанцы, зазывая народ, торговали всевозможными сладостями.

Анвар быстро зашагал в поисках нужного автобуса.

До части он добрался без задержки и, доложившись по форме о прибытии, тут же отправился в спецкласс.

Класс поразил его обилием снарядов, электронных чучел. В углу мерцали металлические штанги.

– Вот это да! Отличный зал! – восхищенно присвистнул Анвар. – Здесь тренироваться одно удовольствие.

Спустя два часа он шагал по улице в снующей толпе, с увольнительной запиской в кармане.

Улицу Ново-Гаусанскую он нашел легко. Нужный ему дом, оказался зданием старинной постройки, утопающим в зелени чинар.

Анвар вошел в подъезд и, стал медленно подниматься по лестнице. Он немного комплексовал. На массивной двери светилась металлическая табличка с номером четыре.

«Ну, вот и пришел».

Прежде чем нажать на белую пуговицу звонка, Анвар тщательно заправился, выпятил грудь колесом и невольно улыбнулся.

Дверь открыл среднего роста мужчина в толстых роговых очках, в домашнем халате.

– Вам кого?

– Здравствуйте! Я хотел бы увидеть Светлану! Я к ней!

– Она скоро будет. Пройдите и подождите ее в комнате.

Анвар попробовал было отказаться, пробормотав, что подождет ее на улице.

– Ну, зачем же, проходите! Вот ее комната...

Он предложил Анвару сесть в кресло.

– Вот, полистайте! – и он протянул Анвару иллюстрированную книгу «Звезды советского спорта».

Анвар огляделся. Пол был застлан ворсистым ковром. В углу, на никелированной подставке, стоял цветной телевизор «Горизонт» и заставленный косметикой, трельяж. У тахты среди беспорядочно разбросанных кассет, возвышался двухкассетный японский магнитофон «Сони».

Анвар услышал, как хлопнула входная дверь, и раздался веселый, звонкий голос Светланы.

«Именно таким должен быть ее голос», – подумал он, внутренне подбираясь в ожидании встречи.

– А у тебя гость, дочка! Молодой человек в форме.

– Где же он?

– В твоей комнате.

Дверь открылась. На пороге стояла Светлана. Она была такой же, какой он увидел ее на той фотографии, в ротной канцелярии.

– Анвар? Я тебя узнала. Как ты здесь оказался?

– Меня прислали в командировку, я ведь инструктор по спецприемам. Нужно подготовить роту к показательным выступлениям.

– Папа, это Анвар, он сослуживец нашего Саши. Ты пока слушай музыку, а я приготовлю нам кофе. – она подошла к магнитофону и включила его.

Света была вся порывистая в движениях. Скованность Анвара исчезла, и ему стало легко говорить с этой чудесной девушкой.

Они пили кофе, слушали музыку и разговаривали. Потом гуляли по городу. Светлана взяла его под руку и, увлекая его за собой, рассказывала о достопримечательностях – чувствовалось, что она была в своей среде.

– Из тебя бы получился замечательный гид, Света! Ты хорошо знаешь историю своего города, – сказал Анвар.

– Я очень люблю Баку, Анвар! Мне здесь нравится все, все... И люди, и дома, и море!... Я восхищаюсь морем!

Они расстались неподалеку от КПП части.

– Приходи, Анвар!

– Да, конечно, Света! Обязательно приду!

– Ну, пока! Я буду ждать! – она пошла, цокая каблучками, стройная, гибкая. Анвар видел, как остановилось такси и Светлана села в него. Такси, мигнув огоньками подфарников, растворилось в потоке машин.

Разведрота готовилась к показательному выступлению. Десантники на ходу выпрыгивали из кузова ГАЗ-66, и вскакивали в несущуюся следом автомашину. Номер требовал высокого профессионализма, и Анвар детально показывал элементы отделения на небольшой скорости, постепенно увеличивая ее.

Они встречались со Светланой, гуляли по городу, ездили к моему, кормить чаек.

В один из дней, когда Анвар демонстрировал разведчикам контратаку против нескольких противников, в спецкласс вбежал молодой солдатик.

– Товарищ старший сержант, вас на КПП девушка дожидается. Вот, шоколадкой угостила! – и долговязый белобрысый ефрейтор, ослабившись, показал плитку шоколада.

– Ну, жуй быстрее, раз угостила, чего хвастаешься!

Анвар подозвал плотно сбитого разведчика и объяснил ему, на чем сосредоточить внимание.

– Займитесь связкой: блоки и удары. Если спросят меня, скажи что вышел – и, подмигнув ему, захлопнул дверь.

У КПП стояла Светлана. Ее распущенные волосы трепал легкий ветерок. Она была одета в темно-синее вельветовое платье фирмы «Монтана», длинные, стройные ноги обуты в босоножки на высокой шпильке, в руках ее был букет желтых хризантем. Анвар невольно залюбовался ею.

«И за какие заслуги мне привалило такое счастье? – испугался он. – Девчонка – мечта!»

– Анвар! – она помахала ему рукой.

Анвар подбежал к ней.

– Я еле-еле уговорила солдата. Ты можешь ехать? Тогда, скорее! – Светлана схватила его за руку, увлекая на противоположную сторону дороги, где стояла белая «Волга».

– Почему ты так долго? Тебе ведь сказали, что я жду?

– Виноват, товарищ командир! А что за спешка? И цветы?

– Я их купила, пока ждала тебя. Мне сегодня исполнилось 19 лет. Мы сейчас едем ко мне домой. А цветы ты преподнесешь мне в присутствии мамы и папы. Ладно? Мама очень хочет познакомиться с тобой. Ты должен ей показаться!

Анвару стало неловко, и он тихо сказал:

– Я бы сам купил.

– Ты что, обиделся? Я ведь нарочно не говорила, чтобы не причинять тебе лишних хлопот.– и Светлана рассмеялась.

В дверях их встретила мама Светланы. Она оказалась высокой симпатичной женщиной, удивительно похожей на Светлану. Стройную фигуру облегал кофейного цвета джемпер, на ней была фирменная юбка, аккуратно уложенную прическу скрепляла дорогая заколка.

– Мама, познакомься, – это Анвар!

– Так вот вы какой! Мне дочка все уши прожужжала. Да вы проходите, проходите. Света, проводи гостя!

Светлана провела Анвара в комнату, посреди которой был накрыт длинный стол, уставленный яствами и горячительными напитками.

За столом сидели несколько мужчин и женщин. Две девушки: черненькая, с веселыми глазами и блондинка, с короткой стрижкой, а также симпатичный парень, сверстник Анвара, оказались сокурсниками Светланы.

– Это Анвар! – представила Светлана.

– Здравствуйте! – поздоровался Анвар. – Извините, мы немного задержались.

Он обернулся к Светлане и протянул ей букет.

– Поздравляю тебя с днем рождения!

– Спасибо, Анвар! Мне еще никто не дарил таких красивых хризантем.

Гости пили шампанское, произносили тосты за счастье, за любовь. За столом шла оживленная беседа, хвалили Светлану, от чего она громко, заразительно смеялась и просила не вводить ее в краску.

Пожилой, со светскими манерами мужчина, подсел к Анвару и стал расспрашивать его о службе, планах после демобилизации.

– Если что – давай к нам. Поможем! Ты, как демобилизованный из рядов Советской Армии, пройдешь вне конкурса. Наш институт готовит специалистов по разработке и добыче нефти. Работа интересная, хорошо оплачиваемая!

– Спасибо! – поблагодарил Анвар, – я подумаю.

– Давайте танцевать! Светочка, включи музыку. Дамы приглашают кавалеров, – и Татьяна Васильевна, так называли мать Светы, попросила мужчин сдвинуть столы, чтобы освободить место для танцев.

Света включила магнитофон, и в комнату вкрадчиво вползла песня в исполнении Михаила Боярского:

*«Все пройдет, и печаль и радость!
Все пройдет, так устроен свет!
Все пройдет, только верить надо,
Что любовь не проходит, нет!»*

Анвар танцевал со Светланой. Песня навевала грусть, и окружающие решительно потребовали сменить музыку.

– Светочка, что-нибудь быстрое, веселое, надо размять наших мужчин, а то они закиснут.

*«По небу плыть, роняя свет,
Им суждено сто тысяч лет,
И по-га-сить не смогут их,
Ни дождь, ни вьюга!»*

– Вот это, что надо! – все стали танцевать.

После танцев все вновь устроились за столом, ели плов и шашлык и наперебой хвалили кулинарное искусство Татьяны Васильевны, желали ей быть вечно молодой и красивой.

– Анвар! Мурад! Девочки! Поехали к морю! Там сейчас такая красота! Дорогие гости, вы отпустите нас?

– Хорошо, езжайте. В сопровождении таких тигров как Мурад и Анвар, вы будете в безопасности, а мы еще посидим.

Когда они шумно уселись в машину, Светлана тронула автомобиль. Они ехали освещенными неонам улицами, временами оставившаяся перед светофорами.

Черненькая девушка, которую звали Лейла, оказалась шутилой собеседницей.

Она без конца колола Мурада, незлобно посмеиваясь над ним.

– Смотри, Мурад! Будешь таким скучным и молчаливым, ни одна девчонка не выйдет за тебя замуж!

– Ну и не надо! Подумаешь! С женщинами одна морока!

– Не скажи, не скажи! – рассмеялась беленькая Наташа. – Вон Анвар не теряется – и служить успевает и любить. А ты Анварчик гляди, вокруг Светы выются столько мальчиков, так что не зевай!

– Я свое счастье не прозеваю! – заявил Анвар.

– Вот как говорят джигиты! Молодец, Анварчик! – рассмеялась Лейла. – и игриво прижалась к Мураду, заставляя его краснеть.

Наташа шлепнула Мурада по колену.

– Мурад, ты в темноте светишься!

Они остановились на песчаном берегу. Море было тихим. Мерно плескаясь, катились к берегу волны, тянуло свежестью и прохладой.

Наташа расстелила на песке большое ворсистое покрывало, и стала расставлять напитки.

Мурад включил магнитофон в салоне.

– Прошу всех к столу!

– Первый тост, – он говорил с заметным кавказским акцентом, – я как тамада нашего застолья, предоставляю нашему новому другу – Анвару! Прошу всех соблюдать тишину!

Анвар взял бокал и обдумывая свои слова, стал говорить.

– В жизни человека есть место радости и печали, веселые дни и грустные; бывают дни, когда на душе все зеленеет и бушует весна; но бывают дни, когда мы теряем веру в людей и в душе не остается тепла, только холод... Давайте выпьем за то, чтобы в наших душах всегда бушевала весна, и никогда не наступал лютый зимний холод!

Анвар выпил шампанское. Девчонки сидели задумчиво вглядываясь в море. Мурад вертел свой бокал в руках и тихо вздыхал. Кругом стояла удивительная тишина.

– Ой, Анвар! Ты столько грусти нагнал, что как-то не по себе стало. Пойдем, погуляем вдоль берега. Мурад, разожги костер. Девчонки, мы скоро вернемся!

Анвар со Светланой, взявшись за руки, пошли в сторону темнеющей неподалеку рощи. Не доходя немного, Светлана остановилась.

– Может, искупаемся? – предложила Светлана. – Я никогда не купалась ночью.

Она решительно скинула с себя платье, оставшись в купальнике. Анвар невольно залюбовался фигурой Светланы.

Медленно стягивая с себя китель, Анвар неотрывно наблюдал за Светланой, идущей к морю. Ее тяжелые волосы бились по плечам; тонкая талия изгибалась в такт бедрам. Она едва только вошла в воду, когда Анвар разбежавшись, влетел в набежавшую волну.

Они долго купались в прохладной морской воде. Утомившись, Светлана поплыла к берегу, Анвар бросился за ней вдогонку.

Выбравшись из воды, Светлана устало опустилась на песок, Анвар подошел и сел рядом.

– Ты сегодня говорил о том, что бывают дни, когда мы теряем веру в людей, близких нам. Анвар! Я верю тебе. Я сама не знаю почему, но я верю тебе! – она взволнованно и торопливо говорила ему, что, кажется, полюбила его.

– Да, Анвар! Наверно, я люблю тебя!

– Ты не уверена?

– Нет, Анвар, просто я никогда еще не любила. А сейчас! И вообще! Ты приехал и все во мне перевернул!

Она крепко и жадно поцеловала его в губы. Анвар задохнулся от этого горячего поцелуя. Он обнял ее и стал целовать. В голове шумело и, словно в бреду, Анвар ласкал ее, обезумевший от страсти. Она обвила его горячими руками, и слабо сопротивляясь, едва слышно просила:

– Не надо, Анвар! Не надо! – а сама, все крепче прижимаясь, гладила его волосы и шептала: – Анвар, любимый! Я люблю тебя! Милый! Что же мы делаем? Анвар!

Ее горячее тело била крупная, нервная дрожь. Она вдруг резко дернулась и замерла, из груди ее вырвался короткий стон.

Они еще долго лежали, будто слившись воедино, и сердца их стучали гулко и тревожно, и, словно очнувшись, вдруг разом заговорили.

– Что мы наделали! – она неожиданно для Анвара разрыдалась. – Что мы наделали, Анвар! – Светлана закрыла лицо руками, ее небольшие, тугие груди вздрагивали. – Отвернись, бесовестный!

Анвар отвернулся и, вынув из кармана кителя пачку сигарет, достал сигарету и закурил. Он слышал, как она одевалась за его спиной, все еще всхлипывая отряхивала платье.

Она села рядом, обняв колени руками, распущенные волосы ее свесились, закрывая лицо.

Анвар робко обнял ее и, не находя подходящих слов, молча гладил ее волосы.

– Света! Ты мне очень дорога, я тебя сильно люблю! Скоро мне уезжать в свою часть. Если ты согласна подождать, я отслужу и приеду к тебе. Мне ведь осталось совсем немного. Всего полтора-два месяца и мы снова будем вместе!

Он торопливо, точно боясь ее возражений, сбивчиво говорил. Говорил, словно уверял ее.

– Если ты согласишься, мы поженимся с тобой, Света.

Она подняла голову и, откинув тяжелые волосы назад, взглянула ему в лицо. Анвару стало зябко от этого взгляда, что он даже съежился и отвел взгляд в сторону.

– Анвар! – тихо промолвила она. – Я теперь забеременею, да?

– Боже, какое она еще дитя! – поразился Анвар, и его объяла безудержная нежность к этой красивой девушке, с которой он поначалу терялся в разговоре, боясь встретиться взглядом, краснел и бледнел, нечаянно коснувшись ее руки.

Анвар склонился и нежно поцеловал ее в губы.

– Эй! – донесся до них далекий голос Лейлы.

– Света, Анвар! Где вы-ы-ы!

Светлана встала, отряхнула платье.

– Идем, нас уже ищут.

– Где вы были? – к ним подошли Лейла и Мурад. – Мы уже стали беспокоиться, – тараторила Лейла. – Наталью оставили охранять машину, а она говорит, я боюсь одна. Вы что поссорились?

– Да нет, все нормально, Лейла!

– А почему такие надутые?

Мурад дернул Лейлу за руку.

– Ну что ты пристала к людям, разве не видишь – они купались.

Когда они подошли к машине, уже начало светать. Наташа, без слов уловила общее настроение и, не произнеся ни слова, принялась собирать покрывало.

В машине тоже все молчали. Анвар всматривался в лицо Светланы, не зная как ему себя теперь вести, одновременно размышляя над тем: заметят ли его отсутствие в роте?

К нему, как к прикомандированному, командир разведки относился снисходительно, стараясь не замечать частого отсутствия.

«Сойдет и на этот раз!» – подумал Анвар и обернулся назад.

Лейла и Мурад задумчиво рассматривали пролетающие мимо деревья, редкие встречные машины.

Наташа сидела, закрыв глаза, и можно было подумать, что она спит, если бы не руки, теребившие кончик молнии. Временами она поеживалась и смешно втягивала голову в плечи, отчего становилась похожей на зябнувшего воробышка.

Светлана остановила машину недалеко от КПП части. Анвар попрощался со всеми и вышел из машины. Она окликнула его, когда он уже перешел дорогу. Он услышал как за спиной приближаясь, стучат по влажному асфальту, каблучки ее босоножек.

Она подбежала к нему и прижалась к груди.

– Ты придешь? – шепотом спросила она.

– Конечно, любимая! Я не должен был сегодня оставлять тебя одну, но меня, наверное, уже ищут. Как только появится возможность, я приду. Ладно?

Она кивнула ему, соглашаясь и тихо прошептала:

«Я буду ждать тебя!» – и, повернувшись, побежала к машине.

Наступил день отъезда Анвара в часть. С той памятной ночи им со Светланой удалось лишь несколько раз ненадолго увидеться. Анвар звонил ей домой, и Светлана приезжала к нему на машине. Они, обнявшись, стояли за КПП под развесистым карагачем, говорили и не могли наговориться.

Инспекционная проверка, на которой присутствовал сам командующий ВДВ, прошла с оценкой «отлично». На показательном выступлении разведрота, продемонстрировала высокое мастерство в специальной подготовке.

Анвару была объявлена благодарность. Командир разведки, вызвал Анвара в канцелярию, поблагодарил его и сказал, чтобы он готовился к отъезду

– Не смею задерживать, – произнес он, улыбаясь. – Собирайся в дорогу.

Анвар переминаясь с ноги на ногу, осмелился попросить – Товарищ капитан! Отпустите меня в город до завтра.

Капитан глянул на Анвара, застывшего в ожидании и тихо произнес:

– Иди, но чтобы завтра твоего духа в городе не было. Ты меня понял?

– Так точно, товарищ капитан! – Анвар, улыбаясь, добавил: – Все ясно. Разрешите идти?

– Подожди, огонь! Сгоришь так! Я ведь тебе документы еще не отдал. Вот командировочное предписание, дату убытия я про- ставлю завтрашним днем, приедешь, сдашь в штаб. Что у тебя, любовь?

– Так точно, товарищ капитан! Любовь!

– Ну, давай, удачи! – он крепко пожал руку Анвару и слегка подтолкнул его к двери.

Когда Анвар добрался до дома Светланы, уже смеркалось. Ан- вар поднялся по старинной лестнице и нажал на звонок.

Дверь открыла Татьяна Васильевна.

– Ах, Анвар, здравствуй! Проходи, Света у себя. Готовится, у нее завтра зачет.

Анвар спросил как самочувствие и настроение Татьяны Васи- льевны и отворил дверь в комнату Светланы.

Она лежала на тахте, уткнувшись лицом в подушку. Из магни- тофона тихо доносился голос Высоцкого «Во хмелю слегка, лесом правил я». Услышав, что отворилась дверь, она приподняла голо- ву и, увидев Анвара, бросилась к нему.

Она повисла у него на шее и забросала кучей вопросов, одно- временно жалуясь на учебу, зачеты, преподавателей.

– Почему тебя не было целую неделю? Я тебя ждала, у меня го- лова кругом идет от этой «нефтехимии», думала, поедем к морю, побродим. В цирке новая программа, ходим?

– Нет, Светлана. Не хочется. Я ведь завтра уезжаю, команди- ровка закончилась.

Светлана смотрела на него удивленно и испуганно.

Анвар спросил:

– Почему ты молчишь?

– Когда поезд?

– Утром. Но сегодня я буду с тобой, Света! Я отпросился

Светлана обвила рукой его шею и поцеловала в губы.

– Я так не хочу, чтобы ты уезжал, Анвар. Быстрее бы прошли эти два месяца.

– Пройдут. Я приеду, и мы с тобой полетим в Караганду. Я пока- жу тебе наш город, он тоже красивый. Ты познакомишься с мо- ей мамой.

Они сидели на тахте, Анвар рассказывал ей смешные эпизоды из службы. Светлана заразительно смеялась, потом сидели, слушая музыку, задумавшись каждый о своем.

– Тебе нравится Высоцкий? – спросила она.

– Да. В его песнях всегда заложен глубокий смысл и он весь отдается песне.

А голос в магнитофон надрывно выдавал:

*«Эх, вы кони мои! Погублю же я вас,
выносите друзья, выносите враги!»*

– Эй, молодежь, полуночники! – раздался голос Татьяны Васильевны. – Я вам приготовила яичницу, идите к столу!

– А где папа? – спросила Светлана.

– Разве я не сказала? Его не будет, он уехал в командировку на два дня.

– Пойдем, Анвар, не стесняйся, – Светлана потянула его за руку.

В кухне на столе стояла чугунная сковородка, в голубой пластмассовой хлебнице лежал чорек. Кофе был налит в фарфоровые чашечки.

– Давай прямо из сковородки, – предложила Светлана. – Так вкусней, – она протянула ему вилку.

Они ели яичницу и, обжигаясь, пили горячий кофе с бутербродами. Анвар допил кофе и поблагодарил Светлану.

– Я здесь не причем. Это мама о нас позаботилась. – Светлана ласково взглянула на подошедшую маму – Ты все еще пишешь? Ложись, мама. Анвар завтра уезжает, утром у него поезд. Мы посидим в моей комнате, а утром я его провожу. Ладно?

Татьяна Васильевна пристально взглянула на Анвара.

– Ты уезжаешь, Анвар? К сожалению, я не смогу тебя проводить. Но я поручаю это дочке.

– Что вы, Татьяна Васильевна, не беспокойтесь, пожалуйста, я и так вам за все благодарен. И передайте, пожалуйста, мою благодарность Гасану Набиевичу.

– Ну что ж, Анвар, счастливо! Я вас со Светой понимаю, но хочу напомнить вам – не теряйте благоразумия!

– Мама! – запротестовала Светлана, краснея. Она подошла к Татьяне Васильевне и поцеловала ее в щеку.

– Все нормально, мама! Спокойной ночи!

Они ушли в комнату. Анвара пугал отъезд, но он утешал себя мыслью, что уже скоро дембель. Точно уловив его мысли, Светлана обняла Анвара за плечи и, всматриваясь в глаза, притянула к себе.

– Ты уезжаешь, Анвар!

В ее голосе промелькнула неподдельная грусть, а в бездонных глазах застыла тревога. Анвар поцеловал ее, бесконечно родную. Он любил ее каждой клеточкой, всю целиком, без остатка. Светлана ответила ему робко, стыдливо прикрыв глаза. Но безудержная страсть постепенно охватывала их, сжигая в жарком пламени. Они не могли остановиться, лаская друг друга, и Светлана шептала ему на ухо.

– Я буду скучать без тебя, Анвар. Приезжай скорее. Ладно? – просила она, как заклинание.

– Хорошо, любимая!

Она словно в бреду протянула руку к выключателю и погасила свет.

Анвар умылся под холодной водой, тщательно растер большим полотенцем грудь. Светлана хлопотала на кухне. Она взглянула на подошедшего Анвара, залилась краской, но тут же, овладев собой, спросила:

– Тебе кофе или чай со сливками?

Анвар обнял ее. Прилив нежности опалил его словно жаркое пламя.

– Если бы ты знала, как я сильно тебя люблю!

Она обернулась и, прильнула губами к его губам.

– Ты сейчас испачкаешься, я в муке вывозилась, испекла тебе блинчики!

Анвару на мгновение показалось, что они уже муж и жена, и вот она подает ему завтрак. Сердце защемило при мысли, что через два часа, он должен сесть в поезд.

Позавтракав, Светлана убежала в комнату одеваться, Анвар прошел в зал и сел в кресло. Его взгляд привлек плюшевый мишка, держащий в руках корзинку. Он взял игрушку и стал пристально рассматривать. За этим застала его Светлана. Она была одета в то самое темно-синее платье, в котором ждала его у КПП.

«Вот приеду после дембеля и привезу ей целую корзину хризантем» – решил Анвар.

Волнистые волосы Светланы пахли жасмином. Она взяла из его рук мишку и сказала:

– Он мне так нравится, а тебе? – спросила она Анвара.

– Мне тоже.

– Возьми его с собой, будешь вспоминать меня. – она произнесла это дрогнувшим голосом, что Анвару стало вдруг весело и он, улыбаясь, пропел ей:

«Вспоминай меня, вспоминай меня!»

Они вышли из дома и направились к троллейбусной остановке. Было душно. Вдоль тротуара пестрели клумбы с цветами: астры, яркие гвоздики. Когда они сели в троллейбус, время уже поджимало, и Анвар обеспокоенно поглядывал в окно, сетуя на частые остановки.

В поезд, на котором должен был уехать Анвар, уже шла посадка. Отъезжающие толпились около вагонов с чемоданами, сумками, словно муравьи сновали от вагона к вагону. Кругом стоял гвалт, что Анвару пришлось чуть ли не кричать державшей его за его руку Светлане.

– Вот мой вагон, Света!

Она глянула на номер вагона и вымолвила:

– Тринадцатый, несчастливый!

– Все нормально, Светлана! – в эти минуты он искренне не допускал мысли, что может быть иначе.

Невидимый диктор громко объявила:

– Граждане пассажиры! Поезд Баку – Тбилиси, отбывает через 5 минут! Будьте осторожны! – она попросила провожающих покинуть вагоны.

– Будем прощаться! – Анвар привлек Свету к себе и поцеловал в губы.

Не обращая внимания на окружающих людей, они спешно целовали друг друга.

Он целовал жадно – губы, глаза, и все крепче прижимал ее, гладил сбегающие по плечам волосы.

Она, отбросив стыдливость, прильнула к нему, задыхаясь в поцелуях. Сама мысль, что он ее первый мужчина, еще ночью обладавший ее телом целиком и полностью, казалось, лишит ее рассудка. На всем огромном Земном шаре не было человека роднее и ближе его. И он уезжает! Уезжает!

– Я буду ждать тебя любимый, и писать. И ты сразу отвечай мне, хорошо?! Ведь два месяца – это 60 дней, это ведь быстро, да?! – вопрошая, произнесла она.

Анвар поцеловал ее в последний раз и прыгнул на ступеньки вагона, уже медленно катившегося.

Поезд набирал скорость, Анвар смотрел на пустеющий перрон и застывшую девичью фигуру.

Эта картина больно резанула сердце Анвара. Он и не подозревал, как часто впоследствии она будет вставать перед его глазами.

В плацкартном вагоне былолюдно и шумно. Пассажиры толкались в проходах, запихивая чемоданы, узлы и сумки на верхние полки.

Анвар шел по проходу, выискивая свободное место. Его окликнула молоденькая, симпатичная девушка.

– Вы ищите место?

Он обернулся на голос и, обращаясь к ней, спросил:

– А рядом с вами не занято?

– Нет, не занято. Можете устраиваться. Вам далеко ехать?

– Я возвращаюсь в Кировобад, в свою часть.

Она тут же спросила, как его зовут. Анвар представился и в свою очередь, поинтересовался ее именем, хотя особого желания знакомиться он не испытывал.

Попутчица назвалась Ириной. Она оказалась любопытной девушкой.

«Может ей хочется убить время», – подумал он, рассеянно отвечая на вопросы.

– Вы, десантник? Сколько у вас прыжков? А прыгать страшно? Бывают случаи, когда парашют не срабатывает?

Неожиданно для себя Анвар вдруг спросил ее:

– А ты, где ты работаешь?

Она на мгновение растерялась, но тут же пришла в себя, поправив его:

– Вы, наверное, хотели спросить кем?

– Нет, я хотел спросить, где ты работаешь? – уперся Анвар.

– Ну, хорошо, – она пошла на уступку, – я работаю на текстильном комбинате прядильщицей и тоже еду в Кировобад. Устраивает? – тон ее был вызывающим.

– Вполне! Хотя, могли бы и не отвечать!

– Ну вот, вы сразу в атаку, я не хотела вас обидеть!

Она глядела на Анвара, и в глазах ее прыгали веселые чертики.

– Какой вы ершистый, Анвар!

Мимо летели подернутые ноябрьской дымкой поля, виноградники. На горизонте величаво сверкали белоснежные зубцы Большого Кавказского хребта. Местами низменность пересекали холмы с пожелтевшей травой и редким кустарником. Поезд громыхал на стыках, вагоны покачивало, и Анвар слушал эту колесную песнь.

А за окном уже закончилась равнина и с обеих сторон железную дорогу обступили горы. Поезд шел, прижимаясь к скале. В противоположное окно, глубоко внизу, были видны селения, извилистые речки, отары овец, грузовики.

Время от времени поезд вползал в тоннель, и тогда за окном становилось темно. В такие минуты, пассажиры с нетерпением ожидали конца тоннеля, и наверняка каждому из них, в душу закрадывалось неприятное ощущение от сплошной теми; все молчали.

Но вот в стекла ударило солнце.

– Как же это прекрасно – солнечный свет! – подумал Анвар, не заметив, что произнес вслух.

Ирина кивнула головой. Она тоже была под впечатлением.

– Который час? – спросил Анвар у нее.

И когда она сообщила, что уже перевалило за полдень, он вдруг подумал о том, что Светлана, наверное, сейчас сидит в аудитории и тоже думает о нем.

– А я видела, как тебя провожала красивая девушка – прервала его мысли Ирина.

– Это моя невеста.

– Ты, сейчас о ней думал? Извини, я перешла на ты! – она сильно смутилась, чем развеселила Анвара.

– Ничего, все нормально, это тоннель на тебя повлиял! – и они рассмеялись.

Поезд подходил к Кировобад. За окном, покачиваясь, плыли знакомые окрестности, вдали виднелся аэродром, на котором словно огромные птицы, серебрились «Антей». Вспомнился знакомый мотив, и Анвар, глядя в окно, потихоньку запел:

*«АН-1 2 скорость набирает,
Уносясь в заоблачную высь,
Отчего так сердце замирает?
Волосы под шлемом поднялись..»*

Это была известная среди десантников песня.

Ирина попросила:

– А как дальше? Спой, пожалуйста.

*«Жизнь – она не каждому дается,
Вон парнишка вниз пошел стрелой,
До земли 100 метров остается,
Не поможет даже запасной».*

Ирина тихо спросила, – Это правда, что часто разбиваются?

– Да нет. Это песня такая. Бывают, конечно, случаи, но очень редко.

Состав подходил к перрону вокзала. Пассажиры сустились, готовясь к выходу.

– Давай помогу! – предложил Анвар попутчице, видя, как та берется за большой чемодан. Ирина с готовностью, уступила ему поклажу и заметила:

– «Он был последний джентльмен удачи.»

– Слышал эту песню? – спросила его Ирина, мешая ему в про-ходе, вместо того, чтобы идти вперед.

– Тот юнга действительно был джентльменом удачи, а я всего-то помогаю вынести тяжелый чемодан.

Выйдя из вагона, они прошли на стоянку такси. Ирина быстро договорилась с водителем. Анвар поставил чемодан в багажник такси и, хотел было попрощаться.

– Ваша часть за новым мостом? – спросила она. – Так я живу, напротив, там наше общежитие. Садись, доедем вместе. – настоятельно предложила она.

И Анвар согласился, почему бы не доехать – раз им по пути.

– Новое пятиэтажное общежитие знаешь? – сообщила она ему – Будет время, приходи! Спросишь Ирину из 49-й.

– Спасибо, может, зайду!

Они проезжали мимо памятника рабочему, размахнувшемуся молотом на наковальню, и Анвар весело рассмеялся.

– У нас, когда молодые приходят служить, старослужащие говорят им: – ваш дембель придет, когда он, опустит, молот на накопальню. И мне так говорили, и вот я уже почти отслужил, а он все стоит, замахнувшись.

Она спросила у него, когда у него демобилизация, и он ответил, что через два месяца.

Он вспомнил. Светлана утверждала, что 60 дней – это совсем немного.

Вот и знакомый бетонный забор. Анвар попросил таксиста остановиться у КПП и, несмотря на протест спутницы, рассчитался с водителем.

– Ну, будь здорова, попутчица! – Анвар озорно подмигнул ей и, не оглядываясь, зашагал к КПП.

В казарме его встретили восторженным криком.

– Ребята! Смотрите, кто приехал!

Его окружили, жали руку, наперебой что-то расспрашивали.

Он прошел к своей кровати, вокруг столпились разведчики. Сержант Спицын, растолкав всех, облапил его с криком: – Костолом вернулся!

Анвар улыбнулся и, шутя, произнес:

– Все кроссворды порешал?

Он рассказал друзьям о подготовке, о Баку. Его так и подмивало раскрыть им сокровенное.

– Ребята! Если бы вы видели, как он подкатил на «моторе». Внутри симпатюшка какая - то. А как она смотрела ему вслед!

Все кругом загалдели, требуя немедленно признаться, кто эта девушка?

– Да вы приглядитесь к нему, он же совсем изменился. – заорал Алтунин. – На «тачке», с девушкой! Ничего себе! И молчит.

– Да успокойтесь вы, чего расшумелись. Это попутчица... вместе ехали из Баку. А где наш писарь?

– Как положено! Пишет письмо турецкому султану! - все рассмеялись.

– Его ротный вызвал, должен подойти – сообщил дневальный по роте.

Встреча с командиром роты закончилась тем, что он пожал руку Анвару.

– Наслышаны... молодец! Батя перед строем зачитывал приказ

Маргелова о поощрении личного состава. Тебе, Алимов, объявлен отпуск на 10 суток. Поздравляю!

– Служу Советскому Союзу! – выпалил Анвар.

– Служи, служи! Завтра комбат на разводе объявит. Ну, иди, отдыхай!

– Есть! – Анвар поднес руку к берету, лихо щелкнул каблуками, и пошел в казарму.

– Вот это да! – он был ошарашен.

Вечером, после команды: «Рота! Отбой!» – когда все улеглись, возле кровати Анвара скатились «дембеля».

– Ну что, Анвар, отметим прибытие? – улыбающийся Зайцев достал резиновый бурдюк.

– Вы с ума сошли! Устроить массовую пьянку!

– Я же говорил ребята, он стал чумной! – Алтунин обнял его за плечи и пропел ему на ухо:

*«Вытьем друг мой, где же кружка?
Сердцу будет веселей».*

Анвар сдался под напором приятелей.

– Черт с вами! Только по чуть-чуть.

– Эх, костолом, костолом! – вздохнул сержант Спицын.

На тумбочке появились банки с тушенкой, ложки, хлеб. Зайцев наполнил кружку и протянул Анвару.

– Скажи что-нибудь, однополчанам.

Анвар вспомнил себя с бокалом шампанского в руке на берегу моря, Светлану, Лейлу, Мурада, Наташу.

«Утром Батя зачитает приказ об отпуске, а вечером я снова буду в Баку со Светой», – подумал он. – «Вот только, где я буду жить?»

Внезапная мысль испортила ему настроение. Ехать домой не было смысла. Лишние расходы, хлопоты маме, все равно скоро дембель.

– Не тяни резину, Анвар! – Спицын с нетерпением подталкивал его, – Мы ждем.

– А что я могу сказать, парни! – начал Анвар. – Мы служим вместе уже почти два года. Приехали сюда из разных концов Союза. Пришли с планеты, которая называется «гражданка». Мы ничего не знали, ничего не умели. Шло время! Каждый из нас ис-

пытал тяготы армейской службы, и каждый мужал на глазах у всех! Парни! – Анвар закурил сигарету и выпустил тонкую струйку дыма. – Я хочу, чтобы вы всегда оставались такими, как сейчас, молодыми, сильными, честными. Я не знаю, как сложится у нас жизнь после дембеля, но я всем желаю счастья, и, если на чью-то долю выпадет тяжелая ноша, пусть он найдет в себе мужество не сломаться!

Алтунин вдруг бросил в воздух:

– С одной стороны домой охота, а с другой – расставаться жалко.

Ребята шумно заговорили, каждому хотелось поделиться планами: кто-то хотел поступать учиться, кто-то собирался жениться.

Спицын пошел будить каптерщика, чтобы взять гитару, а добродушный Володя Зайцев каждому подносил кружку и сожалел, что бурдюк пустеет.

Вечно иронизирующий Колька Огнев допекал медлительного Овчинникова, приглашая его к себе на Краснодарщину.

– Поехали, Генка, ко мне, будешь моим холопом. Одну, обую и с голоду умереть не дам. А так пропадешь ни за грош!

Все кругом угорали от смеха. Овчинников - парень до безумия честный, был призван из деревни Малая Пурга, что в Марийской АССР. До призыва он работал скотником, и, что постоянно служило поводом для насмешек Огнева, до службы в армии ни разу не целовался с девчонками. Как-то он признался в этом Огневу, и теперь Колька терроризировал его, доводя до бешенства.

Вернулся Спицын, брэнча струнами, и вручил гитару рядовому Кобозеву.

– Сыграй Кобозев что-нибудь такое!

Кобозев взял гитару и запел:

*«Последний желтый лист,
Кружась, упал в траву.
Наверное, ты ждешь.
Что вновь тебя я по-зо-ву!»*

Это была знакомая всем песня, она нравилась им. Кобозев пел. У него был красивый тенор, гитара звенела в умелых руках:

*«Но стоит ли теперь
С тобой встречаться вновь,*

*Когда ушла весна,
Когда ушла любовь!»*

Анвар был в той степени опьянения, когда окружающее застилается алкогольным туманом и все становится нипочем.

Он вдруг решил пойти в самоволку. Ему захотелось увидеть свою попутчицу и, невзирая на доводы ребят, Анвар вышел из казармы. Его сильно покачивало, но он не выбрасывал из головы глупую затею.

Перевалившись с трудом через забор, он направился к общежитию. В вестибюле общежития долго упрашивал несговорчивую старушку-дежурную, что ему срочно необходимо увидеть Ирину из 49-й комнаты.

– Пожалуйста, бабуля!

– Да ты же пьяный! – возмутилась старушка. – Куда только ваши офицеры смотрят.

– Пожалуйста, бабуля! Очень прошу!

Старушка взглянула на Анвара из-под очков и после некоторых раздумий сдалась. Она пошла по коридору, продолжая возмущаться.

Анвар вышел на улицу и, закулив сигарету, стал ждать.

Ирина вышла в домашнем халатике и шлепанцах. Увидев Анвара, она удивленно воскликнула:

– Так это ты, полуночник! Баба Катя говорит: – Иди, к тебе пьяный солдат. А я думала, ты не придешь.

– Почему? – спросил Анвар.

– У тебя же есть девушка.

Анвара сильно качнуло в сторону, он ухватился за дверную ручку и подумал: «Э, да я действительно пьян».

Он развернулся и пошел в сторону расположения части. Ночь была лунная и отчетливо виднелись дома офицерского состава.

«Может обойти их стороной?» – подумал он, но отмахнулся от этой мысли.

– Сейчас все спят, пройду!..

Он осторожно шел мимо темных домов. И когда перед ним неожиданно выросла фигура человека в офицерской форме, Анвар вздрогнул от неожиданности. Ему бы развернуться и броситься наутек, но пьяное безразличие не подавало ему этого импульса.

Это был старший лейтенант Скируха, помощник начальника штаба батальона.

– Алимов? – узнал он Анвара. – Да ты же пьян!

– Так точно! – не стал отказываться Анвар. Он был зол на себя.

– Значит так, сейчас иди в роту, а завтра разберемся. Ты понял меня?

– Разрешите идти?

– Иди!

– Есть! – Анвар обошел офицера, и направился к забору.

«Раздует кадило!» – подумал он. – «Завтра комбату доложит, да еще приукрасит, он на это мастер. Отпуска мне не видать. Ну и черт с ним, с этим отпуском», – с досадой сплюнул он.

В казарме была тишина, все спали. Сонный дневальный, приняв Анвара за дежурного по части, соскочил с тумбочки.

– Почему спишь на посту? Где дежурный по роте?

Молодой солдат, застигнутый спящим, доложил Анвару, что дежурный по роте спит, а ему велел, следить за входной дверью штаба. И как только заметит приближение дежурного по части, немедленно будить его.

– Эх, сонное царство! Ну-ка, буди дежурного по роте, – при-крикнул Анвар на дневального и, направляясь к своей кровати, проворчал:

– Совсем распустилась молодежь!

Он лег и, едва коснулся головой подушки, тут же провалился в сон. Проснулся он от вопля дневального: «Рота, подъем!»

Разведчики спешно одевались и с голым торсом выскакивали из казармы. Анвар выбежал на улицу, где на зарядку уже построилась рота. Голова была тяжелой. Старший сержант Катайцев, исполнявший обязанности старшины роты, подал команду: «Бегом марш!». Это была обычная физзарядка. Но сегодня Анвар бежать не мог. Его знобило, подташнивало и он, развернувшись, побрел обратно.

«За семь бед – один ответ!».

Утренним разводом командовал гвардии майор Новохатский.

Батальон был построен как обычно – по ротам. На левом фланге застыли: взвод управления, хозотделение и ремонтники.

Командир роты укоризненно поглядел на Анвара, хотел что-то сказать, но тут раздалась команда.

– Батальон! Смирно!

Все замерли. Приложив руку к фуражке, чеканным шагом майор Новохатский подошел к командиру батальона майору Кулько-ву и громко доложил:

–Товарищ гвардии майор! Батальон для проведения утреннего развода построен.

Комбат подал команду: «Вольно!» – и Новохатский продублировал ее.

«Сейчас вызовет!» – успел подумать Анвар.

– Старший сержант Алимов! Выйти из строя!

Анвар стоял перед строем, а командир батальона ходил вдоль фронта. Наконец он остановился и громко произнес:

– Гвардейцы! Прошедшей ночью в батальоне случилось ЧП. Старший сержант Алимов в пьяном виде задержан старшим лейтенантом Скирухой.

Комбат сделал небольшую паузу и продолжил:

– Алимову был объявлен отпуск на 10 суток. За употребление спиртных напитков и самовольный уход из расположения части командование батальона лишает его отпуска. – комбат опять выдержал паузу – Находясь в Бакинском полку, Алимов подготовил разведчиков к показательным выступлениям, на которых присутствовал командующий Воздушно-Десантными войсками генерал армии Маргелов, и заслужил благодарность, – комбат вновь взял паузу, – Учитывая сей факт, я ограничиваюсь этой мерой наказания.

– Встать в строй! - комбат махнул рукой Анвару.

Вечером Анвар писал письмо Светлане. Конечно, он не стал рассказывать ей о попойке и ночном походе.

«Это перипетии судьбы!» - решил он. - Не это главное! Главное, что мы любим друг - другу.

Спицын, как обычно, надоедал ему с очередным кроссвордом.

– Анвар! – приставал он, – Отвлекись на минутку. Город в средней Азии из семи букв.

– Слушай, Спица! – так иногда, злясь, называл он Спицына, – Отвяжись от меня!

Спицын, понявший, что товарищу не до него, схватил кроссворд и помчался в казарму.

Анвар писал, что у него все хорошо. Спрашивал, сдала ли она зачеты?

– Хотя прошло всего два дня, как мы расстались, меня точит грусть и утешает лишь мысль, что дембель неизбежно придет.

Он передавал привет Лейле, Мураду, Наташе, интересовался здоровьем Гасана Набиевича и Татьяны Васильевны.

– Светлана! – писал он, – Я очень тебя люблю и скоро мы снова будем вместе.

Он запечатал конверт. Спицын вновь промчался по коридору с газетой в руке.

Вечер прошел как обычно. Вечерняя проверка, команда «Отбой!». Кто-то из ребят, лежа в постели, рассказывал придуманную историю о симпатичной, «как картинка» девчонке.

Никто не высказывал сомнений, хотя мало кто верил, тем не менее, слушали с удовольствием.

Осенние дни тянулись медленно. Рота несколько раз отстрелялась на стрельбище, были ночные прыжки с Ан-2 и разминирования минных полей.

Командир роты простил Анвару пьянку. Комбат и замполит делали вид, что не замечают его. Лишь Скируха, недовольный исходом, выискивал повод, что забавляло Анвара и его товарищей.

Анвар получил от Светланы два письма, и в обоих она писала, что скучает, не видится с подругами, а после занятий лежит дома и мама гонит ее: – Заперлась, точно монашка!

– Анвар! – писала она, – Я жду тебя! Осталось немного, и ты приедешь. Больше не пиши, а сразу приезжай! – и в конце письма, словно морзянкой: Люблю! Люблю! Люблю!

«Вот и конец службе!» – размышлял Анвар. – «Через несколько дней полечу домой».

Он не стал писать Светлане, что мама выслала ему всего сорок рублей.

«С этими деньгами не разгонишься» – размышлял он.

«На двоих нужно 200 рублей» – Анвар представил себе реакцию родителей Светланы. Она попросит денег у родителей, а этого больше всего не хотел Анвар.

«Они интеллигенты, а я из простой семьи».

Анвар, не замечал того, что внутренне отчуждается от людей, гостеприимно принявших его.

«Поеду домой!» – решил он. – «Заработаю денег, а потом привезу ее. Если любит – потерпит!»

Оставшиеся дни он бесцельно слонялся по части. Офицеры не обращали на него внимания.

Вечером, сидя в бытовке, вооруженный иголкой, он подгонял китель, пришивая к нему новые погоны, петлицы.

И вот наступил день, прежде казавшийся несбыточным! День, которого он ждал два года, жаждая, чтобы он скорей пришел. Он получил в штабе документы, деньги на проезд и вышел на крыльцо. Радость заполонила так, что он, чуть было не закричал.

В последний раз сходил с ротой на завтрак. А когда, вернувшись в казарму, взял свой дипломат, стало невыносимо грустно расставаться с парнями, с которыми бок о бок переносил тяготы службы.

Выходя из казармы, он столкнулся с командиром роты.

– Хотел сбежать, не попрощавшись? А я спешу, чтобы застать тебя напоследок!

– Ну что вы, товарищ капитан! – Анвар очень уважал своего командира, ценил в нем прямолинейность, умение говорить с солдатами.

– Я думал к вам домой зайти. – произнес смущенный Анвар.

Ротный обнял его. Видно было, что он искренне сожалеет о пришедшей разлуке.

– Желаю тебе всего самого хорошего в жизни! Помни, что ты десантник! Ты был отличным солдатом, Алимов! – и командир роты крепко пожал ему руку.

Ребята провожали его до КПП. Кобозев играл на гитаре и громко пел, а ребята подпевали ему.

*«Прощай аэродром,
Мы больше не придем
Смотреть, как десантура поднимается.
В дальние края, в большие города
На дембель едут, парни-дембеля».*

На душе у Анвара было пусто. Среди этих казарм, он оставлял кусочек сердца.

Они подошли к КПП и остановились. Дальше Анвар пойдет один и больше никогда не вернется.

Кобозев передал гитару молодому солдату по фамилии Усти-

нов, с неприкрытой завистью смотревшему на Анвара. Устинов часто хлопал глазенками, что казалось – вот-вот разрыдается.

Анвар вспомнил себя, такого же неискущенного в трудной армейской жизни, только начавшего служить.

– Ну, вот и все, – промолвил Анвар. Голос его дрогнул. Он чувствовал, что нужно что-то сказать этим парням в голубых беретах, но слова точно потеряли значение.

«Что слова!» – подумал Анвар. То, что творилось в его душе, было трудно высказать словами.

К Анвару подходили ребята и крепко обнимали его. Он прощался с ними и в каждом объятии чувствовал грусть расставания. Когда он последним обнял Устинова, губы Женьки дрогнули, он посмотрел на Анвара широко распахнутыми голубыми глазами.

– Прощай, Женька! – проговорил Анвар, впервые назвав Устинова по имени.

– Прощайте, товарищ гвардии старший сержант! Я вас никогда не забуду! – прошептал он и отвернулся, в попытке укрыть слезы от товарищей.

Анвар поднял дипломат и быстро зашагал к КПП. У самых ступенек он обернулся. Ребята махали ему руками.

– Пиши нам, Анвар! – крикнул Кобозев, с силой ударяя по струнам, и громко, с болью, запел:

*– Эх, загулял, загулял!
Загу-загу-загулял!
Парнишка мо-ло-до-о-о-ой!
В красной рубашонке,
Веселенький такой!*

Анвар сбегал по ступенькам и, не оборачиваясь, пошел вдоль забора. Еще слышался голос Кобозева, гитара которого звенела надрывно, что казалось, струны не выдержат и лопнут.

*– Загулял! Загулял!
Загу-загу-загулял!*

Анвар проходил как раз мимо того злополучного места, где возвращаясь от Ирины, столкнулся со Скирухой.

В кассе аэропорта, молоденькая девушка заявила:

– На сегодня билетов нет. Могу предложить на завтра, на 6 часов по Москве.

Делать было нечего, пришлось согласиться. Возвращаться в казарму ему не хотелось.

«Поеду к Ирине» – решил он.

В вестибюле дежурила пожилая женщина. На просьбу Анвара пройти в 49-ю комнату, она, даже не взглянув на него, утвердительно мотнула головой.

Он постучал в дверь с треснутой стеклянной табличкой, с номером - 49.

– Войдите! – донесся певучий голос из-за двери.

Анвар вошел в просторную комнату. В высокое окно било солнце. У кроватей заправленных ворсистыми одеялами верблюжьей шерсти, стояли покрытые лаком тумбочки. У стены возвышался массивный платяной шкаф, а за ним стол, за которым сидела веснушчатая девушка. Она удивленно разглядывала Анвара.

– Вам кого, товарищ солдат?

Голос ее был удивительно певучий. Анвар представился ей:

– Гвардии старший сержант Алимов. Мне бы хотелось увидеть Ирину. Она будет?

– Ирина вышла в соседнюю комнату, товарищ гвардии, – она подчеркнула «гвардии», – старший сержант. А вы ей кто?

– Я? Знакомый...

Дверь открылась. В комнату вошла Ирина. Увидев его, она радостно заулыбалась.

– Здравствуй!

– Здравствуй, – поздоровался он, протянув руку.

Ирина провела Анвара и усадила на стул.

– Вы познакомились? – спросила она.

«Веснушки» пропели:

– Насколько я догадываюсь, это тот пьяный солдат, фу! Простите, оговорила... сержант!

– Заноза! – обращаясь к Анвару, Ирина произнесла:

– Не обращай внимания, она всегда ерепенится.

– Я демобилизовался, Ирина! Дембель! Еду домой!

Он резко выдохнул. Ирина озорно дернула головой.

– О-о-о! Поздравляю!

Она поставила на стол горячий чайник, а Валя подала печенье, сахарницу.

В памяти Анвара всплыла картина утра, когда он собирался уезжать из Баку. В сверкающей кухне он наблюдал за тем, как Светлана собирала завтрак.

– О чем задумался? – Ирина заглянула в посерьезневшее лицо Анвара.

– Да нет, все нормально. Загрустил по ребятам. Они меня провожали, а у самих тоска в глазах!

– Ничего, – Ирина взяла его за руку, – Пройдет время, и они отслужат. Давай пить чай!

Ирина ухаживала за ним, подливала ему чай, придвигала варенье.

– Подруга не села с нами?

Ирина отставила чашечку в сторону и, взглянув на Анвара, сказала:

– Она девочка тактичная, оставила нас наедине. А что?

– Ничего, я просто спросил. Если можно, я закурую?

Анвар сел на подоконник, закурил сигарету и, глядя в окно, задумался.

На дворе вечерело, улица была пустынной, лишь в промежутке между дальними зданиями изредка проносились машины.

В голову Анвара закралась мысль: «Что-то не то я делаю, не так!»

Он погасил сигарету и тихо, на цыпочках вышел в коридор. Проходя мимо кухни, он увидел как Ирина, склонившись над раковиной, полощет блюда.

Анвар решительно зашагал к выходу.

В вестибюле дежурная проворно вязала. Блестящие спицы мелькали в ее руках. Она отсутствующим взглядом посмотрела на Анвара.

Выйдя на улицу, Анвар направился в сторону дороги. Ночь он провел в аэропорту, слоняясь по пустым залам, пока не уснул на одной из длинных скамеек.

Ему снилась соседская девчонка, Алтынай. Она беспощадно избивала его, нанося град ударов, и вдруг, истерично рассмеявшись, убежала с квадрата ринга, оставив его в крошечной тьме.

Анвар проснулся ошалевший. Самолет шел на посадку. Засе-

ребрилась лента полосы. Шасси коснулись бетонки и лайнер, гася скорость, понесся по взлетке мимо застывших, словно солдаты в строю воздушных кораблей. Сновали юркие машинки, ЗИЛы тянули на прицепах огромные Илы.

Обворожительный женский голос в динамике объявил о прибытии в шахтерский город Караганда, и, пожелав всем крепкого здоровья, пригласил к выходу.

Пассажиры, разминая затекшие от долгого полета ноги, стали продвигаться к выходу.

Автобус, в который, сойдя с трапа, прошел Анвар, покотился к сверкающему на солнце зданию аэропорта и остановился у стеклянных дверей с надписью «Вход».

У Анвара оставалось немного денег. Он собирался взять такси, и поехать домой, не толкаясь в автобусе. Пожилой таксист, с любопытством оглядел форму Анвара.

– В отпуск?

– Нет, совсем!

– Дембель значит! Доставлю с ветерком.

Анвар устроился на переднем сиденье.

– Кури! – разрешил таксист, – Я сам смолю. Не могу избавиться от этой заразы. Мотор уже барахлит, – пожаловался он и похлопал по левой стороне груди. – Говорят, какие-то таблетки помогают. Не слышал?

– Табекс называются. – ответил Анвар.

– А ты брось, пока молод. По фигуре, вроде как спортсмен? Так что ли?

– Да, вроде того! – согласился Анвар.

– Домой едешь, а почему не рад? – спросил таксист.

– Рад, рад. – возразил Анвар.

– Голову-то повесил!

– Думаю...

– Что, тяжела служба?

– Поначалу – ответил Анвар.

– Родители ждут наверное, волнуются. – утверждающе выдавил таксист, выпуская клубы дыма.

– Мама ждет, я ей телеграмму дал.

– А родитель где?

– Нет.

– А-а-а, – понимающе протянул таксист, – Ну, прости!

– Ничего.

– Вот, кажется, и приехали, какой ты сказал дом?

– 64-й.

– Правильно, тут он. За углом. Я заезжать не буду, дойдешь?

– Дойду! – Он протянул водителю пятирублевую купюру и, по-благодарив его, вышел из машины.

– Удачи солдат, мать береги! – крикнул таксист. Машина рванулась и через минуту скрылась в потоке машин.

«Вот и приехал!» – подумал Анвар, шагая знакомыми дворами, окидывая взглядом.

«Ничего не изменилось!».

Около подъезда сидели две женщины и глядели на него. Сердце Анвара екнуло. Нет, мамы среди них не было. Анвар облегченно вздохнул. Ему не хотелось, чтобы мама встретила его на улице. Она бы, кинулась ему на грудь и стала громко рыдать, привлекая внимание.

Он прошел в подъезд и торопливо взбежал по ступенькам.

Дверь была не заперта.

«Наверное, мама вышла к тете Груне» - решил он, входя в прихожую.

Он заглянул в комнату и увидел мать. Она гладила. На стуле возвышалась горка выглаженного белья.

– Мама! – вымолвил Анвар. Она вздрогнула и замерла.

– Мама!

Она повернулась к нему.

– Сынок! – прошептала она.

Анвар подскочил к ней, обнял ее и прижался щекой к груди матери. Как когда-то в детстве, она стала перебирать его волосы вздрагивающими руками. Ему стало уютно и тепло.

– Ну, как ты, мама?!

– Ничего, сынок, ждала вот тебя! – она вдруг засуетилась.

– Ой, да ты же с дороги, я сейчас буду тебя кормить!

Она засуетилась, загромила посудой. Анвар снял китель и, оставшись в тельняшке, прошел в ванную. Тщательно умывшись, Анвар вышел к маме.

– Ну, рассказывай, как ты жила без меня?

– Да что теперь о том сынок, ты уже дома – и все позади! Всякое было, часто болела, сердечко в последнее время сдает; одыш-

ка... пока поднимусь на этаж, оно выпрыгивает из груди. А так я все дома, дома. Вот телевизор смотрю. Тетя Маркеш навещает. Салим-агай заезжал с женой и дочкой. Она такая красавица стала, послал бы Бог такую невестку нам, вот была - бы отрада на старости лет. – она вздохнула. – Груня заходит, всегда спрашивает, чем помочь. Дай Аллах ей здоровья, хороший человек.

Она нарезала колбасу, сыр, поставила перед ним масло, хлеб и налила горячий с молоком чай.

– Перекуси пока, сынок, а к вечеру будет бешбармак.

– Ну что ты, мама, стоит ли беспокоиться.

– Стоит, сынок, стоит! Я два года ждала. Пригласим тетю Маркеш, соседей. Шутка ли, сын из армии вернулся! Был бы жив хозяин очага, барана бы зарезали по такому случаю.

Она горестно вздохнула, и Анвар заметил, как сдала мама. Ее прежде черные волосы сильно побелели. Лицо увяло, покрывшись морщинами.

«Тяжело ей», – подумал Анвар, – «И отца не может забыть».

Ему стало нестерпимо жалко мать.

– Ничего, теперь заживем. Я пойду работать, отправлю тебя на курорт. Отдохнешь от забот.

Он прижался к ее руке.

Анвару было десять лет, когда он остался без отца. Отец умер от рака. Он помнил отца - большого, сильного. Его детская память сохранила немного. Отец его сильно любил. Придя с улицы, отец раздевался, сажал его рядом с собой и гладил ему вихры. Но больше всего в памяти запечатлелась картина страшного дня.

Было много людей, они входили и выходили. Женщины рыдали, обнимали мать, сочувствуя ее горю; мужчины с достоинством, скорбно склонив головы, выражали соболезнование; мама сидела, распухая от слез, безучастная ко всему и пела жоктау.

Отец был уважаемым человеком в роду. Приехали люди с дальних аулов, отдать дань покойному. Всех нужно было встретить, накормить. В казанах варилось мясо, жарились баурсаки, металась, накрывая столы женщины.

Анвар стоял оглушенный происходящим. Из глаз его непрерывно текли слезы. Детское сознание еще не могло со всей полнотой осознать случившееся.

С тех пор прошло много лет. Мама Анвара больше не вышла замуж, посвятив себя воспитанию единственного сына.

Иногда, вспоминая отца, она обнимала его и шептала: «Жеребенок мой, когда же ты станешь взрослым?» От этих слов ему становилось горько, хотелось быстрее вырасти, окончить школу, стать большим как отец, чтобы помогать маме. Учеба давалась легко, он легко усваивал материал, учителя хвалили его. Мама не могла скрыть радость и рассказывала соседям и родственникам, заезжавшим погостить:

– Джигитом стал, жеребенок мой!

Гости вздыхали сокрушенно и покачивали головами: – О, Создатель! Мама совала ему леденцов и отпускала на улицу.

Анвар рос крепким не по годам мальчишкой. Если ему доставалось от старших ребят, он никогда не просил пощады. Лишь в широко распахнутых глазах его вспыхивал огонь, и тогда взгляд становился острее бритвы.

А когда он приходил домой в порванной рубашке, с разбитым носом, мать вздыхала, глядя на него и говорила:

– Отец тебя учил драться только за правое дело!

И спрашивала:

– Ты был прав?

– Не знаю, – отвечал он, – Думаю, что прав!

Тогда она забирала у него рубашку и принималась штопать ее.

А когда в 15 лет он записался в секцию бокса, она сказала:

– Иди, мужчина должен уметь защищать себя!

Вечером у них собрались гости. Приехала тетя Маркеш – старая подруга матери, приехал Салим-агай, доводившийся племянником отцу Анвара, с ним была и его жена, симпатичная казашка – Ханифа-апа. Были соседи – старый шахтер Степан Иванович с добродушной женой тетей Груней и Клавдия Егоровна, классная руководительница Анвара. Мама близко сошлась с ней в последнее время и теперь поделилась радостью, пригласив ее на праздник.

За столом было шумно и весело. Мама Анвара и тетя Маркеш хозяйничавшие на кухне, подали на стол бешбармак на деревянном астау. На столе было выставлено спиртное: водка, шампанское.

Степан Иванович, взявший на себя обязанности наполнять бокалы, первый тост предоставил Салим-агаю.

Салим-агаю было 50 лет. Он работал главным инженером шахты, был обязательным на всех тоях и праздниках, за эти годы он

заметно раздался и теперь выступавший живот как бы символизировал его должность.

Он постучал вилкой по краешку блюда, требуя тишины. Затем кашлянул для солидности и разрядился тирадой наставлений и пожеланий.

– Дорогой, Анвар! – произнес он. – У казахов, существует древний обычай, когда ребенок делает первые шаги в жизни, ему на ноги одевают путы, а затем уважаемый человек разрезает их, выражая этим свою благосклонность к ребенку и желая ему крепко стоять на ногах.

Мне не довелось разрезать тебе путы на ногах, когда ты был маленький, по той причине, что я сам тогда был еще юношей. Но мне путы разрезал твой отец, Анвар-жан! Он был уважаемым человеком в нашем роду. Позволь мне сейчас, когда ты отдал долг Родине и вступаешь в жизнь взрослым человеком, от лица всех присутствующих здесь гостей, разрезать тебе путы на ногах и сказать тебе: Иди смело по жизни и крепко стой на ногах!

Гости оживленно стали аплодировать, им очень понравился тост Салим-агая.

Пожелания Салим-агая проникли в сердце Анвара и он искренне поблагодарил его.

Гости ели бешбармак и нахваливали тетушку Кульзипу – маму Анвара.

Степан Иванович поочередно предоставлял слово: вначале Клавдии Его-ровне, а затем тетушке Маркеш. Говорила и Ханифа-апа.

Несколько слов сказала и мама. Она заметно волновалась, бокал с шампанским вздрагивал в ее руке. Она поблагодарила гостей за доброту и отзывчивость.

– Теперь, – произнесла она, – Когда мой жеребенок стал настоящим джигитом, у меня есть лишь одна просьба к Создателю. Пусть он пошлет хорошую невестку, спутницу жизни моему сыну. Тогда я смогу с чистой совестью закрыть глаза и отправиться к безвременно ушедшему. Я не осквернила его память и поставила нашего жеребенка на ноги.

Она всхлипнула, и из глаз ее потекли слезы. Салим-агай поддерживал ее под локоть и усадил в кресло.

– Успокойтесь, тетушка, успокойтесь. Я предлагаю, – крикнул он, – поднять бокалы за тетушку Кульзипу!

Зазвенели поднятые бокалы, мать Анвара утерла слезы и бросилась на кухню подавать сорпу.

Гости еще долго сидели за столом, пили чай. Женщины как-то незаметно уединились; Салим-агай принялся расспрашивать Анвара о службе, а подвыпивший Степан Иванович порывался рассказать, эпизод одного боя в Великую Отечественную войну.

На войне он был танкистом, горел в танке, ранен, контужен, имел правительственные награды. После войны молодым лейтенантом приехал в Караганду и стал работать в шахте забойщиком. Там и встретился с тетей Груней - разбитной откатчицей. Приглянулись друг-другу и решили объединить свои судьбы.

Степан Иванович отдал шахте 30 лет, был почетным шахтером, имел медали за доблестный труд. Подвыпивший, он становился шумным, но его любили и уважали.

Когда гости разошлись, Анвар помог маме убраться. Она постелила ему.

– Ложись, отдыхай, сегодня твоя первая ночь в отчем доме. Приятных снов, мой родной!

Он поцеловал ее и, пожелав спокойной ночи, ушел спать.

Несмотря на то, что он поздно лег, в шесть часов утра его будто пружиной выбросило из постели. Это была отработанная годами армейской службы привычка. Он чувствовал себя бодрым. Анвар прошел в ванную и залез под душ. Он решил, не откладывая, встать на воинский учет.

Ему хотелось попробовать свои силы в забое, проходчиком, там были высокие заработки. Он рассчитывал, получив зарплату, сразу же поехать за Светланой.

«Писать и звонить не буду, слишком долго придется объясняться. Да и маме пока не стану говорить, – решил он, – Вот привезу ее, будет для нее сюрприз. А после свадьбы и в институт можно».

Настроение было отличное. Жизнь казалась прекрасной! Ему и в голову не приходили вопросы: согласятся ли родители Светланы на их брак? Или - где он возьмет деньги на свадьбу?

Главным для него, стоял вопрос поездки за Светланой.

Пройдет много лет, когда он, вспомнив это утро, поразится своей наивности.

Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить маму, Анвар прошел на кухню и приготовил себе яичницу.

– Анвар, сынок, ты почему так рано? – раздался голос матери.

– Привычка, мама! Бывало, проснешься перед подъемом и лежишь, не открывая глаз, слышишь шаги дневального по роте, и ждешь... вот-вот, он крикнет: «Рота! Подъем!» И как ни ждешь команду, она всегда звучит неожиданно.

– Бедненькие, – пожалела мать.

– Я пройдусь по городу, зайду в военкомат, необходимо на учет встать.

– Иди, сынок, прогуляйся. Город-то заметно расстроился. А мне надо в магазин сходить, в поликлинику забегу на уколы.

Анвар надел китель, заломил, голубой берет набок и шутиливо спросил:

– Ну, как я, мам?

– Ой, сынок, – она помолчала, а затем с надеждой добавила, – ты бы, зашел в таком виде к Алтынай, она сейчас на почте работает. Такая красавица стала, глаз не оторвешь. Про тебя спрашивала.

Анвар мягко отклонил ее просьбу. – Сегодня не получится, как-нибудь потом.

Он знал, что она души не чает в Алтынай и мечтает о том, чтобы она стала женой Анвара.

Они росли вместе: ходили в школу, убегали играть в соседние дворы и, когда Анвар дрался, Алтынай отчаянно бросалась защищать Анвара. Это очень злило его, и он набрасывался на нее.

– Кто тебя просил? Чего ты лезешь? Не ходи за мной!

Дрожа от ярости, угнетенный проигранной дракой, он шел прочь от нее. А она, утирая слезы, брела за ним и гундосила:

– Если бы не я, они бы повалили тебя. Не злись, Анвар!

Но он шагал, втянув голову в плечи, спотыкаясь на ровном тротуаре, злой на целый свет.

Потом он стал посещать секцию бокса.

А когда в семнадцать лет он выполнил I разряд, то мальчишки во дворе стали шептаться:

– Боксер идет!

Парни взрослее, уважительно протягивали руку:

– Здорово, Анвар!

Алтынай поджидала его, когда он возвращался с тренировки, и просила сводить ее в кино или в парк.

Это бесило Анвара, он отмахивался от нее, словно от назойливой мухи:

– Некогда мне! Я устал! С какой стати?

Она бросала на него уничтожающий взгляд, и уходила прочь, высоко подняв голову.

– И чего ты, сынок, воротишь нос? Не понимаю, – мама начинала сердиться, – И красивая, и хозяйка, а главное – любит она тебя.

– Мама! Давай об этом потом. Ладно?

Анвар поцеловал мать и вышел. Он брел по зимнему городу. На тротуарах лежал снег. Деревья стояли заледенелые, будто стеклянные и, от них шел тихий, хрустальный звон.

Был час пик. Люди спешили на работу. Визжа тормозами, замирали у светофоров вереницы автомашин, неторопливо плыли троллейбусы, стремительно трогались с места комфортабельные «Икарусы».

Анвар задержался у здания цирка. Он был выстроен за время его службы.

«Надо будет сводить маму!» – подумал он.

В военкомате Анвар отдал свой военный билет в окно для постановки на учет, и теперь ждал.

– Демобилизовался, старший сержант? – раздался чей-то голос.

Анвар повернулся и увидел седеющего, густобрового полковника танковых войск.

Он поднес руку к берету и громко ответил:

– Так точно, товарищ полковник!

– Где служил? – мягко спросил бровастый полковник.

– В Кировобаде.

– Ты зайди ко мне, потолкуем!

Анвар хотел было спросить, куда ему зайти, но полковник, словно угадав его мысли, сказал:

– В кабинет военкома.

– Есть, товарищ полковник!

В кабинете рядом с полковником сидел молоденький старший лейтенант. Военком усадил Анвара и стал расспрашивать его о службе.

– Ну, а какие теперь планы?

– На шахту, товарищ полковник.

Они переглянулись.

– А мы со старшим лейтенантом хотели предложить тебе пойти преподавателем начальной военной подготовки в школу. Работа интересная. Нужно готовить молодежь к защите Родины. Парень ты видный, десантник. А главное – нужная эта работа! – Он замолчал, а потом спросил: – Ну, как ты?

– Нет, товарищ полковник, я решил – на шахту.

– Жаль! Но уголь, брат, тоже необходим. Ну, давай, по-десантному там!

– Разрешите идти? – козырнув, спросил Анвар.

– Иди! – махнул полковник.

– Есть!

Анвар развернулся и вышел из кабинета.

Прошло несколько дней. Анвару выдали паспорт и прописали по месту жительства. А главное, его приняли в бригаду проходчиков. Он был очень доволен собой.

Возвращаясь знакомыми дворами, он потихоньку насвистывал. Настроение было прекрасное.

«Как там Светланка? Она, наверное, в шоке! Ну, ничего, теперь уже скоро, заработаю денег – и сразу за ней!» – думал он.

Анвар безумно любил Светлану. Он очень грустил и постоянно думал о ней. Она ему снилась, он просыпался среди ночи, и нехорошие предчувствия охватывали его. И тогда он долго не мог уснуть. Светлана стояла у него перед глазами. Анвар видел ее глаза, рябиновые губы, тонко очерченный нос, чувствовал запах пахнущих жасмином волос. Он вскакивал и шел в ванную, и там долго стоял перед зеркалом, придирчиво осматривая себя, словно увидел впервые.

Он был высок и хорошо сложен. Лицо его имело резкие черты, широкие карие глаза, прямой нос.

«Боже, что она во мне нашла?» – размышлял он.

Он очень боялся потерять ее.

«Тот пижон, наверняка, кружит вокруг нее!» – со злостью подумал Анвар, вспоминая.

Они возвращались из кино, когда неподалеку от дома Светланы, обогнав их, затормозил темно-синий «жигуленок». Из него вышли трое парней. Парень, поигрывавший ключами от автомобиля, широко улыбался. На руке его поблескивала массивная золотая печатка. Он был красив и модно одет.

Пальцы Светланы в руках Анвара нервно вздрагивали. Они подошли вплотную к парням.

– Хочешь подвезти нас, Руслан? – насмешливо спросила Светлана, – Но тут недалеко, мы дойдем пешком.

– Я хочу поговорить с твоим другом! – с заметным акцентом проговорил Руслан.

Анвар шагнул вперед, но Светлана остановила его.

– Ему не о чем говорить с тобой, – твердым голосом произнесла Светлана, – И не смей больше преследовать нас!

Руслан хотел было что-то возразить, но не решился.

Анвар со Светланой обошли их, и пошли по тротуару. Сзади хлопнули дверцы, «Жигули» набирая скорость, ушла вперед.

– Кто он? – спросил Анвар.

– Мой жених! – усмехнулась Светлана.

Анвар вздрогнул и недоуменно посмотрел на Светлану.

– Мой папа и отец Руслана – старые друзья. И когда у дяди Резвана родился сын, а у папы с мамой появилась я, то они на радостях, по старинному обычаю, дали обет, что поженят нас. И вот недавно Руслан заслал ко мне сватов.

– А ты что? – обомлел Анвар.

– Я? Я посмеялась и сказала, что люблю другого.

– Кого другого? – вырвалось у Анвара.

– О, Боже! – Светлана рассмеялась, – Ну, конечно, тебя!

– А-а-а... А как же Руслан?

– Ты хочешь, чтобы я вышла за него?

– Что ты! – испугался Анвар.

Он окончательно растерялся.

– Средневековье! Черт знает что! – он запнулся, не найдя нужного слова, – Теперь ведь... двадцатый век!

Она громко рассмеялась. Глядя на нее, Анвар тоже улыбнулся.

Они еще долго смеялись.

– Ты слышал, легенду о Лейли и Меджнуне?

– Нет, – признался он.

– Как-нибудь я тебе расскажу, – пообещала Светлана.

Вспомнив тот бакинский вечер, Анвар почувствовал, как сердце его беспокойно торкнулось.

«Надо было занять денег у Мурада».

Анвар не заметил, как поднялся на этаж. Открыв дверь своим ключом, он вошел в квартиру. Из кухни доносился голос матери.

Оглядев себя в зеркале, он прошел на кухню и увидел маму, а рядом с ней... Алтынай!

– А вот и он! – воскликнула мать.

– Здравствуй, Алтынай! – поздоровался Анвар.

Красивое лицо Алтынай озарилось улыбкой – она подала ему руку, – Ой, какой ты огромный стал!

– И ты уже невеста! Повезет же кому-то!

Она была высокой, стройной, большие черные глаза светились радостно. На ней было облегающее платье, подчеркивающее тонкую талию.

– Не станешь гнать меня, как прежде? – кокетливо спросила она.

– Не знаю! – пробормотал он.

Она рассмеялась.

– Тетя! Он неисправим!

У мамы было прекрасное настроение, она собирала на стол.

Анвар и Алтынай прошли в зал.

– О! Это твой армейский альбом? Можно его посмотреть?

– Конечно, если тебе интересно.

Алтынай с любопытством принялась листать его. Из кухни слышался веселый голос мамы:

– Анвар! Приглашай гостью к чаю.

– Пойдем?

– Конечно, я потом досмотрю.

Она отложила альбом и прошла на кухню. Мама Анвара усадила ее рядом с собой и принялась угощать:

– Вот щербет доченька, конфеты бери. Чай быстро остывает, давай подолью горяченького! Анвар, а ты что не пьешь? Чай со сливками, индийский, специально берегла. Он совсем отвык от чая в армии! – пожаловалась она Алтынай, – Ведь чай издавна у казахов на первом месте!

Она прихлебывала из пиалы, искоса поглядывая на Алтынай.

– Замуж не собираешься, доченька? Наверняка, от женихов отбоя нет, – лукаво спросила она и рассмеялась.

– Ну, что вы, тетя! Я ведь принца жду!

– Ах, нынешняя молодежь! В наше время засватали тебя, а ты и жениха не видела.

– Мама! – воскликнул Анвар, – Жизнь-то сейчас другая!

Алтынай поставила кесе и прикрыла ее ладонью.

– Спасибо, тетя, за чай!

– Давай еще, доченька?!

– Нет, благодарю вас, очень вкусный чай, спасибо!

– На здоровье!

Сразу после чая Алтынай засобиравалась домой.

– Ты проводишь меня? – спросила она Анвара.

– Конечно!

Алтынай попрощалась с мамой Анвара.

– До свиданья, доченька! Родителям поклон от нас, давно мы не виделись.

Они шли по ярко освещенному фонарями проспекту.

– Можно? – Алтынай, кокетливо заглянув Анвару в глаза, взяла его под руку.

– Почему такой кислый?

Анвар попросил ее рассказать о себе.

– Ну, что о себе? Окончила курсы телеграфисток и вот работаю. В свободное время, как и все - кино, дискотеки, летом – на юг. Вот и все! Как видишь, сплошной стереотип. – А ты как? – спросила она, – Как служилось? Невесту не приметил там? Сейчас ведь модно, возвращаться из армии со своей невестой! Прости, я, кажется, ляпнула пошлость.

– Да нет, все нормально. Служил тоже, как все. Занимался спортом. А невеста действительно есть. Только она сейчас в Баку. Так что тоже, сплошной стереотип.

Они засмеялись. Но, Алтынай заметно погрузилась. Некоторое время шли молча. Затем Алтынай со свойственной ей прямоотой спросила:

– Что ты намерен делать?

– Ничего особенного, – Анвар пожал плечами, – Привезу ее и женюсь.

– И ты считаешь, что в этом нет ничего особенного? – воскликнула Алтынай, – Видно, тебе на боксе все мозги растрясли, – запальчиво выкрикнула она.

Анвар растерялся. Он хорошо знал Алтынай и помнил их детскую привязанность друг к другу. Да и позже, когда они повзрослели... Правда, она тогда была несколько странной. То ждала его с тренировки, то вдруг шла мимо в компании парней, делая вид,

что не замечает его. Но раньше он не задумывался – отчего такие перемены в ней, считая это капризами. Он относился к ней, как к вздорной девчонке.

А теперь Анвар увидел в ней женщину. Да это была женщина! И она хотела его внимания. Но что он мог дать ей? Обмануть? В его воспоминаниях, наряду с отцом, мамой, всегда всплывало лицо маленькой Алтынай, яростно бросающейся в драку с мальчишками, болезненно вздрагивающей от его резких слов; позже, уже девушкой-подростком, проходя под ручку с сияющим от счастья Арманом, она, обернувшись, показывала Анвару язык.

Алтынай остановилась и убрала свою руку. Она вызывающе посмотрела ему в глаза и тихо сказала:

– Чтобы ты знал, я ждала тебя!

Она зашагала прочь. Анвар сделал несколько шагов вслед, но остановился глядя на удалявшуюся девичью фигуру.

В «нарядной» участка проходческих работ, было полно народа. Люди все заходили; многие стояли вдоль стен, держа в руках шахтерские тормозки.

Начальник Скворечников, давал наряд-задание бригадирам. Белый как лунь горный мастер Трофимыч, протянул журнал техники безопасности:

– Расписывайтесь и в шахту!

Голос у него сиплый, словно простуженный. Анвар знал про него, что он однажды пробыл в завале трое суток.

Шахтеры уважали его. Анвар подошел к столу и расписался.

– Новенький! Будешь ходить с Черепановым. Кстати, где он? Черепанов! – просипел он.

– Здесь я, Трофимыч.

К столу протолкнулся чернявый парень.

– Тут значит, новенький, присмотри за ним.

– Пригляжу. Будь спок! – он хлопнул Анвара по плечу.

– Ну, пошли, переодеваться.

Они вышли из нарядной.

– Давай знакомиться! – парень протянул ему руку, – Витек!

Анвар тоже назвал свое имя.

– Приезжий что ли? – спросил Витек.

– Из армии пришел.

– А-а-а! – протянул чернявый, – Значит демобилизованный?

– Выходит так, – ответил Анвар.

Переодевшись, они направились в ламповую и по переходной галерее вышли к клетки.

Звенели звонки, рукоятчицы переругивались со стволовыми. Оглушенно хлопали двери, клеть снималась и уходила в темноту.

Снова раздавались звонки, и другая клеть становилась на стопор. Из дверей щуря глаза, выходили чумазные парни в шахтерских робах.

У каждого на ремне висела батарея шахтерской лампы, а через плечо был перекинут ремень самоспасателя.

«Как солдаты, по полной боевой выкладке», – подумал Анвар.

Снова подошла клеть, и они, дождавшись пока выйдет ночная смена, ринулись в нее. Анвар ухватился за поручень, дверь поползла по роликам и закрылась. Клеть дрогнула и, заскользила вниз, набирая скорость. Луч лампы выхватывал из темноты фрагменты труб, металлическую лестницу, серый мокрый бетон. Наконец внизу показался свет.

Это был основной горизонт. Витек дернул Анвара за рукав и крикнул ему: – Не зевай!

Он махнул рукой, стоявшему неподалеку стволовому:

– Здорово, Кузьмич!

Но стволовой не слышал его. Они прошли через камеру ожидания, и вышли на откаточный штрек, к трамваю.

– Витек, айда сюда! – позвали из вагончика.

– Лезь, – махнул Витек Анвару.

В вагончике было темно. Шахтеры сидели с включенными лампами. Некоторые закладывали за губу насвай. Витек достал из кармана небольшой пузырек, открыл крышку и отсыпал на ладонь щепотку темно-зеленых гранул.

– Кашгарский, – похвастался он, закладывая за губу. Он смачно сплюнул, – Попробуешь? – предложил он Анвару.

– Да нет, благодарю! – отказался Анвар.

Еще до армии, когда он был практикантом, один из шахтеров также предложил ему насвай, и Анвар забросив зерна по незнанию, сглотнул слюну.

Через некоторое время его жутко замутило и вывернуло. Когда он едва отдышался, шахтер протянул ему фляжку с водой:

– Не зная броду – не суйся в воду! – назидательно произнес он. И теперь, когда Витек предложил ему насвай, Анвар почувствовал отвращение.

Трамвай громыхая, покотил по штреку. Ехали долго. Трамвай переходил на другие ветки, пролетал мимо бетонных утюгов, а когда набирал скорость, то в проеме вагона мелькали ребра крепежных ножек.

Но вот он остановился. Витек крикнул: «Приехали!» и, сверкнув в темноте фиксами, выпрыгнул из вагона.

Шахтеры направились в забой, а трамвай, громыхая на стыках, покотил дальше. Красный свет, прикрепленный сзади последнего вагона, скрылся за поворотом.

Смена состояла из семи человек. Они двигались гуськом, друг за другом. Штрек шел вниз, по падению угольного пласта. Посреди, на выложенных колодцах тянулся скребковый конвейер.

Звеньевой повернулся.

– Витек, ты с новеньким оставайся здесь. Замените два рештака.

– Понятно, бугор! – ответил Витек. – Все будет в ажуре!

Смена ушла в забой.

– Ну, пошли за рештаками, они тут недалеко, – и Витек двинулся вперед.

Анвар заспешил за ним.

– Нужно торопиться, комбайн должен рубить.

Витек осветил стопку металлических рештаков, вытащил один и взял его на плечо. Анвар последовал его примеру. Они принесли их на место и стали разбирать привод.

Когда Витек заменил цепь, они присели «тормознуть». Развернув бутерброды, они быстро проглотили их, запивая водой из фляжек.

Витек поднял самоспасатель.

– Пойдем к ребятам! – он мотнул головой в сторону забоя и зашагал, сунув руки в карманы. Спасатель болтался, задевая об ножки креплений. Анвар шел сзади. Бесшабашный Витек нравился ему.

– А ты женат? – спросил он Витька.

– Я? Да ты что? Кому я плохое сделал?

– А ты сам? – спросил он.

– Я тоже нет.

– Я брат, как пришел из армии, так сразу в шахту подался. Я в стройбате служил, так что к работе привычен, мы там вкалывали, будь здоров. А здесь мне нравится. – Витек показал большой палец.

Они добрались в крепленную лесом выработку. Грудь забоя матово блистала.

«Вот оно – черное золото», – мелькнула мысль.

Бригадир махнул комбайнеру: «Поехали!» – и комбайн оглушительно взревев, словно дракон вонзился в угольный целик, утыканной зубцами балдой.

Из-за грохота ничего не было слышно. Надрывно скулил вентилятор, громыхал включенный привод. Прорезая, словно ножами завесу угольной пыли, металась в темноте лучики шахтерских ламп. Витек дернул Анвара за рукав и, наклонившись к уху, крикнул:

– Пошли готовить рудстойку.

Из пачки бревен, Витек отобрал несколько лесин и велел Анвару тащить их к забою. Подошли еще двое: юркий мужичок лет сорока и жилистый молодой парень.

– Начнем крепить, Витек? – крикнул маленький.

Витек утвердительно махнул головой: «Давай!»

Работа в забое кипела. Комбайн, послушный воле человека, рубил. Куски черного золота, летели на скрежещущий привод, который увозил его на штрек.

Анвар с Витьком запиливали ножки, вырубали зуб, в то время, как двое устанавливали верхняк. Витек ловко вколачивал растрел, и рама была готова.

Смена пролетела так быстро, что бригадир, глянувший на часы, замахал руками и закричал:

– Шабаш, Грива, гаси трактор!

Грива, дернул рычаг оросителя, выключив воду и по привычке заорал в наступившей тишине длинному:

– Верхняк! Закрывай вентиль!

Он остановил комбайн и схватив баллон с маслом, полез заливать его.

Это был парень лет тридцати, с гривой длинных, торчащих из-под каски в разные стороны волос.

«Наверное, поэтому его прозвали Гривой» – подумал Анвар.

- Сколько рам поставили? – спросил бригадир.
– Пять! – ответил Витек.
– Нормально!
Витек снял с гвоздя самоспасатель и закинул его за плечо.
– Ну, что? Потопали? – спросил он.
– Вперед! – Бригадир зашагал к штреку и ребята, толкаясь, потянулись следом.
Витек дернул Анвара за куртку.
– Чем займешься после работы?
Анвар передернул плечами.
– Да так! – сказал он неопределенно.
– Пойдем на танцы? Потанцуем! Музыка там! Ну что? Идет? – спросил Витек.
– А где мы встретимся?
– Придумаем!
Витек толкнул шагавшего впереди длинного.
– Шагай быстрее Верхняк, ноги как ходули, а плетешься еле-еле.
– Он с похмелья! – донесся голос идущего впереди Гривы.
– Сам ты с похмелья, – огрызнулся длинный. – Я на рыбалку ездил.
– поймал золотую рыбку?
– Ага... несколько судаков и две красноперки...
– Всего-то? – Витек презрительно хмыкнул, – Рыбак!
Все рассмеялись, а длинный обиженно махнул рукой:
– Что ты понимаешь в вечерней рыбалке, пацан!
Шахтеры опять прыснули. Витька это обозлило.
– Да что твоя рыбалка! Я вечером на дискотеке так порыбачу!
Поймаю такую рыбку, что тебе и во сне не снилась, длинная ты образина!
– Ну, ты! – ополоумел Верхняк и бросился на Витьку.
Но не тут-то было! Ловкий Витек увернулся от него и проскользнув между приводом и длинным, спрятался за бригадиром.
– Бугор, гляди, травмирует, кто работать будет?
– Не дразни его! Кончайте бузить, ребята, на поезд опоздаем!
Когда они вышли на штрек, трамвай уже поджидал их.
– Вы что там, заработались что ли? – раздались недовольные голоса из трамвая.

– Успеете! – огрызнулся Витек и, усевшись, заорал машинисту: – Трогай!

Под стволом людей было немного, и они выехали четвертой клетью.

В ламповой бурлило, люди выезжали из шахты, смена шла на работу, около «табельной» выстроилась очередь. Анвар тоже пристроился в конец и отметил выезд.

Затем он сдал лампу на зарядку, и, поставив самоспасатель в гнездо, прошел в раздевалку. Найдя свой ящик, стащил с себя влажную робу.

В душевой он столкнулся с Витьком.

– Становись сюда, мойся!

Людей было много, шахтеры толпились по несколько человек у одного крана.

Одни намыливались, другие споласкивались, третьи ожесточенно терли себя мочалками, оттирая вьезшую угольную пыль. В душевой стоял гвалт, разносились взрывы хохота: над кем – то подшучивали, открыв неожиданно ледяную воду. Раздавались истошные крики. Витек вновь донимал длинного.

Анвар с удовольствием подставил тело под струю холодной воды.

– Ай! – Витек отскочил в сторону, – Ты что, спятил?

– Да нет! – улыбнулся Анвар.

– А ты здорово накачан! – восхищенно цокнул языком Витек. – Где это ты так?

– В армии.

Он быстро обтерся полотенцем и, сунув ноги в шлепанцы, направился к ящику с чистой одеждой.

Одевшись и причесавшись, Анвар вышел из комбината шахты.

На улице шел мокрый снег. Промокшие, взлохмаченные воробы сидели озябшие, втянув головы. Анвар с нетерпением ждал зиму, он соскучился по ней за два года службы в жарком Азербайджане. Но теперь, глядя на это нудное месиво, Анвар чертыхнулся и, подняв воротник куртки, шагнул в маршрутный автобус.

Шахтеры оживленно беседовали. На задней площадке курили, не обращая внимания на возмущавшуюся молоденькую кондукторшу.

Обсуждали погоду, урожай картофеля на дачах, проблемы раз-

вивающихся стран. Анвар устало откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Рядом кто-то плюхнулся и толкнул его в бок. Это оказался Витек. Он протянул Анвару пачку «Казахстанских», предлагая: – Закуришь?

Анвар отрицательно мотнул головой.

– Нет, благодарю!

– Что, утомился?

– Есть немного!

– Ничего! Это поначалу так, затем обвыкнешься!

Он тщетно щелкал зажигалкой, намереваясь прикурить, но зажигалка не загоралась. Витек с досадой сунул ее в карман и стал озираться по сторонам, у кого бы прикурить. Анвар вынул зажигалку и протянул ее Витьку. Витек прикурил и залюбовался ею.

– Где взял такую?

– Купил в Баку!

– Красивая! – он вернул ее Анвару.

Автобус тронулся и, разбрызгивая лужи, поехал к городу.

Они ехали мимо терриконов и шурфов. Кондукторша расталкивала локтями шахтеров.

– Деньги, деньги за проезд! – звенел ее требовательный голос.

Горняки шутили с ней.

– Тут же и в карман не залезешь.

– Ничего, залезешь! – кондукторша тянула руку.

– Еще в чужой карман попадешь в такой толчее, – раздался чей-то веселый голос.

– Здесь, пожалуйста, деньги за билет! – кондукторша обращалась к ним.

Витек протянул десять копеек.

– Я возьму, – сказал он Анвару.

– Два.

Кондукторша оторвала им билеты и протиснулась дальше.

– Мне сходить, – объявил Витек, – Так я жду тебя у входа.

– Договорились.

Дома Анвар застал маму с тетей Груней. Они сидели на кухне, беседовали и пили чай. Анвар поздоровался, снял с себя мокрый плащ и повесил на вешалку.

– Идем к нам, Анвар! – позвала тетя Груня.

Анвар улыбнулся и сел за стол.

– Мама, положи мне две котлеты, – попросил он.
– Конечно, сынок, конечно! – засуетилась мать.
– Проголодался! – она поставила перед ним тарелку с горячими котлетами и картофельным пюре.
– Кушай на здоровье и ложись отдыхать!
– Я хочу на танцы сходить. Ты разрешишь?
– Ты же устал! – воскликнула мама.
– Ничего, пусть сходит, танцы и есть отдых для молодых! Бывало в молодости прибегу с шахты, с ног валюсь, перекушу – да на танцы. Напляшешься там, все ноги отобьешь и усталости, как не бывало! – тетя Груня сокрушенно вздохнула. – А наутро опять на работу.

Анвар поблагодарил мать и встал из-за стола. Хотелось лечь, чувствовалась усталость.

«Надо идти, раз пообещал!» – решил он и принялся собираться. Он надел выглаженные брюки и красивый белый джемпер. Тщательно причесавшись, внимательно оглядел себя в зеркало. Надев плащ, он махнул рукой маме и тете Груне.

– Пока! Не скучайте без меня!

У входа во Дворец культуры было оживленно. Подходили тесно сбитые компании, разносился веселый смех. Парни стояли кучками, оглядывая девочек. Витек стоял с незнакомыми Анвару ребятами и, жестикулируя руками, что-то оживленно рассказывал им. Ребята огулительно смеялись. Увидев Анвара, Витек обрадовался и представил его спутникам.

– Познакомьтесь! Это Анвар.

Он сунул руку в карман и вынул две голубые бумажки.

– Билеты я уже взял!

Анвар хотел было вернуть деньги, но Витек искренне возмутился.

– Да ты что! Убери! Убери, говорю!

Анвар растерянно сунул мелочь в карман и зашагал по лестнице вслед за Витьком.

Людей было много. Гремела музыка. Свет в зале был приглушен. На сцене, за стойкой, два парня в наушниках, кивая головой в такт музыке, колдовали над аппаратурой.

Девчонки и парни щеголяя друг перед другом потертыми джинсами, модными батниками, яростно отдавались бешеному ритму танца.

Витек вытянув шею и привстав на носки, глядел куда-то вглубь танцплощадки. Вдруг он, словно хищник, увидевший добычу, ринулся вперед, увлекая за собой Анвара.

– Сейчас я тебя познакомлю с такой...– прошептал он на ухо Анвару, – пальчики оближешь! – глаза его отчаянно блстели.

Они подошли к стоявшим обособленно девушкам.

– Ой, Витек! – обрадованно воскликнули они и бросились ему на шею.

«Ого, какое бурное проявление радости!» – подумал Анвар.

– Задушите, ой, погибаю, девочки! – Витек отбивался от них.

– Познакомьтесь с моим новым другом! – он подвел их к Анвару

– Познакомьтесь, девочки! – и, не дожидаясь, представил свою подругу.

– Это моя Нинель! Можно Нина. А это, – он хотел отрекомендовать вторую девушку, но она окинув взглядом с головы до ног Анвара, сама протянула руку

– Вика!

Анвару стало не по себе. Он чувствовал себя неловко.

– У меня есть предложение, – воскликнул Витек. – спуститься в буфет и раздавить бутылочку шампанского.

– Принято? – спросил он.

– Принято! – И они отправились в буфет.

Ловко откупорив бутылку, Витек наполнил стаканы.

– Ну... за что?

Вика многозначительно посмотрела на Анвара.

– За знакомство?

– За знакомство! – ответил он.

Потом они танцевали. Анвар вальсировал с Викторией.

– А где ты живешь? – спросил он ее, чтобы не молчать.

– Хочешь набиться в провожатые? – в ее голосе звучал вызов.–

В нашем краю могут побить.

Самолюбие Анвара было задето.

– Это где же? – спросил он.

– Я на «Туристе» живу, – Вика откинула прядь.

Она была привлекательна. Голубые глаза ее оценивающе скользили по нему. Вздернутый капризно нос не портил ее, а в сочетании с линиями губ придавал лицу холодную надменность.

– И все же я провожу!

Вика удивленно посмотрела на Анвара, и загадочно произнесла:

– Ну, тогда пойдем!

Она махнула Нине и Витьку.

– Чао! Мы уходим!

Витек подмигнул им. Вика пошла впереди Анвара.

«Самка!» – с неприязнью подумал Анвар. Ему уже не хотелось идти провожать ее.

«Еще подумает, что струсил!»

В гардеробе они получили плащи и, одевшись, вышли на улицу. Дождь продолжал накрапывать.

– Возьмем такси?

– На такси у меня нет денег, – заявил Анвар, – пойдем пешком.

– Ну что ж, пешком так пешком, озоном подышим! – с иронией промолвила она.

«Черт, связался я с этой кокеткой», – ругал себя Анвар.

Они шли по вечернему городу. Вика расспрашивала Анвара о различных пустяках.

– Как ты относишься к современной музыке? Нравится тебе дискотека?

– Нравится, я люблю музыку! – ответил Анвар.

– А я?.. Я нравлюсь тебе? – игриво улыбаясь, она взяла его под руку и заглянула в глаза.

– Нравишься, но... – Анвар замялся, подыскивая слова.

– Так нравлюсь или нет?

– Мне не нравятся такие девушки!

– Какая же я? Ну, ответь!

– Ты ценишь в человеке его материальную сторону, его модность. Не знаю, как это выразить, – Анвар замолчал.

– Как ты можешь судить обо мне, ты ведь меня не знаешь! – гневно бросила Вика, – Да, мне нравятся модные парни.

Она обожгла взглядом Анвара, достала из сумочки платок и, стала вытирать его мокрое от дождя лицо.

– Беденький, промок! Ну, зачем ты потащился за мной? Я бы сама на такси доехала!

Анвар хотел было возразить, что он не потащился.

«На самом деле ведь потащился», – с досадой подумал он, погружаясь в мысли, наскокивавшие одна на другую.

– Вот мы и пришли! Сейчас я тебя отопрею. Напою чаем и ты, за это время обсохнешь.

Они стояли у калитки одноэтажного дома. Вика отперла засов.

– Проходи!

Анвар хотел было отказаться, но испытующий взгляд Вики смутил его.

– Да не бойся, я не съем тебя! Не нужен ты мне!

– Неудобно, уже поздно, твои родители...

Вика рассмеялась.

– Ах, вот ты о чем! Ты не видишь? В доме нет света. Предки мои в отпуске, я одна.

– А-а-а! – протянул Анвар и шагнул вперед.

Вика достала из сумочки ключи. Открыв дверь, она включила свет. Анвар скинул обувь и прошел вслед за ней в комнату.

– Оставь плащ в ванной, он там подсохнет. Я поставлю чай!

Она прошла на кухню и зазвенела чашками, предоставляя ему возможность осмотреться.

Дом был со вкусом, обставлен. Взгляд его привлекла написанная маслом картина: на опушке зимнего леса, посреди осыпанных серебром инея деревьев, задрав голову, выл одинокий волк, – картина волновала. Он подошел к ней ближе и стал вглядываться в нее, как вдруг почувствовал ее горячее дыхание.

– Хочешь, я включу музыку? – шепотом спросила она.

– Включи! – тоже шепотом ответил Анвар.

Комната наполнилась томной музыкой. Она зажгла свечи в бронзовом подсвечнике, и выключила свет. Шаги ее были кошачьими, бесшумными. Она положила ладони на его плечи.

– Я хочу танцевать! – прошептала Вика.

Гибкое Викино тело прижималось к нему. Он чувствовал сквозь тонкую материю жар, идущий от нее.

«Успела переодеться», – мелькнула мысль, и в это время горячий поцелуй обжег его губы. Его словно ударило током.

Она что-то шептала ему, но он не мог разобрать слов. Острые, тугие груди сбивали его с толку, а кровь хлынула в голову. Он ничего не соображал. Вика увлекала его за собой, и Анвар не мог оторваться от ее прилипчивых рук. Он увидел под собой ее глаза. Она обвила его руками и закрыла ему рот долгим поцелуем.

Потом была тишина. Мотая пустую ленту, крутилась катуш-

ка магнитофона. За окном, падая на жестяной карниз подоконника, стучали капли.

Они молчали. Анвар боялся шевельнуться. Так и лежали, вслушиваясь в дождь, и когда Анвар позвал ее, она не отозвалась.

Вика безмятежно спала, приоткрыв капризный рот, губы надломились, будто в обиде. Анвар был поражен и возмущен. Никогда еще он не смотрел на человека с такой ненавистью! Красивая самка, удовлетворившая похоть, умиротворенно спала.

Анвар поднялся. В ванной он нащупал плащ и достал из кармана сигареты. Идти домой он не мог. Ему было стыдно явиться домой среди ночи. Анвар испытывал чувство гадливости, словно на него выплеснули помой.

«Я предатель!» – подумал он. Сидя в темной ванной, и куря одну за другой сигареты, он не замечал времени.

«А ведь мама не спит и ждет меня», – эта мысль подбросила его будто скрытая пружина. Он безотчетно прошел в комнату, и застыл на месте от изумления.

Укрытая теплым пледом, Вика лежала на белой простыне. Одежда была разбросана по ковру.

«Она расправив постель, улеглась спать», – поразила мысль, – «Ах ты, дрянная кошка!»

Холодная ярость охватила его. Он рванулся к ней и сорвал плед. В свете догоравших свечей Анвар увидел ее обнаженное ненавистное тело. Она распахнула глаза и, увидев его перекошенное от бешенства лицо, заслонила рукой. Анвар выскочил из комнаты. Руки его нервно дрожали. Он открыл замок и с силой хлопнул дверью. Морозный воздух отрезвил. Вокруг лежал ослепительно белый снег. Он двинулся по нему, оставляя темные следы.

Улица была пустынна. Снежинки искрились в свете уличных фонарей. Редкие машины точно ножами, разрезали фарами белую пелену.

Анвар добирался пешком. Он застал мать сидящей в кресле, видно она не сомкнула глаз, ожидая его. Ему было ужасно стыдно. Он не мог найти слов.

Анвар опустившись на колени, прошептал:

– Прости, мама!

Она поцеловала его в затылок и спросила:

- Ты голоден?
- Ну, что ты, мама. Ложись, пожалуйста.
- А тебе на работу не надо?
- Нет, мама, сегодня я буду с тобой.

Анвар прошел на кухню. Есть ему не хотелось. Так и сидел он, уставившись в одну точку. Он проклинал себя и ненавидел!

Отбойный молоток колотился в руках. Ничего не слыша и не замечая никого вокруг, Анвар выдалбливал нишу в целике. Натружено рубил комбайн, угольная пыль висела стеной.

Витек с коренастым проходчиком, зашлифовали ножки и крепили. Лишь изредка Витек отрывался от пилы, и бросал взгляды на Анвара.

В перерыве, когда взялись за тормозки, Витек устроился рядом с Анваром, подложив под себя сухую доску.

- Советую! Нельзя сидеть на сырой почве.

Анвар отмахнулся, продолжая разворачивать сверток.

- Ты чего такой? – спросил Витек, – Что-нибудь случилось?

– Да нет.

– Может чем помочь? Деньги нужны? Ну, скажи! – допытывался Витек.

Мысль ударила в висок.

«Взять у него и к Свете! Или я сойду с ума! А ей какво! Она и не знает, куда я исчез».

И тут же волна противоречий: «У нее занятия в институте. Да и я, только начал работать. Лучше я ей сегодня же напишу».

- Ты чего не ешь? – проступил голос Витька.

Анвар взглянул на него и взялся за тормозок. Витек изумленно застыл, держа в руке кусок хлеба и колбасы.

- Ну, ты даешь! Ты, где был сейчас?

– Задумался я, извини.

– Ничего, ешь, давай.

Витек скомкав газету, швырнул ее в забут. Он подошел к длинному и стал кланяться у него жареную рыбу .

- Угостил бы, нельзя так много жареного, печенка заболит.

Длинный что-то промычал в ответ, и ногой, обутой в резиновый сапог, отпихнул сидевшего перед ним Витька.

Витек тут же вскочил и, зачерпнув штыба, посыпал им янтарную корочку рыбины.

– Так вкусней будет.

Верхняк застывшим взглядом глядел на безнадежно испорченную еду, затем дико вскричал:

– Бугор! Я убью его!

Но Витек увернулся от рук взбешенного шахтера и бросился за комбайн.

Они носились с такой скоростью, что вскоре стало неясно, кто за кем гоняется. Проходчики хохотали, захлебываясь от смеха.

– Лови же, лови его!

Бригадир поднялся и махнул рукой.

– Кончай балаган, работать надо.

Верхняк устало опустил на край привода.

– Не дал пожрать, сопляк! – он погрозил рукой задыхающемуся от бега Витьку. Включили привод, и уголь заскрежетал по реш-такам. Балда комбайна, медленно завертелась, набирая скорость. Анвар поправил шланг и налег на отбойный молоток.

Смена прошла как обычно быстро. В трамвае, опасаясь длинного, Витек сел в другой вагон; ребята шутили над длинным.

– Что ж ты с парнем так? Скоро он пешком ходить будет.

Верхняк что-то невнятное пробормотал в ответ. Анвар успел заметить за ним странность. Когда речь шла о ком-нибудь другом, Верхняк вел себя непринужденно и охотно вступал в разговор. Но стоило вниманию переключиться на него, как он тут же замыкался.

Витек заметив эту его слабость, объектом иронии избрал именно его. Верхняку бы поддержать шутку, но он сразу бычился и кидался драться. Но Витьку везло, и он благополучно уходил от пудовых кулаков Верхняка. Проходчики смеялись, а Витек стал злым гением для Верхняка.

Верхняк был сухой, жилистый, волосы цвета спелой соломы, торчали из-под каски во все стороны, придавая ему вид взъерошенного грифа. Его синие глаза настороженно блистали в слабо освещенном вагоне трамвая. Казалось, попади ему сейчас в руки Витек, он задавит его своими широкими ладонями.

Трамвай катил по длинным штрекам, то притормаживая, то наращивая ход и оглушительно сигнала. Анвару нравился трамвай, шахтерская братия, к нему же только приглядывались, обмениваясь незначительными фразами.

Людей под стволом уже не было, лишь только зябнувший стволовой выглядывал из своей ниши. Мощные лампы освещали рудодвор.

Выехали спокойно, без толкотни. Ребята по галерее заспешили в ламповую, на ходу снимая с себя спасатели, шахтерские лампы.

«Всех дома ждут семьи», – мелькнула мысль. Анвар казнил себя за свое малодушие. Ведь он мог уйти, когда еще ничего у них с Викой не произошло. Но он дал увлечь себя, использовать для услады.

«Дранная кошка!» – с негодованием прошептал он.

Анвар поставил на зарядку лампу и направился в раздевалку.

Дома его встретила мама.

– Устал, сынок?

– Да нет, мама, работа мне нравится, и бригада хорошая.

– Ну, слава Аллаху! Мои руки и за стол, я тебе манты приготовила.

Анвар ел манты и поглядывал на мать.

– Ты чем-то озабочена?

– Звонила дочка тети Маркеш, ее маме нездоровится, я схожу к ней. Она моя подруга. Что-то с сердцем у нее. Что говорить: – старость – не радость!

Она расстроено вздохнула.

– Я сейчас провожу тебя, мама. А потом зайду к ребятам в спортзал.

– Только не задерживайся, сынок.

– Хорошо, мама!

Они вышли на улицу. Анвар взял маму под руку, и они, неспешно направились к остановке.

– Может быть пешком, мама? – предложил Анвар.

– Хорошо, сынок, давай прогуляемся. Я в последнее время мало хожу, а надо бы чаще на воздухе бывать, врачи так советуют.

– Правильно, мама, надо больше гулять. В армии мы много времени проводили в горах. Какой там воздух, дышишь – не надышишься!

– Надо – бы в аул съездить. Родичей обрадовать и могилу отца навестить, молитву прочитать.

– Съездим, мама, обязательно. Барана зарежем, отцу дуга сделаем. Мне самому хочется побывать в краю, где наши корни. По

аулу походим, надышимся степным воздухом, кумыса испьем. Бабушка наша состарилась, наверное?

Мать вздохнула:

– Конечно, сынок, время никого не щадит, раньше такая шустрая была... Сейчас все больше у печки время проводит, а летом на солнышке греется. Обнимет свою клюку и сидит. Тебя вспоминает. Я ездила, когда у Богембая жена умерла, покойница была моей сверстницей. Аул совсем ужался. Многие люди, побросав дома, в совхоз перебрались. Стариков осталось мало, прибирает Аллах. Девчонкой помню, аул процветал, скота было много, жили весело.

– Да, мама, в моей памяти тоже сохранились яркие воспоминания.

Анвару вспомнилось: алый закат над аулом, скот с ревом, блеяньем расходится по домам. Дымятся летние печи, несет запахом горелого кизяка. Старики устраиваются на древней, высохшей арче; обсуждают, будет ли хорошим сенокос, уродится ли пшеница, нагуляет ли жира скот. Дедушка, обняв сучковатую палку, восхищается борзой соседа Айдархана.

– Какая собака! Сразу видно, что она из породы Жельбасара.

Старики одобрительно кивают головами.

Жила когда-то в их ауле знаменитая борзая по кличке Жельбасар, что значило «перегонит ветер». Не было такой охоты, чтобы Жельбасар не загнал огненную лисицу или корсака. Много времени прошло с тех лет, но люди не забыли легендарного Жельбасара.

– Ты бы, сынок, не обижал Алтынай. Хорошая она девушка. По душе она мне, и мать ее из нашего аула. Еще когда ты служил, она поделилась секретом, что Алтынай ждет тебя.

Анвар смутился.

– А если я люблю другую, мама? – тихо спросил он.

– Другую? Да кого тебе надо лучше Алтынай! Ты только погляди на нее. И красавица, и хозяйка, и ко мне уважительная. С детства она от тебя не отстает. Разве мало джигитов вокруг? Или ты один со звездой во лбу? Настоящая казахская девушка. Я только ее хочу видеть невесткой в моем доме. И не смей мне говорить о другой; вот когда закроешь мне глаза, тогда делай, что хочешь – она не на шутку разволновалась.

Анвар с трудом успокоил ее.

– Успокойся, мама, рано говорить об этом. Мне нужно в институт поступить, денег заработать, а там видно будет.

– Все равно! – она сердито топнула ногой, – Не говори мне о другой. Алтынай любя мне, будь к ней внимателен. Мне ведь, только бы внука подержать на руках. Увидеть, что сын мой прочно стоит на ногах, а там и умирать не страшно.

– Ну, что ты, мама! – Анвар поцеловал влажную от падающих снежинок щеку матери, – Все будет хорошо, мама!

Мать взглянула на Анвара и махнула рукой.

– Ну, все, тут я сама дойду, ты иди, не задерживайся!

Зал боксеров располагался под трибунами стадиона. Старенькое помещение, после ремонта выглядело нарядно.

Он любил приходить сюда; казалось, сам воздух зала был пропитан атмосферой спорта. Тренировка была в разгаре. Анвар всматривался в лица, но знакомых не увидел. Высокий седоватый мужчина, направился к нему.

– Анвар! Ты?

– Я, Виктор Николаевич! Здравствуйте!

– Рассказывай, каким ветром?

– Да вот, демобилизовался из армии, работаю на шахте, решил зайти посмотреть.

– Ну, молодец, что не забыл. Да ты садись! – он усадил Анвара на скамью, – Тут у меня молодежь. – Виктор Николаевич махнул в сторону ринга.

– Забыл, наверное, когда перчатки одевал?

– Да нет, всю службу тренировался.

– Да? – Виктор Николаевич удивился.

– А может, хочешь поработать с кем-нибудь?

«Все такой - же! Неугомонный!» – с улыбкой подумал Анвар о тренере.

Анвар возвращался домой. Он не спеша брел по заснеженной улице. Он специально шел тут, чтобы в тишине поразмыслить. Думы о Светлане не покидали его – Светлана на занятиях, Светлана грустит, Светлана ждет его! Эти назойливые мысли преследовали его. Он постоянно убегал от них. Но стоило ему оказаться одному, как они догоняли и больно свербил в голове. И сейчас, точно из тумана перед его глазами выплыл перрон, бесконечное множество людей и в той массе стояла она.

– Я буду ждать!

Она теребила пуговицу на его кителе, а он шутил.

– Хочешь оторвать?

Она вскинула глаза.

– Какая она красивая! – поразился он.

Совсем рядом рассыпался девичий смех. Анвар встрепенулся.

«Это ее смех! Только Светлана может смеяться так!»

Навстречу ему шли парень с девушкой. Он что-то ей рассказывал, а она в ответ звонко смеялась. Когда они поравнялись, Анвар пытливо взгляделся в лицо девушки. Это была не Светлана.

«Так не годится, я совсем распустился».

Анвар достал сигарету и щелкнул зажигалкой, но пламени не было.

– Газ кончился. – он с досадой отшвырнул ее.

Открыв дверь своим ключом, Анвар включил свет в прихожей. Пальто мамы висело на крючке. Анвар осторожно прошел в мамину комнату и увидел ее спящей.

– Устала, мамочка! – он осторожно поцеловал ее и на цыпочках выбрался за дверь.

Ужинать не хотелось. Анвар достал из холодильника бутылку кефира и прямо из горла выпил его. Он тщательно вымыл посудину, обтер руки полотенцем.

– Вот, теперь порядок!

Анвар прошел к себе, расправил постель и завел будильник.

«Может быть, почитать немного?» – промелькнула мысль.

«Нет, утром в шахту, я должен выспаться».

Легкий холодок простыни взбудрил утомленное за день тело. Анвар повернулся на бок и мгновенно заснул.

Во сне он бежал, выбиваясь из сил. В боку нестерпимо колело, горячий язык не помещался в высохшем рту, ноги перестали слушаться. Одеревенев, они налились свинцовой тяжестью. Превозмогая боль, он тянул свое тело изо всех сил. Но вдруг оказалось, что он наоборот отдаляется назад. Он рассмотрел идущего впереди жениха Светланы – Руслана, а рядом с ним, опираясь на его руку, шла сама Светлана, его Света! Временами они оборачивались и смеялись, ее смех рвал ему сердце на куски. Анвар вскричал, но звука не было! Он хватал легкими воздух, словно выброшенная на берег рыба. Вдруг откуда-то сбоку стал наплывать белесый,

плотный туман и на глазах отчаявшегося Анвара, окутал Руслана и Светлану.

Где они? Анвар крутил головой. Воя от отчаяния, он бежал в сплошной пелене, ударяясь обо что-то невидимое и плача от унижения. Туман расступился, и перед ним вырос шахтный отвал. Холодная мысль отрезвила его: они спрятались от меня в шахте, но я все равно найду их!

Он все ниже опускался по склизкой, ржавой лестнице и вдруг нога его не нашла под собой ступени. Лестница под ним, не достигнув зумфа обрывалась, а дальше зияла жуткая бездна. Он полез было вверх, но руки его вновь не нащупали металлической перекладины. Он висел посреди шурфа на крошечном отрезке лестницы. Выбраться наверх, оказывалось невозможным! Отвратительный пот змейкой полился по спине Анвара. Вспыхнул ослепительный свет и Анвар увидел, что его белая рубашка, безнадежно испачкана черной сажой. А сверху било солнце! Золотые лучи, освещали далекую от Анвара часть шурфа. Раздался дребезжащий хохот Светланы.

– Хе-хе-хе, – донесся ее идиотский смех.

– Прекрати-и-и-и! – больно выдохнули его легкие.

Анвар соскочил с кровати. Будильник яростно дребезжал.

«Какой гадкий сон!» – Анвар быстренько оделся и побежал в ванную. Когда он вышел, завтрак стоял на столе. Мама, наливая чай в большую пиалу, посмотрела на Анвара.

– Плохо выглядишь, круги под глазами.

– Не беспокойся, мама, сон дурной приснился.

Он наспех проглотил омлет, запил сладким чаем и стал одеваться.

– Удачи, сынок!

– Спасибо, мама! Больше, пожалуйста, никогда не вставай так рано! Я сам согрею завтрак.

Анвар поцеловал ее и вышел в подъезд. Спускаясь по лестнице, он опять вспомнил свой сон и чертыхнулся.

Много лет спустя, он не раз будет вспоминать этот липкий, чудовищный сон.

Над головой раздался страшный треск. Анвар едва успел схватить брошенную на пускатель куртку и рванулся вслед за метнувшимся в сторону, Витьком. С оглушительным грохотом, ломая,

словно спички, толстые бревна крепи, вывалились две огромные пачки угля. Заскрежетали порванные решетки. Привод встал. Сквозь пелену угольной пыли, Анвар увидел испуганного, с рачьими глазами Витька.

– Живой? – спросил Анвар.

Но Витек в ответ только открывал рот, пытаясь что-то сказать. Вместо слов из его гортани вылетали протяжные звуки, похожие на шипение гуся.

– Ты что, язык проглотил что ли? Что с тобой?

Неожиданно Витька прорвало, и он разразился трехэтажным матом.

– Еще бы немного и хана нам, понимаешь?

Он кричал на Анвара неистово, словно тот был виноват.

– Что ты молчишь?

– Похоже на то! – выдавил Анвар.

Он оглянулся назад и увидел огоньки шахтерских ламп.

– Ребята бегут из забоя!

Подскочивший бригадир Светлов, окинул взглядом груды вывалившегося угля.

– С вами порядок?

– Успели отпрыгнуть!

– Славу Богу!

Подбежавшие ребята сгрудились вокруг.

– Черт! Не было печали! – выругался Верхняк, – И так от плана отстаем.

– Тебе бы план, нас тут чуть не прибило!

– Не сиди, где не надо, – огрызнулся Верхняк.

– Хватит! – поморщился Светлов – Одного из вас выгоню из бригады. Покоя от вас нет! Верхняк и ты, Витек, тащите лес, готовьте крепь, остальные – разбирать завал! Пойду звонить дежурному по шахте.

К концу смены удалось запустить привод, и ребята сели передохнуть.

– Придется остаться на вторую смену, ребята. Надо выложить костры, и зачистить штрек, – Светлов помолчал и добавил, – А завтра всем отгул. Идет?

– Идет, бригадир!

– Тогда за работу, чего время тянуть!

Бригадир взял лопату и принялся загружать привод.
– Включай! – махнул он.

* * *

Мама сидела на лавочке около подъезда, рядом с ней проворно мельтешила спицами тетя Груня.

Увидев Анвара, Кульзипа вскочила и побежала ему навстречу.
– Сынок, я так беспокоилась. Мы с тетей Груней уже и на шахту звонили, нам ответили, что ты остался на вторую смену,– Что-то случилось?

– Нет, мама, бригадир попросил, все ребята остались. Я так и знал, что ты станешь волноваться.

Тетя Груня отложила вязанье в сторону и, приподняв очки, взглянула на Анвара.

– Ты заставляешь нас с матерью беспокоиться.

– Простите, тетя Груня. Так получилось.

– Бывает, – проворчала она, – это шахта. Ну, веди же парня, корми! – набросилась она на подругу.

– И правда! – засуетилась мама, – пойдём, жеребенок мой, я тебе мясо сварила.

Анвар с аппетитом ел бешбармак. Мясо было приготовлено вкусно, мама умела готовить.

Он проголодался, ведь поесть они с Витьком не успели. Их тормозки остались под завалом. Позже, расчищая завал, бригадир выковырял лопатой сплющенный газетный сверток. Это был тормозок Витька.

– Отличная была колбаса! – поцокал языком Витек.

Ребята грохнули от смеха.

Анвар поблагодарил мать и встал из-за стола.

– Я прилягу мама. Завтра у меня отгул.

– Вот и хорошо, отоспишься. Я сейчас постель расправлю.

– Не беспокойся, мама, я сам, – Анвар поцеловал мать.

Через минуту он спал, обняв руками подушку.

– Жеребенок мой, – прошептала Кульзипа, удаляясь на кухню.

Анвар открыл глаза и посмотрел на будильник. Стрелки показывали без четверти десять.

– Ого!

Подниматься не хотелось и, закрыв глаза, он словно в теплую, летнюю воду окунулся в воспоминания. Явственно послышался голос ротного старшины Нефедова. Они стояли на взлетке, согнувшись под тяжестью парашютов. Набитые снаряжением грузовые контейнеры, тянули к земле. Ночь была звездная, теплая, южный ветерок дул со стороны моря. Неподалеку, сквозь темноту, проступали очертания ангаров.

– Главное, правильно отделиться, – наставлял Нефедов, – после раскрытия купола дергайте чеку контейнера. Не забыли?

– Ну, товарищ прапорщик! – развел руками Анвар.

Ан-2 с ревом подкатил к десантникам и остановился. Винты секли воздух, Анвар ухватил, чуть было не слетевший шлем и застегнул его. Он вопросительно посмотрел на старшину.

– На, покури! – Нефедов протянул ему зажженную сигарету.

Анвар с силой затынулся и протянул окурочку стоящему рядом Баранову.

Баранов жадно поднес окурочку к губам.

– Легкого ветра в купол! – прокричал Нефедов и махнул рукой в направлении самолета. Он еще что-то кричал, но гул двигателей заглушал его голос.

Анвар поднялся на борт и сел на дюралевую скамейку. В полумраке самолета лицо летчика было словно восковое. Бешено взревели двигатели, Ан-2 задрожал точно в лихорадке. Взвизгнули отпускаемые тормозные колодки шасси, и самолет побежал по взлетке.

Прыгнули они нормально. Анвар отделился первым. Темная ночь поглотила его. Знакомое ощущение провала, и хлопок купола над головой. Устроившись в подвесной системе, Анвар осмотрелся. Купол Баранова скользил неподалеку. Вдалеке слышался рокот улетевшего самолета. Приземлившись, они собрали парашюты и, зашагали к темнеющей горе. Всю ночь рыли окоп на склоне, а с рассветом натянув метелку, разложили двухсотграммовые толовые шашки.

Солнце, едва выкатившись из-за хребта, принялось неимоверно жечь. Не было ни единого кустика, дававшего тень. Выяснилось, что Баранов при сборах забыл фляжки с водой. Ужасно хотелось пить, язык во рту распух, а губы потрескались до крови. Истекая потом, они жарились на вершине, точно на огромной ско-

вороде. Так мучительно прошел день, и лишь ночь принесла им избавление.

Пришли в себя от гула самолетов. В небе, тройка за тройкой плыли транспортники. Точно поле, усыпанное цветами, расцвело оно белыми куполами. Десантировался полк. Задачу они с Барановым выполнили, огонь артиллерийского дивизиона, был имитирован. А потом еще сутки шагали к месту сбора – к неукротимой Куре, словно вьючные ослы, таща на себе парашюты.

Звон посуды на кухне вернул Анвара в действительность.

«Интересно, где сейчас Баранов?» – улыбнулся Анвар.

В КОРИДОРЕ ЛЕЖАЛА ГРУДА РАЗБРОСАННЫХ, ПОДВЕРГШИХСЯ ЖЕСТОКОМУ ШМОНУ ПОЖИТКОВ, И СРЕДИ НИХ АНВАР РАЗГЛЯДЕЛ ИСТЕРЗАННОГО ЗАБАВНОГО ПЛЮШЕВОГО МИШКУ С ОТОРВАННОЙ ГОЛОВОЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Поезд мчался в ночи, громыхая на стыках рельс. Вагон покачивало, в приспущенное окно залетал ночной ветерок.

Анвар неизмеримо далеко пребывал в своих мыслях от этой ночи. Начавший жечь пальцы окурков, вернул его к действительности.

– Шли бы спать! – раздался чей-то голос.

Анвар обернулся. Сонная проводница была сердита.

– Я постою. – возразил Анвар.

Проводница раздраженно хмыкнула.

– Ну, хочешь, стой!

* * *

Анвар сел на этот поезд в Йошкар-Оле. Освободившись из лагеря, он полторы суток ехал до столицы Марий Эл, чтобы пересест в состав, следовавший на родину.

И только войдя в полупустой вокзал Йошкар-Олы, Анвар вспомнил, что здесь должен жить Новоселов.

– Чудеса! – подумал он, – А что если попытаться узнать его адрес.

В его распоряжении был целый день. Остро заныла давняя боль в сердце.

В адресном бюро, ему отыскивали местожительство Александра Новоселова.

– Поеду! – решил он и через несколько минут, сидя на заднем сиденье такси, диктовал координаты водителю.

– Найдем вашего друга!

Машина тронулась. Было еще рано. Таксист то и дело пытался заговорить с Анваром.

- Впервые у нас?
- Да.
- Издалека?
- С севера.
- С заработков возвращаетесь?

– Нет, проездом.

– Ясно! – разочарованно выдохнул мужчина.

Дом, который они разыскивали, оказался в центре города.

Такси, въехав во двор, остановилось у подъезда.

– Это здесь.

Анвар протянул деньги.

– Может подождать малость? – спросил таксист.

– Хорошо, подожди.

Анвар поднялся на этаж и нажал кнопку звонка. Раздалась мелодичная трель. Он нажал еще раз. Послышался чей-то глухой кашель. Щелкнули замки. Дверь приоткрылась на длину цепочки, и в щели показалось старческое лицо.

– Вам кого?

– Мне нужен Александр Михайлович Новоселов.

– Но он спит, – ответило лицо.

– Я его старый знакомый, – объяснил Анвар, – и хотел бы увидеть его.

Лицо после некоторого раздумья изрекло:

– Ждите!

Спустя несколько минут вновь щелкнул замок, и старушка пригласила его в дом.

– Снимите обувь и пройдите в гостиную.

Анвар пробормотал слова благодарности, скинул туфли и увидел его.

Перед ним стоял лысоватый мужчина в белой майке. Тугой животик выпирал наружу. Это был ротный писарь Новоселов. Он с любопытством разглядывал Анвара. Взгляд его потеплел.

– Неужели Алимов? Анвар, ты?

– Я!

– Какими судьбами?

Новоселов обнял Анвара.

– Столько лет прошло! Как ты нашел меня? – изумился он.

– Да, без малого двадцать лет! – Анвар утвердительно кивнул головой, – Ты оказывается известный человек в городе!

– Да, уж! Известный... – в голосе Новоселова прозвучали нотки разочарования.

– Но, ты молодец! Вот молодец! Да ты садись вот сюда.

Он усадил Анвара в кресло и убежал в ванную. В уютной квартире, все располагало к тихой семейной жизни.

– Здравствуйте! – раздался приятный женский голос за спиной.

Анвар обернулся. Высокая, стройная женщина, мило улыбаясь, подала ему белую ручку.

– Газиза! – представилась она, – А вы, старый знакомый мужа?

– Я сослуживец Саши. Меня зовут Анвар, – он легонько пожал ее мягкую ладонь.

– Вы познакомились? – возбужденно спросил вернувшийся Новоселов.

– Это мой друг Алимов. Я поражен! Столько лет прошло!

С улицы донеслись сигналы автомобиля. Анвар спохватился.

– Меня же такси ждет!

– Какое такси?

Новоселов выглянул в окно.

– Черт знает что! Свалился как снег на голову, и такси... Какое такси?

Он выскочил. На лестнице слышались его бегущие вниз шаги.

В комнату вошла старушка. Внимательно оглядев Анвара, она молчаливо удалилась и больше не появлялась.

– Такси я отпустил. – сообщил Александр.

Он появился, толкая перед собой небольшой столик на колесах.

Он подкатил его прямо к Анвару.

– Сиди, сиди! Тебе удобно? Мы сейчас немного перекусим, а тем временем Газиза приготовит что-нибудь существенное.

Новоселов суетился, придвигая бутерброды с колбасой.

– Ешь, Анвар, давай по-армейски! – он не переставал удивляться.

– Как нашел? Молодец! А я уже стал забывать армию. Вроде в другой жизни она была. – он опять похвалил Анвара, – А из ребят наших кого-нибудь встречал?

Анвар покачал головой.

– Никого не встречал. Только помню их, всех до одного!

– Да! – Новоселов вздохнул, – Замечательные были парни. Где они сейчас? Как живут?

Газиза хозяйничала на кухне, о чем свидетельствовали звуки, доносящиеся оттуда.

– А может по чуть-чуть! А? Ты как? Все-таки такая встреча!

Анвар рассмеялся.

– Поддерживаю, Саша, только... – Анвар посмотрел в сторону кухни.

– Ничего... – Новоселов по-свойски подмигнул Анвару, – Она умница, – он замолчал, – Только вот с мамой не ладят, но может наладится еще, – он махнул рукой, – Правда?

– Да, бывает! – Анвар кивнул головой.

Новоселов открыл бар, наполненный бутылками замысловатых форм с яркими этикетками.

– Ого! – поразился Анвар, – Откуда такая коллекция?

– А!.. – Новоселов отмахнулся, – То из Москвы еду, что-нибудь захвачу, то из-за границы привезу ради коллекции.

– Ты и за границей бываешь?

– А как же! – Новоселов посмотрел на Анвара, – Часто. Так с чего начнем?

– Давай, выпьем водки.

– Вот это правильно. А ты помнишь, как однажды мы с тобой в наряде чачу пили? Какой-то праздник был.

– Первое мая!

– Да. Точно!

Они выпили за встречу, за сослуживцев.

– Ты здесь проездом? Из командировки? Помню, ты собирался на журналистику поступать.

Кусок застрял в горле у Анвара.

«Эх, судьба! Ты, как кошка черная!» – пронесся в голове напев, исполняемой в лагере песни.

– Да, Саша, из командировки. Двадцать лет длилась моя командировка.

Он взглянул на недоумевающего Новоселова.

– Сидел я, Саша. От звонка до звонка, вчера утром освободился.

Новоселов опешил, переваривая обрушившуюся на него информацию.

– Как же так? – он никак не мог прийти в себя.

Анвар вышел на балкон и закурил.

Новоселов продолжал сидеть в кресле. Наконец, он вышел из оцепенения, и подошел к другу.

– Давай и мне, Анвар!

– Ты куришь?

– Иногда только. Ты меня поразил Анвар. А что ты совершил?

– Я убил человека, Саша.

– О, Господи!

– Это длинная история, Саша.

Анвару трудно было говорить.

– Может, выпьем! – предложил он. Они вернулись к столику.

– Скоро я вас буду кормить, мужчины, – раздался из кухни голос Газизы.

– У тебя красивая супруга, – шепотом сообщил Анвар Новоселову. Он залпом опрокинул рюмку.

– Давно не пил.

Они разглядывали друг– друга.

– А ты поседел Анвар! Трудно там было? – в голосе Новоселова прозвучали нотки сочувствия.

Горечь захлестнула Анвара, и стало трудно дышать.

– После службы в шахту пошел, в забой. Планы были большие! И вот двадцать лет вычеркнуто из жизни. Целая вечность! Порой кажется, что другой жизни у меня и не было. Но вот память... от нее никуда не деться! Она возвращает меня к чистому прошлому, к ребятам из нашей роты.

Анвар задохнулся от боли, пронизывающей сердце. Новоселов осторожно дотронулся до плеча Анвара.

– Выпьем – станет легче.

Они выпили. Новоселов придвинул сыр, икру.

– Закуси, Анвар!

Он помолчал, раздумывая, а затем попросил:

– Расскажи, что случилось.

Анвар молчал. Слова застряли в горле и не желали выходить. Наконец он заговорил.

– Ты помнишь, что Светлана ждала меня? Мы собирались поехать к моей маме.. Но у меня не оказалось денег. Я проклинаю себя за малодушие, которое допустил из-за ничтожных двухсот рублей. Я тогда уехал домой. Думал, заработаю денег и к ней – в

Баку! Не писал, трудно было объяснять все; Ах, эта молодость, глупость!

Анвар рассказывал. Новоселов слушал, не перебивая.

* * *

В тот день ничего не предвещало беды. Настроение было отличное. Встав после ночной смены, он стал помогать матери убраться, как в дверь позвонили. Анвар пошел открывать. На пороге стояла Алтынай со своей мамой. Анвар пригласил их в дом.

– О, о, о! Какие гости к нам пожаловали! А я подумала, что это к Анвару. Проходите, проходите! – выплыла из кухни мама.

Анвар провел гостей в зал.

– Услышала, что твой джигит вернулся из армии. Немного хворала, поэтому сразу прийти не могла.

Она стала жаловаться на одолевшие ее болезни.

– Мы с твоей мамой, Анвар-жан, из одного аула. С малых лет бегали вместе. Жизнь человека мала, как шкура жеребенка, вот уже и состарились мы. – она охала, вздыхала.

Кульзипа поспешила на кухню ставить чай.

– Помогу твоей маме – сообщила Кульзат Дуриевна и заспешила на вслед за ней.

Они остались с Алтынай одни.

– Как твои дела? – спросил Анвар.

Она обожгла его своими огромными черными глазами.

– Все хорошо, работаю! Готовлюсь к поступлению. Я же мечтаю стать археологом. А что у тебя?

– Вживаюсь в гражданку. Бригада хорошая, мне нравится. На следующий год поступлю на факультет журналистики. А пока – дом, работа.

– Не скромничай, Анвар! – Алтынай рассмеялась. – Мне подруги рассказывали, каких блондинок ты очаровываешь на танцах.

– А, это так! Случайно забрел, – Анвару стало не по себе от этого воспоминания.

– А ты не ходишь на танцы?

– Иногда. Я же не знала, что ты там будешь. А то бы не отдала тебя на растерзание.

– Ты все шутишь! – Анвар залюбовался расцветшей красотой сидящей перед ним девушки.

Длинноногая, нескладная девчонка превратилась в очаровательную красавицу.

– Почему ты так смотришь на меня?

– Как?

– Словно в первый раз увидел.

– А я действительно в первый раз тебя увидел. – улыбнулся

Анвар.

Вошла мама и позвала их к чаю.

– Мама, чаю что-то не хочется.

– Тетя, мы побудем здесь, – поддержала Алтынай.

– Что ж, ваше дело молодое, беседуйте!

Анвар присел рядом с Алтынай.

– Ты молодец, что решила поступать на археологический. Столько романтики в этом!

– Я сделаю сенсационное открытие, а ты напишешь большущий репортаж. Да?

Она жгла его точно лазером. Ему показалось, что он вспыхнет, словно лучина в опаляющем огне жгучих глаз. Инстинктивно придвинувшись к ней, Анвар почувствовал кружащий голову запах ее волос и упругую теплоту бедра. Ему стало неловко, и он поспешно отодвинулся. Щеки Алтынай заалели. Алтынай встала и подошла к окну. Взгляд ее был задумчив.

– Вот и кончилось лето! – произнесла она с грустью.

– Зачем ты жалеешь? Зима, тоже прекрасное время. – удивился Анвар.

– А мне грустно. – она пожала плечами.

– Лето снова придет, – возразил Анвар.

За окном лежал пушистый снег; деревья чуть заметно покачивались. Спешили люди.

– В «Юбилейном» новый фильм. Ты не пригласишь меня? – в глазах Алтынай застыло ожидание.

– Я не могу. Извини! – и, словно оправдываясь, добавил, – Парень из бригады пригласил на день рождения.

– О-о-о! Желаю хорошо провести время! – Алтынай взглянула на часы.

– Нужно идти! Мама! – Алтынай позвала мать, – нам пора!

Анвар шел по заснеженной улице. На душе было муторно. Он понимал, что Алтынай любит его и страдает. Но он не мог ответить на ее чувства.

– Милая, красивая, прости меня! Мое сердце отдано другой. Самой прекрасной на свете девушке.– прошептал Анвар.

Погруженный в мысли, он чуть было не сбил с ног пожилую женщину.

– Смотреть надо, молодой человек.

– Извините, пожалуйста – попросил прощения Анвар.

– У меня для тебя сюрприз! – заговорщицки прошептал Витек, принимая из рук Анвара куртку.

– Что за сюрприз?

– Увидишь!

Витек увлек его за собой.

– Прошу любить и жаловать! – представил он Анвара.

– О-о-о! Старый знакомый – лучший двух новых! – к нему подошла Вика.

– Здравствуй, Анвар!

– Здравствуй! – сухо поздоровался он с ней.

– А я думала о тебе, – сообщила она с легкостью, словно между ними ничего не произошло.

«Удивительная дурочка», – подумал Анвар.

Он позволил ей взять себя за руку и повести к столу. Там сидела Нина и какая-то пара: девушка и безликий паренек. Девушка была вызывающе ярко одета. Она хлопала кукольными ресницами, заглядывая в лицо пареньку. Тот протирал очки платочком и, водворив их на место, кивал головой. Девушка протянула Анвару ручку и назвала себя Леночкой. Паренек тоже представился. Но Анвар тут-же забыл его имя.

С ним это случалось, если человек не внушал ему симпатию с первого взгляда. Разобраться в возникшем неприятном чувстве Анвар не успел. Витек, наполнил бокал водкой и водрузил его перед Анваром.

– Штрафной за опоздание! – объявил он.

Анвар запротестовал.

– Нет, что ты! Я водку не пью.

За столом зашумели. Леночка скривилась, а очкарик разочарованно протянул:

– Девчонки ито пьют...
Анвар разозлился на очкарика.

* * *

– То, что случилось со мной – это ужасно, Саша! Еще ужасней, что от моей руки погиб человек.

В комнату вошла Газиза.

– Все готово, мужчины! Прошу к столу! – она осеклась. – Почему вы такие серьезные?

– Дорогая! Нам с Анваром необходимо поговорить.

Новоселов посмотрел ей в лицо.

– Хорошо! Угощай гостя, а я отлучусь по делам.

Она прошла в смежную комнату и через несколько минут вышла в цветастом платье, которое ей очень шло.

– Как вы находите, Анвар? Саша безнадежно отстал от моды.

– Вы ослепительны, Газиза! – ответил Анвар.

Она рассмеялась.

– То-то! Ладно, побегу, пока Саша не передумал. Анвар, мы еще увидимся, я не прощаюсь.

Она откинула густые, тяжелые волосы за плечи и, махнув рукой, скрылась за дверь.

– Извини, что наш разговор прервался. – Новоселов разлил по бокалам оставшуюся в бутылке водку.

Анвар выпил и не почувствовал горечи, настолько он был взволнован.

* * *

Застолье было шумное. Анвар, выпивший несколько рюмок водки, сидел осоловевший, не вслушиваясь в разговоры.

– Почему такой скучный?

К нему подошла сияющая Вика.

– Потанцуем! – она потянула его за руку.

– Я не хочу.

– Что с тобой? – Вика присела к нему на колени и, наклонившись к уху прошептала:

– Ты на меня сердиться? Ну, прости меня!

Запах дорогого парфюма обдал его. Анвару стало душно, ру-

ки Вики все навязчивей обвивали его. Она, страстно дыша, тянулась к нему губами.

– Пойдем гулять, – Анвар решительно поднялся с кресла.

– Ты куда, Анвар? – подошел Витек.

– Мы собрались погулять, – ответила Вика.

– Идея! – воскликнул Витек. – И мы с вами!

Вечерело, воздух приятно свежил.

– Как я люблю этот парк! – Вика, держась за его руку, тесно прижималась к нему.

Они шли по заснеженной тропинке. На ней была светлая шубка, в воротник которой, она прятала носик. Из глубины парка вывернулась компания парней. Разрывая тишину хохотом, они приближались нетвердыми походками.

– Кого я вижу! Вика! Королева сердца моего!

Рослый, чернявый парень подступил к ним вплотную, в упор, разглядывая Анвара. Анвар, не желая вступать в конфликт, потупил взгляд в землю.

– Где ты подцепила такого скромного молодого человека?

– Андрей, пропусти нас, – в голосе Вики прозвучала тревога.

Но подогретые спиртным молодые люди, уже окружила их.

– Девочка моя! – чернявый грубо потянул Вику к себе.

– Оставь меня, Андрей! – Вика продолжала держаться за Анвара.

Язвительная усмешка скользнула по красивому лицу чернявого.

– Что ты цепляешься, дура! – чернявый с силой рванул девушку.

Шапка с головы Вики полетела в сугроб.

– Дурак! – жалобно вскрикнула она.

Чернявый схватил Вику за отвороты шубы, и потащил за угол киоска.

Звук хлесткой пощечины донесся до слуха Анвара. Кто-то из толпы хихикнул.

– Князь ее воспитывает!

Анвар шагнул было к киоску, но его тут же обступили.

– Ты бы не дергался парень! – угрожающе процедил рыжий, одетый в дубленку.

– Приподними юбку, – донесся голос Князя, – На свежем воздухе, как раньше, забыла, да?

– Пусти, мне больно! – было слышно, как Вика плачет.

Подоспевший Витек заслони́л собой Нину.

– В чем дело, парни?

Рыжий тут же придвинулся к нему.

– Тебе что зубы жмут?

И Витек смалодушничал.

– Да нет, я просто спросил.

Испуганная Нина потянула Витька.

– Уйдем отсюда!

Но тут неожиданно для Анвара, раздался тонкий фальцет их спутника – очкарика.

– Вы на кого тянете? – задиристо бросил он, толпе враждебно настроенных ребят.

– Умри, щегол! – плотно сбитый, квадратный парень, зацепил очкарика за галстук.

Лицо очкарика побагровело, зрачки глаз увеличились, и страх метнулся в них.

Гнев, копившийся в душе Анвара, клокотал и требовал выхода.

– Отпусти его, сволочь! – негромко произнес он.

Квадратный отшвырнул очкарика и зашипел:

– Что ты сказал? Повтори!

Боковым зрением Анвар следил за рыжим, придвигающимся к нему.

Акцентированный удар в голову потряс его, но он устоял на ногах и тут же ответил ногой в живот Квадрату.

– Ух! – Квадрат, сложился пополам и рухнул в снег. Два удара просвистели над головой Анвара.

«Рыжий!»

Отшагнув назад, Анвар с разворота выхлестнул его ударом «маваши» в голову.

«Готов!» – по звуку определил он.

– Князь! Наших бьют! – взлетел чей-то истошный голос.

Из-за киоска вылетел Князь и в два прыжка достиг Анвара. Юркий паренек, взвизгнув, бросился к нему.

– Князь, он каратист.

Но Князь откинул его в сторону, и жутко взглянул на Анвара. Град ударов Анвар блокировал на отходе. Он резко сократил дистанцию и нанес сокрушающий апперкот в челюсть. Князь подлетел в воздухе. Толпа замерла, не осмеливаясь кинуться на Анва-

ра. Князь, шатаясь, поднялся на ноги, его штормило. Он сплюнул на снег кровь из разбитых губ. В морозном воздухе опять прозвучал выкрик юркого.

– Режь его, Князь!

– Ну, сука, конец тебе!

В руке Князя блеснуло жало ножа.

– Не дури! – попросил Анвар. Он видел, что квадратный и рыжий уже пришли в себя.

Заметил Анвар и потерянного Витька; Нину, укрывшуюся за его спиной; Вику в расстегнутой шубе. Князь нанес колющий удар в живот, Анвар отбил его и, молниеносно ответил уширо-герри. Пребывая в гроге, Князь снова разъяренно бросился на Анвара. Удар был силен! Задержанный поставленным блоком, нож остановился в сантиметре от груди Анвара. Момент! И сработал тысячи раз отработанный прием. Короткий удар ногой в пах, и выхваченный нож вонзился в сердце нападавшего. Князь всхлипнул и рухнул лицом вниз. Кто-то закричал. Толпа в ужасе кинулась прочь. Анвар перевернул Князя на спину.

– Вставай! Прости меня, я не хотел!

Но Князь был мертв! Его темные глаза устремленные в небо были неподвижны.

Ошеломленный происшедшим, Анвар, схватив его за руки и, принялся делать искусственное дыхание. Кровь толчками хлынула из раны, пропитывая снег, пузырясь, выступая на губах Князя. Ужас сковал Анвара! Он обхватил себя руками за голову и закричал жутким голосом.

– Я не хотел! Не хотел!

Мысль, что Князя еще можно спасти, заставила Анвара опомниться. Он бережно поднял его на руки.

– Не умирай! Потерпи! Я отнесу тебя в больницу.

Он бежал по рыхлому снегу, поливая горючими слезами лицо Князя.

Анвар выбежал на улицу и бросился к идущим по ней машинам. Темно-синяя «жигули» остановились в полуметре от него. Шофер высунулся в окно, недоуменно глядя на сумасшедшего.

– Скорей, умоляю вас, в больницу! – Анвар втащил отяжелевшее тело Князя на заднее сиденье. Шофер, ни о чем, не расспрашивая, нажал на газ, машина рванулась вперед. Замелькали дома.

– Приемный покой! – хозяин «жигули» выскочив, помогая Анвару занести Князя. Женщина в белом халате метнулась им навстречу.

– Что случилось?

– Я убил его, – прошептал Анвар. – Я убил его!

Он ничего не видел перед собой. Какие-то люди забрали у него Князя.

Сколько прошло времени, он не знал, и только когда разглядел погоны на шинелях людей, окруживших его, покорно протянул им руки. Наручники защелкнулись на его кистях.

* * *

Ан вар прервал рассказ. Новоселов сидел взволнованный.

Наконец, Анвар тихо вымолвил.

– Сам не знаю, для чего я рассказал тебе эту трагедию. Это моя ноша!

– Не говори так. Я тебе не судья! Надо собраться с силами и жить.

– Как? Когда меня посадили – был СССР, а теперь капитализм! За спиной двадцать лет срока, а впереди неизвестность и память, от нее никуда не деться!

– А где твоя мама?

– Мама покинула меня. Ее смерть тоже на моей совести.

– Прости Анвар, – Новоселов дотронулся до руки Анвара. – Все наладится. Потерянные годы не вернуть... Я угощу тебя хорошим азербайджанским вином.

Новоселов открыл бар и достал бутылку с рубиновым вином.

– Его прислали из Баку. Помнишь Гасана Набиевича?

Сам того не замечая, он сыпал соль на незаживающую рану Анвара.

– Он на пенсии, а Татьяна Васильевна еще работает. Недавно мы с Газизой отдыхали на Кок-Геле и заехали к ним. Гасан Набиевич стал белый как лунь, но бодрый.

Новоселов разлил вино. Напиток радужно переливался в фужерах.

– Выпьем, Анвар, оно уймет боль твоего сердца.

Вино было терпким.

«Может быть, Светлана делала этот розлив», – мелькнула мысль.

– Ты видел Светлану? – Анвар в напряжении приподнялся в кресле.

«Неужели он не забыл ее». – поразился Новоселов. Он напрягся и вспомнил далекую осень в Кировабаде. Анвар тогда вернулся из командировки счастливый. Он залетел в ротную канцелярию и обнял его.

– Саша, я женюсь на Светлане! – прошептал он ему на ухо и выскочил, хлопнув дверью.

«Вот шальной!» – подумал он тогда.

Сейчас, увидев перекошенное болью лицо Анвара, Новоселов понял, что Анвар жил ею.

– Ты приехал, чтобы узнать о ней? – тихо спросил он.

– Да, Саша. И чтобы увидеть тебя!

– Она замужем. У нее муж и сын. Вроде бы счастлива.

– А как зовут ее мужа? – спросил Анвар.

– Руслан. Они были помолвлены с детства.

– Скажи Саша, она не спрашивала обо мне?

Новоселов мял пальцами сигарету, не решаясь закурить.

– Нет! Не спрашивала! – и словно оправдывая ее, добавил, –
Прошло столько лет!

– Да, конечно. Для других они шли. А для меня застыли в ожидании свободы... – он замолчал, осознав бессмысленность слов.

«Еще один удар судьбы!», – подумал Анвар, поднимая бокал.

– Не верится, что я вижу тебя. В моих руках вино, может быть, приготовленное девушкой, которую я любил. Я жил ею все двадцать лет. У меня ощущение, что выпустили на время. Что нужно будет вернуться в зону и опять будут нары и братва, пожирающая друг друга.

Анвар замолчал.

– Спасибо Саша. За твою человечность!

Анвар надрывно закашлялся. Новоселов участливо спросил.

– Что со здоровьем, Анвар?

Анвар усмехнулся.

– Здоровье неважное. Почки больны, сердце.

Они долго беседовали. Новоселов просил остаться, обещая подыскать работу и жилье. Но Анвар остановил его.

– Я не могу принять твое предложение. Я ведь еще и не жил, Саша. Два месяца после армии и срок. Я должен начать все сначала. Должен искупить вину перед памятью мамы.

– Ну что ж, раз так, желаю удачи!

– Извини меня, Саша, что я к тебе со своей историей...

– Анвар...

– Расскажи о себе, как ты живешь.

– Я? О себе? Я после службы вернулся на завод, заочно поступил в институт. Там познакомился с Газизой. На третьем курсе поженились. После института мне повезло, я поступил в аспирантуру, защитился, теперь – доктор наук. У нас есть дочь... Ашура, ей пять лет. Скоро ты ее увидишь. Так и живу! Ашура сладкая! Посмотришь на нее – и все как рукой снимает. Поначалу была комнатка в коммуналке, на четыре семьи. Мы с Газизой мечтали об отдельной квартире. У Газизы отец влиятельный человек. Мне он ничего не говорил, но я постоянно чувствовал его дыхание, его пристальный взгляд. Меня это унижало. Но со временем я смирился. А теперь, я боюсь потерять этот локоть. Я к нему никогда не обращался. Но вот как получилось. Видимо я выдержал некий экзамен перед ним. И тут все началось! В институте мне стали покровительствовать. Я догадывался, откуда ветер. После института подал заявление в аспирантуру. Меня тут-же приняли, хотя было десять заявлений на одно место. И квартиру выделили двухкомнатную, хотя очередь еще не подошла. Стали доходить сплетни сотрудников. Я разозлился, но отказаться - мужества не хватило. Я смалодушничал, и это сыграло роль впоследствии.

– Продолжай Саша.

– Так вот! Я закончил аспирантуру, защитился. Опять сработала кнопка нажатая тестем, хотя я грыз науку изо всех сил. Я стал кандидатом наук. Пошел вверх - старший преподаватель, завкафедрой, декан и вот – проректор по научной работе. Менялись квартиры, мебель, машины, дачи. А я не хотел замечать этого, гнал прочь мысли о влиятельном тесте. Я на все закрыл глаза, Анвар. Я порой не знал, какого цвета на мне костюм. Но Газиза! – Новоселов глубоко выдохнул.

– Ашура растет, моя радость! Поговорю с ней и забываюсь. – он помолчал, а затем с горечью произнес:

– Ты поймешь меня. Ты много пережил в жизни. – Новоселов заговорил скороговоркой.

– Я хотел пробиться, ставил себе в пример Ломоносова. Сейчас я профессор, но такое впечатление – будто это он - отец Газизы, профессор, а я все еще ротный писарь Новоселов.

Новоселову становилось легче оттого, что он рассказывал. Казалось-бы он достиг желаемого! Но вот незадача, он терзается за прожитые годы!

– Саша, я долгие годы был в изоляции. А жизнь не стояла на месте. Мне все в диковинку! И эта квартира, и эта мебель, все непривычно. Но я понимаю твои терзания. Какой я могу дать совет? Все в порядке! – Анвар подмигнул Новоселову, и они оба рассмеялись.

Они стали говорить о разных пустяках, обходя болезненные темы.

Раздался звонок. Новоселов поспешил открыть дверь.

– Анвар, гляди, кто к нам пришел! – в счастливых глазах Новоселова прыгали веселые чертики. Он держал на руках миленькую девочку.

– Папа, ты меня уронишь!

– У нас гость – дядя Анвар, поздоровайся!

– Мама мне сказала, я хотела это сделать, но ты схватил меня, – упрекнула отца девочка.

Новоселов с Газизой рассмеялись, а Ашура протянула крохотную ладонь Анвару.

– Я Ашура. Ты долго будешь у нас?

– К сожалению, нет. Я сегодня уеду.

– А ты еще приедешь? – спросила Ашура.

– Это наша разбойница. – улыбнулся Новоселов.

– Дай Бог ей счастья! Мне пора собираться, – сказал Анвар, взглянув на часы.

– Мы проводим тебя – засуетился Александр.

Анвар хотел было возразить, но передумал. На дворе вечерело, было тепло. Анвар с Новоселовым ждали Газизу и Ашуру около машины. Из глубины сквера доносились веселые детские голоса.

– Вот она – жизнь! – подумал Анвар. – Среди бурлящей жизни, я песчинка, выброшенная на берег.

Из двери подъезда вышли жена и дочь Новоселова. Анвар заметил, что девочка удивительно похожа на мать. Сердце защемило при виде чужого счастья.

«Завидуешь?» – спросил он себя. – Нет! Дай Бог им счастья!

Новоселов с женой и дочерью устроились на заднем сиденье, Анвар сел рядом с водителем,

– Анвар, помнишь, как мы подкинули гюрзу?

Новоселов со смехом принялся рассказывать Газизе случай во время службы.

– Был у нас сержант Степин, замордовал всех своими придиурками. Я и Анвар решили проучить его. Рота стояла в горах. Мы поймали змею и подбросили ее к нему в палатку. Если бы ты только видела, Газиза! – хохотал Новоселов. – Палатка ходуном ходила!

– Он потом признался, что у него волосы дыбом встали – не удержался от смеха Анвар.

Газиза с легким упреком промолвила:

– Ну и шуточки! У кого угодно волосы дыбом встанут!

Сослуживцы еще сильнее разразились смехом.

– В том-то и дело, – пояснил Новоселов, – Он как раз был наголо подстрижен.

Тут рассмеялись и Газиза с Ашурой.

– Папа, а если бы змея его укусила?

– Летом их укус не ядовит, а нам с дядей Анваром хотелось напугать сердитого дядю.

Привокзальная площадь была оживленной. Анвар вышел из машины и помог выйти Газизе с Ашурой. Ашура взяла его за руку и вместе они проследовали в вокзал.

– С билетом в порядке? – спросил Новоселов.

– Да. Тридцать минут до поезда.

– Хочешь, зайдем в ресторан? – предложил Александр.

– Давай прогуляемся по перрону. – Анвар поднял Ашуру на руки.

– Вам будет тяжело, – запротестовала Газиза.

– Разве дети могут быть в тягость?

Газиза рассмеялась, – А у вас, сколько детей?

– У меня к сожалению их нет. – ответил Анвар.

Наступило неловкое молчание.

– Простите! Я не знала.

– Ну что вы, Газиза!

– Саша, вы побеседуйте. Я схожу, напою Ашуру соком,!

Анвар опустил Ашуру на землю. «Какая она тактичная» – отметил он про себя. Новоселов с Анваром двинулись по перрону.

– Анвар – мягко проговорил Новоселов, – Суд не учел, что ты оборонялся? Почему тебе так много дали?

Анвар молчал. В душе все бурлило.

– Хорошо. Я расскажу тебе Саша. Давно все это было! Но все стоит перед глазами. Суд, принял во внимание положительные характеристики из части, с работы и дал мне девять лет усиленного режима. После суда я написал Светлане. И она ответила мне! Ты представляешь, она ответила! Я снова ожил. Мы переписывались два года и вдруг, писем не стало. Что творилось со мной! Писем нет и полная неизвестность! До «запретки» триста метров, а за ней – воля!

– Саша-а! – услышали они голос Газизы и обернулись. Газиза с Ашурой спешили к ним.

– Вы так далеко ушли, я забеспокоилась. Ашура увидела вас. Уже объявили прибытие.

– Папа, я первая увидела вас!

– Ты папина дочь или мамина? – спросил Анвар, склонившись к милой девочке.

– Я обоих!

– Молодец! Умничка! – развеселился Анвар. – Я тебя очень полюбил.

Они приблизились к тому месту на перроне, где по расчету Новоселова должен остановиться вагон Анвара.

– У тебя купейный?

– Да.

– Я тоже люблю купе, – признался Новоселов.

Анвар рассмеялся: – Тебе по рангу положено СВ, ты профессор!

– Да нет, – Новоселов смутился, – не в этом дело.

Из-за дальнего поворота вынырнул поезд. На перроне теснились люди, сновали.

– Как тогда! – Анвар вспомнил канувшее в лету утро и перрон бакинского вокзала.

Состав остановился. Они подошли к вагону.

– Давайте прощаться! – Анвар окинул взглядом Александра, Газизу и Ашуру.

– Это я вам наспех собрала в дорогу! Возьмите – Газиза вложила в руку Анвару пакет.

– Газиза! Стоило ли беспокоиться, вагон-ресторан есть. – за-протестовал он.

– Это домашнее. Курочка, помидорчики.

– Спасибо.

Новоселов крепко обнял Анвара.

– Объявился и уже уезжаешь.

Глаза его были полны грусти. За годы заключения, Анвар научился читать по глазам.

– Я приеду, Саша. Все что ты рассказал – выбрось из головы, ты молодчина! Я рад за тебя!

Газиза уловила перемену в муже. Никогда прежде она не видела его таким. Даже когда у них родилась дочь, когда он защитил кандидатскую, когда ему присвоили звание профессора. Сегодня он был особенно взволнован. Она поймала себя на мысли, что перестала вникать во внутренний мир мужа. Чем жил он внутри себя? Газиза была умной женщиной. Она догадалась, что Анвар, много лет отсидел в тюрьме. Диктор объявил отход поезда.

– Мы с Сашей будем ждать вас. Поэтому – до следующего свидания! – произнесла Газиза.

– Приезжай, дядя Анвар! – попросила Ашура.

Новоселов улыбнулся.

– Ты их обеих завоевал!

Анвар присел на корточки, поцеловал Ашуру.

– Рости умной! Я тебе напишу письмо, ладно? Ты умеешь писать? – спросил он.

– Умею, меня в садике научили!

– Значит, ты ответишь мне?

– Да!

– Благодарю вас, друзья! Будьте здоровы! – Анвар взобрался на подножку.

Поезд тронулся. Новоселов пошел рядом с вагоном.

– Анвар, так что все таки случилось? Ведь тебе дали девять лет.

Анвар взглянул на проводницу, ожидавшую, пока он отойдет.

– Я бежал, Саша! Светлана перестала отвечать, и я бежал.

Он видел недоуменное лицо Александра.

– Побег, понимаешь, побег. Два раза...

Поезд убыстрял ход. Новоселов шел быстрым шагом.

– Анвар, прости! Когда я был в отпуске, Света говорила о тебе и плакала. Она плакала, но я не стал тебе рассказывать. Прости! Она плакала!

– Зайдите в вагон! – потребовала проводница.

– Сейчас, сестренка, сейчас...

Новоселов неуклюже бежал.

– Она рыдала! – кричал он. – Она тебя любила! – Новоселов упал.

Анвар рванулся из вагона, но Новоселов уже вскочил на ноги. В голове звенело, гудело. Казалось, что мозг его разбухает, и череп вот-вот разлетится на части. Повинуясь инстинкту сохранять хладнокровие, Анвар прошел в вагон. Купе оказалось пустым. Анвар вздрогнул, увидев себя в зеркале. На него глядел одетый в костюм мужчина. Отрастающие волосы се-ребрились инеем.

– Хорош фрукт! – пробормотал он, выбираясь в коридор. Там бур сверкал чистотой

«Кроме вагон-заков, я в поездах и не ездил», – усмехнулся Анвар.

В душе закипала горечь. Слова, что прокричал ему Новоселов, взбаламутили боль, с годами осевшую на дне души. Стремительно нарастая, она рвалась наружу. Повинуясь многолетней привычке, Анвар загнал ее назад, заставив свернуться в клубок. Отвратительная дрожь в пальцах мешала прикурить. В сердце, тупо вкручиваясь, заворочалось сверло. Анвар носил с собой коробочку с валидолом. Он достал капсулу и положил под язык. За окном мелькали рощицы.

«Ничего! Мой праздник никто у меня не отнимет! Господи! Еще год назад она вспоминала меня. Спустя девятнадцать лет!»

– Сука я! – обругал он себя. – Столько лет занимал место в сердце такой женщины!

С годами Анвар стал называть Светлану женщиной.

«Какая она теперь? Меня она не узнает. Даже Новоселов еле узнал».

В купе сидели трое: молоденькая девушка, рядом с ней солдат в камуфляжной форме и старушка-одуванчик.

«Вот черт! И тут меня вэвэшники достали». – усмехнулся он.

– А вот и наш сосед, – проворковала спутница. – Дипломат лежит, а хозяина нет.

Анвар поздоровался и сел напротив нее .

– Вам до конца? – спросила она.

– До конца!

– Вот и хорошо, мы все тут до конца.

Старушка разглядывала Анвара. Ей хотелось выпытать, какими судьбами он оказался в этом поезде.

«Мой респектабельный вид их пугает.»

– Я хочу переодеться.

Солдат тут же соскочил.

«Отмуштровали,» – подумал Анвар.

Девушка оторвала взгляд от красот, мелькающих за окном, и покинула купе. Старушка с затаенным испугом в глазах скрылась за дверь. Анвар наскоро переоделся. Вэвэшник рассказывал о том, в какие морозы ему доводилось выстаивать на вышке, неся службу.

– Мороз 40°, а ты не имеешь права уйти с поста.

– Это страшно – охранять заключенных. Они же жуткие люди! Один мой знакомый вернулся из тюрьмы. А баба Мотя – соседка, крестится, когда встречается с ним на площадке.

Голоса попутчиков доносились, будто сквозь вату. Память уносила Анвара в прошлое.

Он помнил, как с его кисти отстегнули часы. Вывернули карманы, сняли брючный пояс и выдернули шнурки из ботинок.

В полумраке камеры Анвар разглядел людей.

– За что, браток? – спросил кто-то.

Но Анвар ничего не ответил. Язык, одеревенев, прилип к гортани. Он взобрался на нары и лег лицом к стене. Сколько он так пролежал, не знал. Его толкнули в бок.

– Поешь, хавку принесли!

Но Анвар не шевельнулся.

– Видать в первый раз загремел.

В камеру падал тусклый свет. Отличить день от ночи можно было только по оживлению за дверь. Она с лязгом отворилась. Усатый милиционер выкрикнул фамилию Анвара.

– На выход!

Анвар сутулясь вышел из камеры.

– Руки за спину! Вперед!

В комнате, за столом сидел мужчина.

– Я твой следователь, Алимов. – проговорил он.

Анвар взялся за стул, чтобы придвинуть к столу и обнаружил, что он забетонирован в пол. Следователь выяснял картину страшного вечера. Анвар молчал. Он не мог говорить.

– Не хочешь по-хорошему, убийца! – произнес человек в штатском.

Анвар вобрал голову в плечи. Его снова провели по коридору и втолкнули в камеру.

– К следаку водили? – спросил Сиплый. – Говорят ты «мокрушник»?

Анвар не ответил. В коридоре возник шум. Слышался топот многих ног.

– На тюрьму этап собирают.

У Анвара, сердце сжалось, превратившись в сгусток. С грохотом отворилась дверь. В проем ворвался голос, перечислявший фамилии этапников. Среди них была и фамилия Анвара. Нахлобучив шапку, Анвар, вышел в коридор. Человек пятнадцать, стояли лицом к стене. Анвар встал рядом с Сиплым.

– Взяли сидора и на выход!

За дверью КПЗ стоял автозак. С оружием наизготовку застыли милиционеры.

Этапники скрывались в темноте двери, подошла очередь и Анвара. Он с тоской обернулся назад.

– Вперед!

Анвар влез в открытый проем и сел на металлическую скамью, Сиплый оказался рядом.

– Не горюй! В транзите держись меня.

Автозак тронулся. Ехали больше часа.

– Эй, вы, кончайте курить. Дышать нечем – приказал Сиплый.

Когда, открылась дверь, внутрь залез солдат с автоматом и открыл решетку.

– Выходи по одному!

Принимал их худошавый капитан. Арестантов построили в одну шеренгу. Капитан взял у начальника конвоя папки с делами, а этапников завели в большую камеру без стекол. Так как на улице стоял крепчайший мороз, в камере был ледник. Бетонные, стены блестели от инея.

– Жара как в Сочи! – ухмыльнулся Сиплый.

– Чифирку забаламутим, и жизнь станет прекрасна!

Вокруг Сиплого сгрудилось несколько человек.

– У кого есть дрова?

«Откуда здесь могут быть дрова?» – изумился Анвар.

Кто-то раскрыл ситор и достал лоскут байкового одеяла.

– О, тут целое бревно! – воскликнул Сиплый.

Они порвали лоскут на несколько полос. Сиплый свернул кольцом одну из них и запалил с конца. Она стала гореть высоким, сильным пламенем. Коренастый держал над пламенем эмалированную кружку с водой. Он что-то бормотал, точно произносил тайное заклинание.

– Шапку насыпь! – прохрипел Сиплый.

Один из парней насыпал в кружку щепоточку чая. Казалось, что они не в тюремной камере, а на тайной вечере. Сидя на четвереньках, они не сводили глаз с кружки.

– Мазя! – прошептал Сиплый и стал переливать варево из кружки в кружку.

Наконец он отхлебнул. Лиц его размякло от наслаждения. Кружка пошла по кругу.

– А где мокрушник, позовите его?! – приказал Сиплый.

Один из парней направился к сидящему в углу Анвару.

– Сиплый кличет!

Анвар подошел к чифирящим людям.

– Садись, браток! – Сиплый освободил место Анвару. – Стой, не стой, все одно сидеть будешь!

Вокруг заржали. Анвар всмотрелся в лицо Сиплого. Он был худощав, с тонкой шеей и острым кадыком. Паутина морщин покрывала изможденное лицо. Тонкий с горбинкой нос нависал над губами.

– Не гляди так, браток! Так смотрят менты и проститутки, а ты к этим тварям не относишься.

Сиплый шутил зло и с подоплекой в словах. Арестанты вновь заржали. Этот ржач стал выводить Анвара из оцепенения. В груди зарождался гнев. С годами Анвар научится руководить им. А тогда, Анвар сразу же ошетинился. Скривившиеся в хохоте физиономии слились в одно. Он угрожающе произнес.

– Прекратите, или пожалеете!

Физиономия распалось на несколько удивленных харь.

– Вот тебе и брат Кондрат! Этот парень хочет указать нам стойло! – произнес коренастый мужик.

– Завязывай! Он же первоход, не въезжает еще. – рассудительно заключил Сиплый.

– Ты, брат, лихой, не горячись! В этой системе надо котелком работать. Ты вон кулаками поработал, теперь в транзите паришься! Убей в себе гнев. Чингис-хан, когда гневался, считал до десяти. И только потом принимал решение! На-ка, закури! – Сиплый протянул Анвару сигарету.

Анвар отказался.

– Не курю!

– И то верно, помрешь здоровеньким, – усмехнулся Сиплый.

Холод пробирал до костей. Сидеть на бетонном полу было невозможно. Арестанты били пролетки по камере.

– От жары тут не сдохнешь, – съязвил Сиплый. – К вечеру этап подбросят, станет веселей.

Сколько они так ходили, Анвар не ведал. За решетчатым окном квакал тюремный ревун. Внутри все вымерло. Осознать происшедшее было свыше его сил. Разум подсказывал, что его ждет страшная кара. Но он боялся не кары. Его сердце не хотело осознать, что он убийца!

«Мама! Что с тобой будет?» – перед глазами стояла картина неподвижного Князя в свете уличного фонаря.

– Как теперь жить? Как спать, есть, разговаривать, умываться? В коридоре слышались лающие голоса команд.

– Этап пришел! – оживился Сиплый. – Сейчас набьют наш трюм, как селедкой!

Он оказался прав. Камера стала наполняться людьми, валившими толпой. Сзади подгоняли солдаты. Вскоре в транзитке невозможно стало повернуться.

Дверь захлопнулась. Вновь прибывшие озирались по сторонам, выглядывая, куда бы им устроиться.

– Откуда этап? – прохрипел Сиплый.

– Кого я вижу! Корешок родимый! – разнесся звонкий голос.

Человек с рваным шрамом на лице, в лагерной одежде, лез к Сиплому .

– Салам, бродяга! Вот не думал свидеться!

– Шрам! Юрок! – Сиплый обнял заключенного.

– Сколько зим! – радовался Шрам.
– Лет пять не виделись. – произнес Сиплый.
– Как уехал я на крытую, с той поры считай...
– Ну, раз уже сели, давай присядем, Юрок? – Сиплый сел на корточки у стены.

– Все шутишь! – засмеялся Шрам.
Притиснутый Анвар вновь оказался рядом с Сиплым.
– Садись, браток и ты, – подвинулся Сиплый.
Вокруг Сиплого и Шрама образовался круг из этапников.
– Вот, семейника встретил! Вместе с Юрком в Краслаге были. Он в крытую уехал, а я – на волю. Ты, я вижу, уже перекоцался, – Сиплый показал на лагерную робу Шрама.

– Из зоны еду. За довеском! Пять зим довесли, – буднично пояснил Шрам и добавил: – Червонец со свободы имел, в зоне пятерку добавили, теперь пятнадцать – полный комплект!

– Хапанул ты, Юрок под завязку! За что крутанули?
– Вязаного козла порезал. Выжил гад, живучий оказался.
– Эти суки живучие! – произнес фиксатый парень, сидевший рядом с Анваром.

Анвара оглушил поток жаргона, которого он ничего не понимал. Глядя на Шрама, Анвар понял, что тот прошел огонь и воду в заключении. Но больше всего его поразило, как он обыденным голосом рассказал, что ему добавили срок и теперь у него пятнадцать лет. Этого Анвар не мог переварить. Рядом с этими людьми, ему казалось, что он на другой планете, с инопланетянами. Но бетонная стена камеры и железная дверь отбрасывали Анвара в реальность. Прежде, Анвар считал, что люди в тюрьме невыносимо страдают от постигшего их горя, но глядя на этих оживленно гомонивших арестантов, он не мог взять в толк происходящее.

«Радуются, словно встретились на вокзале» – размышлял он, не подозревая, что на жаргоне транзитная камера так и называлась.

– Судьба играет человеком, а он играет на рояле! – воскликнул Сиплый. – Ну-ка, ребяташки, забаламутьте чифирку. С такого этапа, может, и хапнуть найдется? Так, Юрок? – спросил он Шрама.

– У нас все правильно, сейчас хапнем от вольного!

Страсти улеглись. Люди расстелив бушлаты устроились на бе-

тонном полу. В нескольких местах варили чифир. Многие курили и от этого, в камере стало теплей.

Шрам подозвал мужичка с перебитым носом и что-то шепнул ему на ухо.

Мужичонка заспешил на отхожее место. Позже, Анвар узнает, что арестанты прячут «ракетки» в задний проход. Обычно блатной, уходя на этап, «заряжал» двух-трех чертей, чтобы пронести наркотики. Иногда их глотали, а после шмона, выпив три литра воды, совали пальцы в рот. И груз выходил. Если его нельзя было доставать, несколько дней ничего не ели. Вышедший раньше «экспресс», заново переупаковывали и снова глотали. Принесли чифир. Шрам нетерпеливо крикнул.

– Нос, ты скоро?

Мужичонка выглянул из-за бетонной перегородки.

– Мазя, Юрок, я иду!

Пробравшись между сидящими вплотную людьми, Нос подбостранно улыбаясь, протянул Шраму темно-зеленый комочек.

– Чистоган! – мечтательно прошепелявил он.

Шрам разломил гашиш и половину передал Сиплomu. Другую же, отщипнув от нее крошку, спрятал в нагрудный карман.

– Пусть сердце греет!

Наблюдавшие за этим арестанты рассмеялись. Шрам отдал крошку одному из сидящих рядом.

– Забей.

Косяки с гашишем заходили по кругу. Арестанты глубоко затягивались, закатывая глаза от удовольствия. Сиплый затянулся и передал косяк коренастому, пропустив Анвара. Шрам тут же спросил.

– А что, пацан не курит?

– Он спортсмен, – просипел Сиплый.

Не знавший того, что в арестантской среде нормальных зеков называют пацанами, Анвар хотел было возмутиться. Не знал он и того, что каторжане делятся по мастям.

– За что подсел, браток? – тактично спросил Шрам Анвара.

– Восемь, восемь! – ответил за него Сиплый.

– Ого! – удивился Шрам. – Серьезная статейка. Хапнешь ты, не сочти за прокурора!

Анвар не понял, что значит – восемь, восемь.

– У меня нечаянное убийство! – произнес он.

Раздался взрыв хохота. Обкурившиеся арестанты, только и ждали случая, чтобы повеселиться.

– Мы все нечаянные! – согласился Шрам. – Я нечаянно протырил вязанного. Нос, случайно угодил в чужую хату. Тут брат, все нечаянные, – заключил он.

Шрам говорил с тонкой иронией, которую улавливали арестанты и корчились от смеха. Анвар глядел на них с презрением.

«Животные!» – думал он. Но к Шраму ненависти он не испытывал, а наоборот симпатизировал ему.

– В соседнем транзите полосатики, на дальняк их везут. Надо бы сгношить им кешерок Сиплый.

Сиплый приподнялся со своего места.

– О чем базар, Юрок! – он попросил Анвара. – Подай-ка вон тот мешок.

Анвар достал из кучи сидоров черный кешер и передал его Сиплому. Сиплый просипел:

– Братва, соберем на Балтику.

Сиплый бросил на разостланную газету плитку чая и две пачки сигарет.

Кругом зашевелились и стали рыться в своих котомках.

Шрам вынул пару теплого белья и бросил ее в круг.

Арестанты передавали табак, спички, продукты. Каждый давал столько, сколько мог выделить. Вскоре выросла приличная горка.

– Хорош! – произнес Шрам. – Упакуем. Ночью отгоним!

Когда страсти улеглись и все возвратились на свои места, Шрам подозвал к себе Носа и приказал ему заварить чай.

– Купцанем, Сиплый? И перекусить не помешает!

– Самое время. – лениво отозвался тот.

На разостланной шубе появились куски колбасы, яйца, свертки с маслом, вареным мясом.

– Мазевая зона! – потирая руки, произнес Сиплый.

Анвара пригласили перекусить.

– Садись к дастархану, – пригласил Шрам. – Спортсмену надо кушать. Это нам, бродягам, ханки бы по полбанки, да анапона – два бидона! – воскликнул он.

– Тогда можно и четвертак сидеть, – усмехнулся коренастый.

«Неужели они все наркоманы». – ужаснулся Анвар. Он открывал для себя новое, мрачное.

– Ешь! – Шрам подвинул к Анвару снедь.

При виде продуктов, разложенных на газете, сильно засосало в желудке. Он взял кусок хлеба и стал жевать.

Ночь пролетела мгновенно. До полуночи, арестанты продолжали сбившись в стайки о чем-то перешептываться. Содержимое одних кешеров перекочевывало в другие. Сидельцы оказывались рядом с первоходами вроде Анвара. Жестикуюлируя татуированными руками, поблескивая блатными фиксами, они нагоняли им страха. Первоходы, точно в гипнозе расставались с хорошими вещами, отдавая все ценное ходокам. Все, что могло уйти за чай тюремным надзирателям, становилось собственностью ходоков, с акульим аппетитом и шакальими повадками. В углу, спрятавшись от дверного волчка, в который мог заглянуть надзиратель, с молчаливого согласия Шрама и Сиплого, коренастый срывал фиксы с зубов молоденького парнишки. В глазах его стояли слезы. Коренастый орудовал нагретой на огне ложкой. С порванных десен сочилась кровь. Мост как назло не поддавался. Мастер на совесть сделал свою работу, не зная того, что его проклянут и тот, кому он ставил, и тот, кто, смахивая пот со лба, срывал его. Анвар понял, что его не трогают лишь потому, что он находился под покровительством Сиплого. С утра в коридоре послышался топот. Тюрьма проснулась, хотя она и не спала, а пребывала в коротком забытьи. В открытую кормушку застучали алюминиевые чашки с баландой.

– Печатают? – спросил Шрам оборачиваясь на дверь.

Момент подачи чашек в кормушку, арестанты называли печатанием. И впрямь! Звуки напоминали стук клавишей печатной машинки. Сразу же после завтрака, распахнулась боковая дверь, и пожилой старшина с стал выкрикивать фамилии.

– Куда их вызывают? – спросил Анвар Сиплого.

– Шмон-камера, – ответил Сиплый, – сейчас прошмонают, а после баньки по хатам. – и выдержав паузу добавил.

– Попробую выцепить тебя к себе в хату.

– А это возможно?

– Есть тут один дубак, он сделает.

Старшина выкрикнул фамилию Анвара. Он оглянулся на Си-

плого. Тот подбадривающе подмигнул ему. В комнате было несколько женщин в защитной форме.

– Вещи на стол, сам за перегородку!

Анвар разделся до плавок. Опытными движениями рук женщины быстро прощупали его одежду. Старшина велел открыть рот. Он заглянул туда с видом человека, рассчитывавшего увидеть клад.

– Вещи в охапку!

Анвар поднял одежду и истерзанные ботинки. Сапожник из хозобслужбы вырвал из них ступинаторы, оторвал каблуки, которые затем наспех скрепил ржавыми гвоздями. Арестанты одевались, ругая трехэтажным матом шмонгруппу. Процедура была унижительной.

«Это не самое худшее, что мне придется здесь вынести,» – понял Анвар.

Пройдут в неволе годы. Лагерь вьется в поры Анвара. Жизнь заставит его пройти тернистый путь. С ледяным спокойствием он станет глядеть на то, что ужасало его когда-то. Непорочное умрет в нем, но взамен появится философская рассудительность. В острых, как бритва, глазах, проступит лед. О нем станут говорить, и в голосах заключенных будет слышаться затаенный страх.

Но это будет потом, после долгих лет за колючей проволокой.

Сжав в охапку кучу шмоток, из двери вывалился Сиплый.

– Поганцы, все испохабили, – пробурчал он одеваясь.

В бане одежду развесили на огромный железный штырь, утыканный зубцами.

– На прожарку! – объяснил Сиплый.

Анвар стоял под душем, подставив тело под горячие струи и наслаждался. Поймав себя на этой мысли, он пришел в ужас.

«Неужели я такой же, как и все? – размышлял он. – Я убил человека, а теперь с наслаждением моюсь! Разве я должен жить?» – спрашивал он себя.

Вокруг него в мыльной пене терлись исколотые татуировками арестанты. На впалой груди Сиплого, была искусно выбита Сикстинская мадонна. После бани в «нулевке» они получили матрацы, простыни, одеяла, кружки и лож-ки. Сиплый о чем-то тихо переговорил со старшим по корпусу. Анвар заметил, как тот криво усмехнулся. Держа карточки в руках, он начал выкрикивать

фамилии. Среди прочих корпусной назвал фамилии Сиплого и Анвара.

– Давай прощаться, Юрок, – Сиплый протянул руку Шраму.

– Удачи тебе, бродяга!

Они обнялись. Сиплый подмигнул Анвару.

– Вперед!

Их ввели по коридору, а по обе стороны были пронумерованные камеры. Шаги арестантов гулко отдавались, и эхо их таяло в мрачных лабиринтах.

Анвар, Сиплого и еще двух парней остановили перед стальной дверью с номером 57. Корпусной открыл дверь.

– Пошел!

Первым в камеру вошел Анвар, за ним Сиплый и остальные. Анвар наткнулся на множество пронизывающих глаз.

– Салам, братва! – Сиплый прошел в дальний угол, где сидели несколько арестантов. Было ясно, что эти люди здесь главные.

Анвар осмотрелся. Тюремные нары напомнили двухъярусные армейские кровати. Деревянный пол был тщательно выскобленным, а стены камеры выбелеными. В углу за бетонной перегородкой отхожее место. На металлической полке разместилась посуда. Позже Анвар узнает, что она называется телевизором, а приемник, – балаболом.

Сиплый вполголоса беседовал с арестантами. Зная, что его имя известно в арестантской среде, Сиплый держал себя с достоинством. В стену постучали. Парнишка сидевший около решетки, потянул на себя витую нить.

– Что там? – спросил зэк, с выбритым черепом.

– Малява, – ответил паренек.

– Давай сюда!

Бритый взял ракетку и разорвал обертку. Он пробежался по тексту и передал ее арестанту с побитым оспой лицом.

– От вора малява. Пишет, что к нам идет Сиплый и просит встретить, как подобает.

Сиплый закурил папиросу и, выпуская дым, спросил бритоголового.

– В какой хате вор сидит?

– Под хатой 55. Ты знаешь его?

– Сиплый – это я.

В камере воцарилось молчание.

– Давай знакомиться! – бритоголовый протянул руку. – Немец Толян! – представился он.

Арестанты потянулись к Сиплому. Анвар понял, что главным в камере признан Сиплый. Медленно потянулись дни – однообразные и мрачные. Арестанты томились в ожидании завершения следствия. Камера между тем жила своей жизнью. Перед завтраком арестанты умывались, чистили зубы, брились. Завтрак приносили заключенные из хозобслужбы в сопровождении дежурного по корпусу. Завхоз – розовощекий мужик, сидевший за убийство, принимал тарелки.

Он накрывал «трамвай» и приглашал блатных. Сиплый, Корявый, Немец и еще пара арестантов усаживались напротив друг друга. Анвара с покровительства Сиплого тоже посадили за стол. Мужики и черти ели сидя на шконках. Садиться в трамвай, им было не положено. Мужиками считались заключенные, по прибытии в лагерь добросовестно работавшие. Они жили тихой жизнью и отсидев срок, выходили на свободу. Одним удавалось зацепиться на свободе, другие садились опять. Но никогда мужик, прибыв в тюрьму, не выдавал себя за блатного.

Блатари же, вроде Сиплого, Шрама, в лагере не работали – жили по понятиям арестантского мира. Черти – люди малодушные, в тюремных стенах, попадали в услужение блатарей. Их использовали для унижительных работ, на что никогда не согласится мужик, хоть режь его на куски. Были еще пинчи. Пинчами их сделали за проступок, выходящий за рамки арестантской морали. Порой пинчами становились люди, попавшие в камеру под беспредел. Если подтверждалось, что человека опустили ни за что, виновника резали или опускали самого. Но человек, которого опустили, был пинчом навсегда. Ни один честный арестант не подавал ему руки. Случаи, когда опускали незаслуженно, были крайне редкими. Опускали тех, кого уличали в краже общаковой пайки, стукачей, козлов – членов СВП (Совета внутреннего порядка).

Раньше таких людей резали. Но с введением высшей меры наказания, их стали опускать. В тюрьме, пинчей переводили в «обиженку», а в лагере они селились в «гареме», где их могли купить на ночь.

Все это, будет разжевывать Анвару Сиплый.

– Тюрьма – это помойка! Но раз сел, впрягайся, ибо здесь тебе жить. Жизнь волчья, но надо катить по ней с арсеналом знаний.

Перебирая в руках четки, изготовленные из тюремного хлеба, Сиплый мог часами следить за речью и поступками сокамерников.

Лишь изредка, погрузившись в далекие воспоминания, он мурлыкал «Таганку».

– Я знаю, милая, больше не встретимся, дороги разные нам суждены!

В такие минуты он подсаживался к Анвару и заговаривал о жизни.

– Видишь, как масть прет! Срок за сроком! Вилы братан! Хапну щас полосатый режим, у меня ведь три однородных статьи. Но оно и лучше... на особом режиме контингент поскуше, там и срок в елочку катит. Только Валюху жалко... баб стал жалеть. Валюха – баба особенная, не шалавая, в меня – ээка поверила. Я же бродяга по жизни, семнадцать отсиженных. Хотел завязать, да разве завяжешь! – сипел он.

Анвар понял, что он сожительствовал с женщиной по имени Валя. Она хотела любовью своей перевоспитать его. Не воровал Сиплый – держался! Но опять ступил на путь краж.

– Добра там валом! Я ведь распечатывал контейнеры с импортным шмутьем – дубленки, шубы, аппаратура! – живописно рассказывал он.

– Думаешь, ворюга, да? – сатанел Сиплый. – Ты что ли лучше, мокрушник! – и заметив, как наливались кровью глаза Анвара, успокаивал, – Верю, что не хотел ты отнимать жизнь. Ты пацан хороший. Не обращай на меня внимания, на мне пробы негде ставить.

И Сиплый вновь начинал повествовать Анвару о норме поведения в лагере.

– Вы не спите? – словно издалека, донесся до него голос. Кто-то осторожно тронул его за локоть.

Анвар повернул голову.

– Вы не спите? – спросила юная попутчица. – Давайте к столу!

Анвар хотел было отказаться, но слез и устроился рядом со старушкой.

На столе были разложены продукты. Девушка, войдя в роль

хозяйки, ловко расправлялась с колбасой, нарезаая ее тонкими ломтиками.

Анвар вспомнил о свертке и достав его, положил на стол.

– Что тут у вас? – оживленно спросила девушка.

– Не знаю, разверните! – ответил Анвар.

– Мужчины как всегда в своем амплуа! – У вас тут целый набор! Сразу видно, что собирала любящая вас женщина. Анвар неопределенно пожал плечами.

– Готово, можем пировать! – с пафосом воскликнула девушка.

Солдат ел сосредоточенно. Старушка осенила себя троеперстием и взялась за куриную ножку, следя за тем, чтобы не уронить ни единой крошки.

Юная девушка оказалась непоседой.

Она придвигала ветчину и овощи, демонстрируя молодой, здоровый аппетит.

– Из командировки возвращаетесь? – спросила она Анвара.

– Ага, – Анвар кивнул головой.

– А чем вы занимаетесь, если не секрет?

– Соблазняю симпатичных девушек. Таких, как вы.

Анвар думал, что она рассердится, но она весело рассмеялась.

– Получается?

– Не очень! – ответил Анвар.

– Почему? – девушка удивленно вскинула брови.

– Постарел.

– Нет. Вы интересный, такие нравятся женщинам!

Анвар умело перевел разговор в другое русло, спросив у вээшника:

– А вы где служите?

Солдат, тут же оживился и принялся рассказывать.

– Лагерь с заключенными охраняем. Тяжело! Приходится быть бдительным. Так сказать, и в жару, и в стужу.

– А бывают побеги? – воскликнула заинтригованная девушка.

– А как же!

Он был плотно сбит, тесный ворот рубашки врезался в шею. Весь его вид говорил, что он упивается своей молодостью, силой. Присутствие студентки будоражила его кровь.

– На днях был побег, – оживленно начал он. – Я был в группе преследования! Шли по следу. Через сутки догнали. Альфа – не-

мецкая овчарка, точно вывела. Зэк через Витим собирался переплыть. Ну, я и врезал из автомата... наповал! Я на стрельбах десятку выбиваю! – похвастался солдат.

– Но разве обязательно было убивать? – донеслось до слуха Анвара.

Он проваливался в мутную пелену воспоминаний. Кулак его сжался, точно он душил змею. На губах он явственно почувствовал солоноватую кровь, со-чившуюся из разбитого рта от удара прикладом. Анвар инстинктивно облизнул губы, с трудом удержав рвущийся из груди стон.

* * *

В ту зиму шли обильные снегопады. Буранило так, что нельзя было разглядеть соседний барак. Это были черные дни Анвара в зоне. По прошествии двух лет отбывания срока, он немного ожил, начал оттаивать. Стал перебрасываться фразами с заключенными. С нетерпением ждал вестей от Светы. Света отвечала на его робкие письма. О любви в них не было ни единого слова. Анвар не мог писать о чувствах из лагеря. Света тоже обходила эту тему. Анвар чувствовал, что приближается кризис и выл от беспомощности. И вот писем не стало!

Стояли сорокаградусные морозы с пронизывающими ветрами. Ночами он выходил из барака и часами стоял на сквозном ветру.

«Я должен увидеть ее! Иначе, зачем жить? Она поймет меня!» – в недрах его мозга вызревал план побега. День ото дня, он оттачиваясь, вычерчивался ясней и отчетливей. Наступил день, когда все сложилось!

Был сумасшедший буран. Заключенные в промзоне попрятались в каптерках, буданах, не рыскали и контролеры. У него все было готово. В одной из комнат строившегося дома он быстро переобулся. Скинув сапоги, натянул на ноги валенки. Поверх брюк надел ватные шаровары, под фуфайку теплую душегрейку. Достав из тайника деньги, он спрятал их во внутреннем кармане. Анвар спустился вниз, прошел за угол дома и спрятался за штабелями досок. Осмотревшись, он пополз, к проступавшему сквозь массу несущихся хлопьев бензовозу. Люк поддался. Анвар прыгнул в темноту бочки. На дне была сольерка и валенки Анвара тут же промокли. «Эх, не надо было снимать сапоги,» – пожалел он.

Неизвестно сколько времени провел он в томительном ожидании. Дышать было нечем. От запаха солярки его мутило, голова раскалывалась на части, а легкие разрывались. «Еще немного и я умру!» – в голове протянулись сомнения – Может быть, сегодня не поедут за соляркой? Наконец-то хлопнула дверь кабины и до слуха Анвара донеслись всхлипы мотора.

– Заводись, заводись! – молил Анвар.

Машина тронулась. Анвара бросало от одной стенки к другой. Через некоторое время она остановилась.

– Вахта! – сердце его замерло.

Сквозь визг мотора доносились обрывки фраз, слышался стук каблуков.

Солдат вскарабкался на бочку. Ругая буран, он откинул люк и посветил внутрь фонариком. Сердце стучало так громко, что Анвару казалось – солдат услышит его. Он мысленно кричал сердцу: «Замри!» Тонкий луч скользнул по ногам Анвара, превратившегося в статую. Но солдат отвернулся от налетевшего шквала ветра. Луч побежал дальше и погас. Хлопнула крышка, и солдат спрыгнул на землю.

– Поезжай! – донеслось до Анвара.

«Неужели свобода?» – недоверчиво промелькнула мысль. Анвар почувствовал, что он весь взмок от пота. Он знал, что от лагеря до нефтебазы километров пятнадцать. Но это было в другую сторону от железной дороги. А ему нужно к ней, к спасительной стальной магистрали. Только она могла спасти его. Он подпрыгнул вверх, в попытке распахнуть крышку. Но к своему ужасу обнаружил, что солдат задраил люк.

– Капкан! Ха-ха-ха-ха! – рассмеялся он, и эхо стозвонно заметалось внутри бочки.

– Глупей смерти не придумать! Подохнуть в бочке с соляркой!

Нервы Анвара не выдержали перегрузки. Он хохотал, скорчившись на дне. Его стало рвать, выворачивая наизнанку. Анвар уже плохо соображал. Он чувствовал, что силы покидают его. Рассудок туманился от жутких газов и нехватки кислорода. Сколько прошло времени? Казалось что целая вечность! И тут машина остановилась. Открылся люк и в бочку ворвался воздух. Анвар дышал им и не мог сдвинуться с места. Собрав оставшиеся силы, он прыгнул вверх и ухватился за края люка. Подтянувшись на ру-

ках, выбросил тело из проклятой бочки, и какое-то время лежал на ней, не в состоянии двинуться дальше. Опомнившись, усилием воли он заставил себя спуститься на землю и осмотреться. Водителя в кабине не было. Двигатель мерно работал, видимо шофер побоялся глушить его в такую погоду. Анвар выжал муфту сцепления и включил передачу.

– Вперед! – кричал его мозг или, может быть, это кричал он сам.

Машина рванулась с места.

Он гнал бензовоз, не зная, что выскочивший шофер, разглядел за рулем человека в лагерной робе. Уже пронзительно звонили телефоны, и в лагере была поднята тревога. Всех заключенных согнали на плац, где они, коченея, будут стоять несколько часов. Из уст в уста будет передавалась его фамилия, и эки, кутаясь в бушлат желали ему удачи, а офицеры, выбивая ногами чечетку, проклинали его. Анвар не знал, группа преследования уже выехала, а его приметы и номер машины разосланы по всем постам ГАИ. Вцепившись в баранку, он гнал автомобиль. Инстинкт подсказывал ему, что пора бросать машину и уходить пешком. Судя по спидометру, он проехал километров сорок.

– Пора! – оставив двигатель включенным, Анвар хлопнул дверью.

Буран усилился. Он сориентировался и побежал. Сколько времени продолжался бег, он не знал. Буран продолжал лютовать. И вдруг он понял, что заблудился!

Стоило Анвару остановиться, как ветер выдул из бушлата тепло, а промокшие в солярке валенки одеревенели. Анвар снова побежал, как учили его бегать в разведроты. Где-то на другой планете была его Света, и он должен был добраться к ней!

Уставший Анвар яростно выругался и подстегнул себя. Но часа через два окончательно выбился из сил и перешел на шаг. Это был даже не шаг. Он брел по гигантской степи, которая словно сошла с ума. Ветер сбивал с ног, метал копы снега ему в лицо. Он падал, вставал и снова брел. И вдруг он разглядел полузанесенные рытвины. Анвар нагнулся, всматриваясь, как вдруг отшатнулся, точно его ударило током. Это были его следы! Он ходил по кругу! Анвар рухнул в сугроб и, свернувшись клубком, прикрыл глаза. Сон одолевал его. Усталость растекалась по телу. Ему гре-

зилось, что он лежит на своей наре в бараке. Худой, злой зэк Мотыль, играет на гитаре. Что он поет?

– Степь да степь кругом, путь далек лежит...

До слуха Анвара явственно доносился баритон Мотыля.

«Откуда здесь Мотыль? – подумал он, – Ведь я же бежал один, – работал мозг. – Да я замерзаю!» – и тут Анвар отчетливо услышал протяжный волчий вой. Мороз пробежал по коже.

«Может быть, мне показалось?» – он побежал. Впереди что-то темнело. Анвар усилил бег. Это была березовая рощица. Анвар стал ломать ветки, чтобы развести костер. Он достал спички. Ветки не загорались. Задубевшие от мороза руки не слушались. Жуткий, затяжной вой, послышался рядом.

– Вот они!

Анвар вспомнил о деньгах. Пуговица не поддавалась, и тогда он, рванув карман, выхватил завернутые купюры. Скомкав часть их, он взялся поджигать. Если он не успеет разжечь огонь, волки нападут на него. Он пожалел, что не взял с собой нож. Деньги вспыхнули, но ветки были сырые, и буран задул пламя. Отчаявшийся Анвар поджег вторую половину денег, но и их унесло в степь порывом ветра. Прямо перед Анваром, показались две пары зеленых огней. Он стянул с себя валенки и поднес к ним спичку. Пропитанные соляжкой, валенки вспыхнули, занимаясь ярким пламенем. Анвар набросал сверху веток. Костер разгорелся, но Анвар понял, что он будет стремительно выгорать. Он отступил к березке и принялся ломать нижние ветки. Волки были голодные. Они все ближе подходили к костру. Теперь Анвар не пытался отойти от него, чтобы наломать веток. Он понимал, что они тут же набросятся на него. Тогда Анвар снял с себя шарф и шапку и бросил в огонь. Костер тут же проглотил жертву человека и через некоторое время опять стал гаснуть. Но он не мог допустить этого! Чтобы хоть немного поддержать огонь, бросил в костер лагерьный бушлат. Ему пришлось снять и кинуть в ненасытное пламя ватные шаровары. «Минут на десять хватит,» – обреченно подумал он, обматывая босые ноги портянками. Порывы ветра искрами уносили в степь затухающий костер. Волки, припадая к земле, подошли совсем близко. Анвар взял тлеющую головешку и, размахивая ею, зарычал на них. Они неохотно отступили, но тут же вернулись. Вот, один из них щелкнул зубами совсем рядом.

Анвар взглянул ему в глаза. Человек и волк сшиблись насмерть. Острые клыки руку Анвара. Но и Анвар изловчился, ухватив матерого за шею. Удары ребром ладони, который он нанес со скоростью молнии, оказались смертельными. Хищник обмяк, так и не поняв, чем сразил его человек. Серой тенью метнулась к Анвару волчица. Снег взвихрился и окрасился кровью. Они визжали от ярости. Волчица разрывала острыми когтями грудь, плечи. Анвар, не обращая внимания на боль в разорванных мышцах, рванулся изо всех сил; Он вцепился руками за пасть извивающейся под ним суки и впился зубами в волчье горло. Он грыз его пока не почувствовал, как ударила горячая кровь. Волчица судорожно задержалась. Но Анвар продолжал грызть, грызть, грызть. Наконец по ее телу пробежала крупная дрожь, и она вытянулась во всю длину. Она была худосочной. Уже больше недели, они с волком ничего не ели. Несколько раз им удавалось подкрасться к овчарне, но выбегавшие на лай собак люди открывали по ним стрельбу. Отчаявшись, они наткнулись на этого заблудившегося человека. Не знали они, что их поединок окажется роковым. Обессиленный Анвар долго не мог разомкнуть сведенные судорогой руки. Наконец он отвалился от тела волчицы и зарыдал.

Поисковая группа на вертолете, нашла его после часа полета. Они летели низко над притихшей степью и увидели рядом с рощицей темнеющий бугорок.

Это был Анвар. Окоченевший, без сознания, он лежал на трупе волчицы, привалив себя другим хищником. Анвар пришел в себя от шума винтов. Они секли воздух. Из железной стрекозы на снег выпрыгивали солдаты. Анвар напряг мышцы, но острая боль в груди пронзила его насквозь. Подбежавшие солдаты подняли его. Степь раскачивалась из стороны в сторону, точно это была гигантская белая шкура. Удар прикладом автомата опрокинул его. Он потерял сознание.

* * *

Три месяца Анвар пролежал в лагерной больнице. На правой ноге у него ампутировали пальцы. Врачи едва выходили его, круглосуточно борясь за жизнь. Переохлажденное тело, пылало жаром, словно раскаленная печка. Им с трудом удавалось сбивать

температуру. Раз за разом, делали они переливание крови. Разорванные до кости мышцы горели огнем. Он метался в бреду. Молодой организм дрался со смертью, и она отступала. Два месяца врачи не отходили от его палаты. А у него началась депрессия. И прежде неразговорчивый, он, полностью уйдя в себя. Безучастный ко всему, он лежал, глядя в одну точку.

Суд состоялся в клубе зоны. Он даже не запомнил фамилию председателя суда. Все его внимание было сосредоточено на Алтынай, неведомо как, оказавшуюся в зале. За побег ему добавили еще пять лет, определив дальнейшее отбывание в колонии строгого режима.

Встреча с Новоселовым доставила Анвару радость. Он словно помолодел, побыв рядом с ним, вспомнив ребят-сослуживцев; вместе с тем, эта встреча безжалостно подчеркнула факт ушедших лет, несбывшихся планов молодости.

В двадцать лет, потеряв свободу, он поначалу крепился. После нового срока, опять стал готовить побег. И спустя год бежал. И вновь неудачно!

Света для него была потеряна навсегда! Сердце его страдало, и в минуты, когда память отбрасывала в далекую бакинскую осень, он, стиснув зубы, катался на нарах. Со временем, Анвар смирился с тем, что сотворила с ним жизнь.

Утомленный воспоминаниями Анвар уснул. Во сне он видел себя в окружении красивых русалок, на дне болота, из которого никак не удавалось выбраться. Зеленый водяной превращался в замполита колонии, грозившего ему крючковатым пальцем. Анвар просыпался и снова проваливался в эту жуть и лишь под утро, сознание его отключилось полностью.

Проснулся он от скрежета тормозных колодок. Вагон качнуло, и поезд остановился. В купе никого не было.

– Вышли подышать! – решил Анвар.

На перроне сновали люди. Приведя себя в порядок, Анвар направился в вагон-ресторан. Новый день радовал его. Ощущение свободы вселяло оптимизм и придавало бодрость. Сидя у окна, дожидаясь, когда у него возьмут заказ, Анвар наблюдал, как поплыли назад деревья, люди; колеса состава постукивая, повезли его к городу, к которому он стремился все прошедшие годы. И хотя, его никто не ждал, его тянуло туда. Он жаждал пройти знако-

мыми дворами, побродить по вечерней улице, где они жили с мамой.

«МАМОЧКА!»

После первого суда она слегла, не выдержав удара коварной судьбы. Здоровье ее ухудшалось с каждым днем. Вскоре она едва передвигалась по дому. Ночами напролет, из глаз ее, непрерывно лились слезы. Непосильная тяжесть страданий пригнула к земле. Зрение с каждым днем ухудшалось. Она уже с трудом различала окружающие предметы. Сердце жгло нестерпимой болью, но она упорно отказывалась идти к врачам.

Ее навещала Алтынай. Тетя Груня тоже все свое свободное время уделяла подруге. Приезжали и родственники из аула, навещала тетя Маркеш, приходил Салим-агай с женой. Об этом Алтынай написала Анвару. Она рассказала ему, что, несмотря на все ее усилия, мама гаснет.

Страшный день наступил. Никогда не забыть ему, тот голубенький листок, исписанный рукой Алтынай. Слезы застилали взор, весть, обрушившаяся на него, обледенила сердце. Он выл, катаясь по земле позади барака, бился головой о бетонную стену. А на следующий день его отправили в штрафной изолятор. Пятнадцать суток он держал голодовку. Осколком лезвия вскрыл брюшину и вывалил на бетон внутренности; сидевший с ним заключенный, умолял надзирателей убрать его из камеры.

Анвар глядел на мелькавшие перелески, луга и холмы, тянувшиеся вдоль железной дороги. Давно остыли борщ и котлеты, а он не мог оторвать взгляд от окна. Перекусив, направился в свой вагон. В купе из динамика лилась музыка; молодые попутчики о чем-то беседовали, а старушка вязала. Спицы мелькали в ее руках. Анвар взял со стола журнал и стал перелистывать его. Девушка предложила ему сыграть в «дурака», но Анвар отказался.

– Благодарю, я пожалуй, предамся мечтам!

Он взобрался на полку и незаметно для себя, он крепко уснул.

* * *

«Вот и приехал!» – душа его ликовала. Глядя на перрон родного вокзала, он не мог поверить глазам. Неужели?

Людей на перроне было много. Прибывали и уходили электрички. Диктор беспрестанно что-то объявлял. Анвар осмотрел-

ся. Вот также, двадцать лет назад, а вроде бы вчера, он с дипломатом в руке шел к стоянке такси. Тогда он возвращался из армии и шел гордо, заломив набок десантный берет. Прохожие любовались высоким десантником, а молодые ребята глядели с завистью. У него оставалось несколько рублей, но он чувствовал себя богачом. А теперь, в карманах у него были деньги, полученные за двадцать лет сразу. Но он шел, ссутулившись, словно из него вынули стержень, поддерживавший жизненную силу. Душа его была пуста.

За стойкой первого попавшегося на пути бара, он выпил двойную порцию виски. Праздника не чувствовалось! Где-то внутри что-то корежилось, ворочалось, скрежетало. Но вот скорлупа треснула и живительная радость от встречи с городом, который снился ему в глухой тайге, растеклась.

Он шел к дому, где они жили с мамой, угадывая направление в сгустившихся сумерках. Анвар шел к своему дому. Но мамы уже давно не было в живых, а в их прежней квартире сменилось несколько жильцов. Это был старый район города. Жильцы, получая здесь квартиры, старались не задерживаться, стремясь любыми путями вырвать квартиру в центре; лишь старожилы - проклятые шахтеры прикипевшие к этим местам ни за что не хотели уезжать отсюда.

Анвар направлялся к дому. Там жила тетя Груня - единственный человек на свете, с кем он поддерживал связь. Он помнил ее с тех пор, когда босоногим мальчишкой, гонял по заросшим паутиной чердакам голубей.

Известие о втором неудавшемся побеге свалило ее. Искренне любившая Анвара, она тяжело восприняла этот удар. На суд тетя Груня приехать не смогла.

Но после смерти мамы, она регулярно писала ему. Ее письма, написанные крупным почерком, с тщательно расставленными знаками препинания, Анвару было легко читать. Он берег их, перечитывая по несколько раз, а потом сжигал. Она обязательно за что-нибудь журила, о чем-то спрашивала и, если он забывал ответить на ее вопрос, очень сердилась. Прежде чем отвечать, он тщательно перечитывал ее письмо. Приезжать на свидания Анвар запретил ей, и она, зная его упрямый характер, не пыталась нарушить этот запрет, но аккуратно, в срок, высылала ему поло-

женную бандероль. Он просил ее не делать этого, но когда понял, что переубедить не удастся, стал переводить ей небольшие суммы денег.

Три года назад умер старый шахтер Степан Иванович – муж тети Груни. Проводили его всем коллективом шахты. В ранней молодости потерявшая сына, тетя Груня не обзавелась больше детьми, и теперь жила одна в ожидании Анвара.

Звонок был оглушительный. Испуганный Анвар отдернул руку. Дверь открылась, и он увидел ее. Постаревшая, ссутулившаяся, в ней трудно были узнать прежде разбитную, веселую тетю Груню, бойко отплясывавшую на праздниках.

– Анвар! – воскликнула старушка и бросилась ему на шею.

Не заголосила, а тихонько забилась, припав к груди, и Анвару стало, нестерпимо жаль ее. Он оглянулся, дверь напротив, когда-то была их квартирой. Тетя Груня поймала этот взгляд и повела его вглубь комнаты. Они сидели на кухне, пили остывший чай. Тетя Груня порывалась разогреть чайник, но Анвар останавливал ее.

– Посиди. Дай я посмотрюсь на тебя! – просил он.

– Я постарела.

– Ты выглядишь молодцом, – и Анвар показывал ей большой палец.

Она смеялась.

– А ты возмужал! Вылитый отец!

Разговор затянулся до рассвета. Говорила в основном тетя Груня. Анвар слушал. Время от времени он выходил на балкон и выкуривал сигарету.

– Мама твоя последние дни никого не узнавала. Была очень слабенькой. За день до того, как ее не стало, на нее словно нашло озарение. Она подозвала меня, Маркеш и попросила у нас прощения; мы стали успокаивать ее, но она помотала головой и показала глазами на твой портрет.

Я дала портрет ей в руки. Она долго смотрела и заплакала. Потом попросила, чтобы мы положили ей под подушку. Успокоившись, наказала Маркеш накормить собравшихся. Мы пили чай, шутили, хотели поднять ей настроение. Она улыбалась. А ночью ее не стало!

Тетя Груня спрятав лицо в ладони, затряслась в плаче. Анвар

обнял ее. Говорить не было сил. «Нет мне прощения! Для чего я живу? Я давно должен был умереть.»

Некоторое время сидели в тишине. Тетя Груня спохватилась, поджарила яичницу, нарезала колбасу и принялась кормить Анвара. Через силу Анвар съел пару ломтиков, выпил чашку крепкого чая. Тетя Груня расправила постель, застелила ее белоснежной простыней. Когда он лег, села рядом и, разглядывая на груди вытатуированный портрет девушки, шепотом спросила:

– Кто это?

Анвар обнял тетю Груню.

– Это артистка.

Там где было его сердце, мастер увековечил Светлану. На Красноярской пересылке ему встретился искусный татуировщик. Многие годы он хранил истершийся от времени снимок. Боясь, что в один прекрасный день он утратит ее облик, заплатил художнику пять плит чая и попросил нанести татуировку. Это была единственная тату, сделанная за двадцать лет пребывания в лагерях. Усталость и сон взяли свое. Налившиеся свинцом веки тянули вниз, и тетя Груня, поспешила уйти. Она провела ладонью по его поседевшим волосам и выключила ночник.

– Спи, золотой!

Анвар с благодарностью улыбнулся ей и закрыл глаза. Мысли текли бесконечной чередой, сменяя одна другую. Вопросы, вопросы, на которые он не знал ответов. Единственным его стремлением было, не откладывая, съездить на могилу к маме.

Он проснулся далеко за полдень. Солнце ослепительно било в окно, на плюшевом ковре веселился солнечный зайчик. Анвар оделся и вышел в зал. На столе лежала записка. Тетя Груня сообщила, что ушла на рынок и скоро будет.

Анвар прошел в ванную и по пояс облился холодной водой. С армейских лет, он не расставался с этой привычкой. Из-за шума воды он и не заметил, как вошла тетя Груня.

– Проснулся! А я на базар сбегала, свежих овощей принесла.

Сейчас будем чай пить! – она заспешила на кухню.

– Тетя Груня, где сейчас Алтынай?

Она повернулась и всмотрелась ему в глаза.

– Хочешь ее увидеть?

Анвар вышел на балкон. Внизу, на асфальте, мальчишки играли в асыки.

Глядя на них, Анвар невольно улыбнулся. Тетя Груня позвала его к столу. За чаем она рассказала ему об Алтынай.

– Ох, Анвар, Анвар! Если бы ты знал, как она билась, словно рыба об лед. Когда тебя посадили, она не отходила от милиции с передачей в руках. А после суда сидела с твоей мамой. Как она рыдала, когда Кульзипа покинула нас. А когда тебе добавили срок, она совсем загрустила; как-то зимой я встретила ее на улице - красивая, молодая, а в глазах льдинки плавают. Крепко она тебя любила, замуж не шла. Потом я долгое время не видела ее, а однажды встретила с мужчиной, он коляску катил. Я сразу догадалась. Она смутилась и представила его как мужа. Я поздравила их. Да не повезло парню, погиб он у нее.

– Как? – невольно вырвалось у Анвара.

– Ехал на своей машине, а тут грузовик выскочил навстречу. Ну и авария! Тому – ничего, а он насмерть!

– Да! – только и произнес Анвар.

После завтрака они съездили на могилу Степана Ивановича. Молча постояли у оградки, тетя Груня поправила венки, и также молча побрели обратно.

– Тетя Груня, я сегодня уеду. Хочу съездить к маме.

Она встрепелась и с тревогой в голосе спросила.

– Ты надолго?

– Думаю, дня через три вернусь.

– Поезжай Анвар! Передашь ей поклон от меня, мне нездоровится. Боюсь, разболеться в дороге, стану тебе обузой!

– Ну что ты, не волнуйся, я навещу маму и сразу назад.

– Пойдем, тебе надо собраться. А может, отдохнешь два-три дня, а потом поедешь?

– Нет, тетя Груня. Жизнь приучила не откладывать на завтра. Я поеду сегодня.

В квартире, Анвар вынул из дипломата маленькую алую коробочку.

– Я привез тебе подарок.

Анвар открыл коробочку. На белоснежном шелке, лежало изумительное золотое колечко. Тетя Груня растерялась, принялась вытирать руки о полотенце и только потом взяла кольцо из коробочки. Она громко разрыдалась.

– Ну, вот! Ты опять плачешь! – огорчился Анвар.

* * *

Поезд, на котором Анвар приехал, тронулся дальше. Так уставший от бега скакун, переведя дыхание, скачет к синему горизонту.

Анвар пересек скверик и направился к припаркованному неподалеку «Жигули».

За хорошую плату, ему удалось сторговаться с пареньком, съездить в Баянтау.

– Ну, если туда и обратно, то поеду. Мне нет смысла гонять машину порожняком, – деловито рассудил парень, заводя броневик.

– Резонно! – согласился Анвар.

Машину на ухабах трясло, паренек морщился, переживая за машину.

– Надо бы еще десяточку накинуть. Дорога видишь, какая.

– Накину, накину, – озлился Анвар – петлю на шею.

– Что? – взвился паренек. – Подбирайте выражения, а то я могу развернуться.

– Угомонись! – Анвар строго посмотрел в лицо пареньку.

Паренек съезжился. Неведомой силой несло от взгляда прищуренных глаз. Откуда ему было знать, что в лагерях, у самых серьезных авторитетов застывали слова на губах от этого взгляда. Анвар вынул пачку денег и отделил несколько купюр.

– Держи!

Довольный паренек сунул деньги в карман и нажал на газ.

Степь ровным ковром разбегалась по обе стороны дороги. Анвара распирало от чувства безграничной свободы. Он попросил остановить машину.

Наслаждаясь запахом трав, вслушиваясь в трескотню кузнечиков, Анвар нарвал букет полевых цветов. Паренек, полулежал на сиденье, слушая автомобильный приемник.

– Поехали? – спросил он.

– Едем!

Впереди показались саманные домики Баянтау.

– Видишь мазары? Нам туда.

– К могилам что ли?

– К мазарам!

Это было родовое кладбище. Анвар отыскал могилу мамы. Она была рядом с могилой отца. Его мама сразу после похорон

мужа, застолбила место, и аульчане знали это. Ноги Анвара подогнулись. Он рухнул на колени.

– Отец, мама, простите ли вы меня? Я уцелел от голодных волков, от волн коварного Витима, в котором тонул и пришел к вам. Простите меня!

Он долго сидел глядя куда-то вдаль. Ветер донес до слуха автомобильные сигналы. Анвар разделил букет на две части. Один положил на могилу отца, а другой – на могилу матери.

Обратную дорогу ехали молча. Паренек дымил папиросой и сплевывал в открытое окно.

Анвар, ничего не соображая, пустыми глазами глядел в окно. Только на подъезде к городу, он немного пришел в себя.

– Вам куда? – спросил водитель.

– К ресторану.

Был обеденный час, но в ресторане оказалось пусто. В углу за столиком двое мужчин оживленно беседовали.

Анвар выбрал место у окна.

– Что закажете? – прозвучал молодой женский голос.

Официантка была симпатичной, короткая стрижка шла ей. Она выжидающе глядела на него.

– Я потерял дар речи и забыл, для чего пришел сюда.

– Значит, вы не голодны. – заметила официантка.

– Что вы, – возразил Анвар – Я вернулся из Египта и голоден так, что готов съесть троянского коня, несмотря на то, что он деревянный.

– Интересно, что вы там делали? – принимая его игру, спросила девушка.

– Искал сокровища фараонов.

– Нашли?

– Нет! Не нашел, – огорченно произнес Анвар. – Но зато я нашел вас! Станьте моим сокровищем!

– Вы очень смелый! – произнесла она, ошарашенная дерзостью клиента. – Так что вам принести?

– Рецепт, по которому можно завоевать ваше сердце!

Анвар глядел ей в глаза, это ее смущало.

– Я принесу вам жаркое и что-нибудь еще!

Она повернулась и пошла к кухне. Анвар оценивающе поглядел ей вслед.

– Татьяна! – позвали ее из-за столика в углу, – Подойдите к нам!
– Сейчас! – отозвалась она, скрываясь за перегородкой.

Татьяна подала горячее, салат и лимонад.

Он был голоден. Не разбираясь особо, быстро расправился с едой и теперь ждал Татьяну.

– Как вам наш конь? Какой валютой будете платить?

– Конь съедобный, а расплачиваться я буду рублями, так как египетские фунты у меня закончились

Она рассмеялась, обнажая беломраморные жемчужины зубов.

– Вы веселый?

– Я упорный! И потому к закрытию ресторана, я буду ждать тебя, напротив заведения. И пожалуйста, не отказывай искателю сокровищ, а не то, я уеду в Африку!

– Зачем? – удивилась она.

– Чтобы меня растерзали свирепые крокодилы.

Они улыгнулась.

– Тогда жаркое из нашего ресторана окажется в его желудке? Думаю, он не оценит его.

– Договорились!

Времени у него было достаточно. Анвар забрел в скверик, присел на лавочку и развернул свежие газеты. Прессу он читал всегда. В лагерях выписывал литературу и возил по этапам полный ситор книг.

Она вышла из ресторана и, увидев его, подошла.

– Куда мы пойдем?

– Квартиры у меня здесь нет, так что пойдем к тебе.

– Вот как? А если я не приглашу?

– Я буду очень сожалеть.

– Смело! Ну, что ж, идемте!

Они пошли по тротуару. Анвар принялся рассказывать, как собирал ягоды на одной поляне вместе с медведем. Она смеялась.

– Врете вы все! То вы в тайге, то – в Египте!

– Честное слово не вру, действительно был такой случай!

Незаметно они приблизились, к стоявшему поодаль от других, пятиэтажному дому.

– Вот мы и пришли! – она вошла в подъезд и стала подниматься по лестнице.

Анвар шел сзади, любуясь ладно скроенной фигурой. На чет-

вертом этаже остановились, Таня достала из сумочки ключ и отворила дверь.

– Входите смелей, здесь нет хищных крокодилов!

Анвар шагнул. В незнакомой квартире было уютно. Татьяна усадила Анвара в кресло и отправилась на кухню. Вскоре она выкатила оттуда сервированный столик и, установила его перед диваном.

Он налил ей шампанского, а себе «СТОЛИЧНОЙ».

– За сокровища? – Таня подняла бокал.

– За тебя, Танечка!

– Кто же вы, странник?

– Ты задаешь мне трудный вопрос, – Анвар задумчиво поглядел на нее. Врать он не любил, а сказать правду – бросится бежать сломя голову. И хотя он предвидел эти вопросы, оказалось, что не подготовлен к ним.

– А-а-а! Принимай таким, какой есть! Или гони к чертовой бабушке!

Анвар положил на стол развернутый лист бумаги.

– Я не искатель сокровищ! А то, что собирал ягоды с мишкой – чистая правда. Это было на севере. Я тогда бежал из лагеря строгого режима. А этот документ, называется справкой об освобождении. Вот печать!

Анвар поднялся и зашагал по комнате. Таня не прикоснулась к лежащей перед бумажке. Все, о чем со злостью произнес этот человек, поразило ее. Она не понимала себя! Да! Он ей понравился. Манера говорить, ирония, смелость, покорили Таню, и когда она шла к выходу из ресторана, поймала себя на мысли, что хочет его увидеть. Увидев – обрадовалась. Разве могла она предположить, что этот корректный мужчина, вышел из тюрьмы.

В свои двадцать пять, она практически не имела жизненного опыта, если не считать неудачное замужество. Не умея пользоваться разумом, она полагалась на сердце. И хотя ей стало не по себе, весело ответила:

– Жаль, конечно, сокровища, но собирать ягоды с хозяином тайги – еще романтичней!

Она встала из-за стола.

– Давайте потанцуем! – Таня потянулась к нему.

– Ты думаешь, я смогу? – смутился Анвар. Привлекая ее за

тонкую талию, он почувствовал тепло девичьего тела. Таня пыталась заглянуть ему в лицо, но Анвар хмурился. Она вскружила ему голову. Он долгие годы не имел общения с женщинами. Его душевное состояние было критическим, и то, что он встретил ее, послужило громоотводом. Заряд скопившегося в душе отчаяния уходил в землю.

Анвар усадил ее на прежнее место, налил шампанского, наполнил себе рюмку до краев.

– Я сегодня был в Баянтау, на могилах родителей. Мне хочется напиться!

Анвар поднял рюмку и опрокинул в себя. Таня глядела на него, пытаясь понять, что происходит с этим человеком, недавно беззаботно шутившим с ней.

Анвар, увидев гитару, потянулся к ней.

– Вот она! Подружка! Встретилась! – приговаривал он, глядя деку рукой.

– Споете! – попросила Татьяна.

– Я пою только те песни, которые близки мне!

Алкоголь забирал его, кружа голову. Ему было хорошо от присутствия этой девушки, поддающейся его влиянию. Он пробежал по струнам и заиграл. Пальцы легко взяли аккорды, и гитара зазвенела в руках. Анвар запел высоким сочным голосом. Эту песню любили слушать зеки.

*Переломанный буреломами
Край бурановый – под охраною.
Костерок в степи, не сберечь его.
В яме – волчий вой, кто упал – лежит,
Песню снег сложил...*

Анвар прервался, глядя на притихшую Таню. Затем вновь ударил по струнам.

*Машка, Машка!
Машка-промокашка,
Что ж ты перестала мне писать?*

Он отбросил гитару и, рывком притянув Таню, стал целовать горячо, жадно. Она не сопротивлась. Отдалась его власти. Он под-

нял ее на руки и, словно волк, с краденой добычей, метнулся в дверь спальни. Анвар открыл глаза и, повернув тяжелую голову, посмотрел на часы. Был полдень. Тани не было. Тупо соображая, он вскинул тело и сел на кровати. Голова трещала. Волоча ноги по полу, он добрался до ванны и залез под холодную воду. В лагере он не пил, только на Новый год заказывал вольным спирт, который они за хорошую мзду пронесли. Выпивал полкружки в кругу братвы и ложился спать.

С мокрой головой Анвар вышел в комнату и сел на тахту.

– Вероятно, на работе, – подумал он про Таню.

Закурив сигарету, принялся одеваться, когда услышал хлопок входной двери.

– А вот и я! Отпросилась! – звонкий голос Тани запнулся.

– Ты куда? – спросила она тревожно.

– За водкой. – упав в кресло, Анвар попросил ее. – Прогони меня Таня.

Девушка взирала на него широко распахнутыми глазами, затем тихо промолвила:

– Я сейчас принесу!

– Возьми деньги! – Анвар вынул купюры.

– Не надо, у меня есть.

– Брось, Таня, возьми!

Вернулась Таня быстро. Поставив перед ним бутылку «Столичной», села напротив, выжидающе глядя на него. От вчерашнего задора в ней не осталось и следа. Анвар откупорил бутылку и плеснул в граненый стакан.

– Ну, что ты смотришь, красивая? Пальчики дрожат! Боишься?

Это была тональность зэков. Анвар презирал такую манеру говорить, а сейчас, заговорил сам. Таня обняла его за голову и, заглядывая в глаза, попросила:

– Не надо так. Не пей больше, ну, пожалуйста!

По щекам ее, оставляя светлые дорожки, покатались слезы.

– Ты ведь подумала – мужик в командировке, почему бы не подурить ему голову! – он безжалостно стегал ее словами. – А тут, зек со справкой!

Анвар расхохотался. Она сидела притихшая.

– Прости, Таня!

Взяв со стула костюм и, перебросив его через руку, он шагнул в переднюю.

Таня подошла к нему.

– Не уходи!

В ее голосе слышалась мольба. И Анвар остался. Он пил водку, отказываясь закусывать и без конца курил.

– Тетя Груня вспоминает! – думал он, играя на гитаре.

Инструмент сатанел в его руках. Он был пьян. Но не мог остановить себя.

– Поедем, к морю! – просил он ее. – На неделю. Я тебя прошу! Деньги у нас есть, – он вытащил пачку денег. Заметив в ее глазах тревогу, успокоил.

– Не ворованные! Это зарплата за двадцать лет. Хочу к морю, с тобой!

*Ялта, где растет золотой виноград!
Ялта, где цикады ночами звенят.
Ялта, где мы счастливы будем с тобой,
Там, где море шумит и, целуя гранит,
Звенит морской прибой.*

Было поздно, когда Анвар сжимая в руках гриф, уснул на тахте. Таня подложила ему под голову подушку. Осторожно, чтобы не разбудить, разжав кисти, она освободила гитару. Под утро, Анвар проснулся. Свежий ветерок заполнял комнату через открытую балконную дверь. Таня во сне была похожа на беззащитного ребенка. Она лежала нагой, зажав коленями сбившуюся простыню. Линии тела были волнующими: точеные плечи, плавный живот, высокие бедра.

Анвар не мог отвести взгляда.

– Красота! – прошептал он высохшими губами.

Таня, почувствовав его присутствие, открыла глаза и протянула к нему руки.

Он взял ее трепетную, сонную и долго ласкал ее. В тех ласках была не расплёсканная страсть, накопившаяся за долгие годы. Точно прорвав дамбу, она низвергнулась на молодую женщину.

Таня провожала его спокойно и не просила никаких обещаний. Лишь когда Анвар поцеловал ей руку, промолвила, снова перейдя на вы.

– Если когда-нибудь вам понадобится моя помощь ...

Он с благодарностью взглянул ей в глаза, и вышел.

Ночь в дороге пролетела незаметно. Пассажиры безмятежно спали. Погруженный в раздумья, Анвар сидел у окна. «Сонное царство»! – усмехнулся он, – Готовые жертвы для поездных воров». Уснул он под утро. Караганда встретила ливнем. Словно в небе прорвало небесное озеро. Свирепые струи хлестали по земле. Лужи на перроне кипели, пузырясь. Пока удалось поймать такси, Анвар изрядно вымок. Дорога к дому заняла более получаса. Тетя Груня оказалась дома. Заметив, что он мокрый, велела переодеться.

– Я переживала! Но сердце подсказывало, что все хорошо.

Тетя Груня грузно опустилась в кресло напротив.

– Как ты съездил?

– Нормально. А как ты?

– Я? Я ходила на уколы. Господи! Худющий, одни глаза!

Анвар засмеялся.

– Были бы кости!

Так прошла неделя! Анвар получил новенький паспорт. Нужно было искать работу. «С утра пойду». – решил он. Он собирался побриться, когда раздался звонок. Анвар поспешил к двери. В проеме стоял мент.

– Алимов?

– Чем обязан? – уколол Анвар.

Мент приподнял фуражку.

– Я участковый инспектор, капитан Верехов, – он показал удостоверение.

– Есть вопросы?

– Хотел узнать, как обстоят дела с трудоустройством?

– Есть предложение?

– Обращайтесь. Опорный пункт в соседнем доме.

– Я обойдусь! До свидания! – процедил Анвар, закрывая дверь за участковым.

Капитан зло усмехнулся, прежде чем начать спускаться по лестнице. Анвар вышел на балкон и закурил.

На автобусной стоянке было несколько человек. Метрах в пяти, спиной к Анвару стояла высокая женщина. Густые волосы тербил ветер. Женщина время от времени поправляла их. Что-то знакомое, едва уловимое было в ее движениях.

«Да, обернись же! Ты ведь чувствуешь мой взгляд. Обернись!»
Женщина, точно загипнотизированная обернулась и, взглянула на Анвара.

Это была Алтынай! Он первый опомнился, шагнул к ней.

– Неужели это ты? – голос Алтынай дрогнул.

– Что, очень? – спросил он.

– Седой!

– А ты стала еще красивей.

– Что ты говоришь. – запротестовала она – Давно?

– Дней пятнадцать.

– У тети Груни?

– У нее.

– Она ждала тебя.

– Я знаю.

– Я все еще не верю! Надо отметить нашу встречу.

– Я тоже рад.

– Поедем в ресторан?

– Конечно.

– Я должна переодеться.

Автобус уже ушел. Они сели в такси. Алтынай объяснила водителю адрес, а он не сводил с нее глаз. Лицо ее было свежим и только глубоко в глазах, плескалась усталость. Анвар, вспомнил ее, пришедшую на суд после первого побега. Как она смотрела! Разве мог он забыть тот взгляд? Любовь, сострадание, отчаянье и безысходность раздирали ее. Сколько вод утекло с тех пор!

– Что с тобой, Анвар? – спросила она.

– Я задумался.

Им никак не удавалось отыскать нужную нотку, чтобы развить беседу.

– Я спрашивал о тебе.

– Так неожиданно встретились! – призналась она. – Хотя я знала, что твой срок подходит к концу.

– Двадцать лет! – произнес Анвар.

– Пожалуйста, к первому подъезду.

Машина остановилась.

– Ты поднимешься? – спросила она.

– Мы с водителем побеседуем.

Он улыбнулся ей.

- Я быстро! – Алтынай торопливо направилась к дому.
- Вы, наверное, оттуда? – любопытство раздирало водителя.
- Откуда? – спросил Анвар.

Шофер смутился.

- Ну, в смысле оттуда...

– Выражайся ясней, браток, я ведь могу неправильно понять тебя.

– Извините...– таксист пожалел что спросил,– но мне так показалось...

Он принялся жаловаться на план, который требуют выполнять, но запчастей при этом не выдают.

– Тяжелая у тебя судьба,– выразил сочувствие Анвар.– А нести ее надо!

– Куда деваться!– вздохнув, согласился водитель,– Детей развел, кто кормить будет?

Алтынай вышла в белоснежном костюме.

– Едем?

– Поехали – улыбнулся Анвар.

– Куда теперь? – спросил водитель.

– В Урарту.

В ресторане было многолюдно. Администратор зала подвел их к столику в среднем ряду. Но Алтынай не понравилось. Она что-то шепнула ему на ухо.

– Хорошо, хорошо! – закивал тот головой.

Он устроил их в вип-кабинете. Официант засуетился, сервируя стол. Из колонок доносилась тихая музыка. Анвар внимательно слушал Алтынай.

– Если бы ты знал, как я жалела, что оставила тебя одного, когда ты пришел из армии. Я ведь два года тебя ждала. А ты этого не заметил. Я безумно тебя любила!

Слова Алтынай взволновали Анвара. Они отогревали его замороженное сердце. Он взял ее пальцы в руку. Много хотелось сказать. Но что именно? Как в пропитанные лагерной тоской вечера, он перебирал свою жизнь? Как в памяти всплывала нескладная девчонка с огромными, точно у верблюжонка, глазами? Он был виноват перед ней. Алтынай была для него родной. Кроме тети Груни и нее, у него никого не осталось. Ему захотелось сказать об этом, но он не смог. Слова, будто сухие комья, застряли в горле.

– Милая Алтынай! – прошептал он.

Алтынай женским чутьем уловила состояние Анвара.

– Давай немного вина! – предложила она.

Несколько пар кружились в танце. Настроение поднималось. Анвар был счастлив. В душе он жаждал этой встречи, но боялся ее. И вот теперь она сидела рядом. Он снова улыбнулся.

– Анвар, поедем ко мне! Я тебя больше не отпущу! – Алтынай прижалась к нему. Он погладил ее по щеке.

– Не станешь, потом жалеть?

– Любимый! – ее веки задергались, собираясь обронить слезы.

– Ну что ты! Не надо! Едем!

Алтынай жила в большой квартире.

– Проходи. Это наши с Зауром хоромы!

Анвар бросил на нее вопросительный взгляд.

– Заур - это мой сын. Он сейчас у мамы. Ты ее помнишь?

– Если честно, с трудом. Как ее самочувствие?

– Как может себя чувствовать женщина в 65 лет? Заур ей забава, она балует его. Тебе нравится у меня?

– Очень!

– Сейчас я включу телевизор, а потом приготовлю чай.

Анвар распахнул балкон. Свежий воздух вскружил голову. Внизу освещая зеленые газоны, светили фонари.

– Воля! – прошептал Анвар.

Он все еще не мог поверить, что все позади: тайга, с ее запахами и гнусом; прокуренный махрой барак; ржавая колючая проволока.

– Анвар! – оторвала его от мыслей Алтынай, – чай подан!

Они пили чай, Алтынай не умолкая говорила.

– Тебе интересно, ты не устал? – вдруг запнувшись, спросила она.

– Продолжай Алтынай.

– Когда тебя посадили, я чуть с ума не сошла. Я металась, обивала порог следователя, а он гнал меня из кабинета. А когда тебе дали срок, я немного успокоилась. Адвокат сказал: – отсидит лет пять, а потом могут на поселение отправить. Там разрешат встречаться. Я подумала, пять лет – это недолго и решила поступать. Поступила! От тебя ни одного письма... я ходила к твоей маме, и мы вместе читали строки, что ты писал ей. Потом я уехала на учебу.

Так пролетел год. Когда я приехала на каникулы, мама твоя уже была плохой. Когда ее похоронили, оборвалась последняя нить, связывавшая нас. А через год твой побег... Я хочу закурить, Анвар, но ты не осуждай меня. Я курю. Дома не держу, чтобы не привыкать.

Она нервно прикурила от зажигалки, поднесенной Анваром.

– После твоего побега, я поняла, что это конец. Мое состояние было ужасным. Я почернела, кожа да кости, не могла ни спать, ни есть. Но жизнь взяла свое. У меня появился Тулеген, отец Заура. Он был в нашей экспедиции, куда я поехала после 4-го курса. Интересный, красиво ухаживал и я понемногу ожила. После экспедиции мы поженились. Я закончила институт и поступила в аспирантуру. Дети мы не спешили обзаводиться. Хотелось чего-то достичь в науке. Удачно защитилась. Молодой кандидат наук, голова кругом! Потом решили, что надо детей и через год появился Заур. Он постоянно в экспедиции. Приедет, побудет и снова в командировку. Зауру исполнился годик, начал ходить, отца узнавать. Тулеген взял отпуск, чтобы побыть с нами. Он безумно любил нас и разрывался между домом и экспедициями. В тот день, мы собрались поехать в гости к его товарищу. В последнюю минуту поссорились, он прыгнул в машину и уехал. А через час меня повезли в морг, на опознание. Авария! Я потеряла сознание. От стресса парализовало левую сторону. Его похоронили без меня. Думала больше не встану, да и жить не хотелось. Делала первые шаги, заново училась ходить. Выписали меня с палочкой. Стала тренироваться, пошла! Теперь вот бегаю как степная сайга, – с деланной улыбкой закончила она.

– Чай остыл, я сейчас подогрею!

– Нет, не уходи, пожалуйста! – взмолился Анвар.

Они молчали.

– Сколько ему? – спросил он.

– Скоро десять будет.

– Ого! Взрослый мужик! Почему он не дома?

– Что ты, разве мама отдаст! Ты, говорит, сама непутевая и сына испортишь. Ругается, – казахская женщина, разбегается с мужчинами, раскапывает древние могилы. Достается мне от нее.

– Может быть, она права, Алтынай? Найди другую работу. В городе.

– Я уже думаю об этом, – согласилась Алтынай, – мне предлагают место в университете. Но я хочу завершить проект Тулегена, он был одержим им. Он ведь не думал, так нелепо умереть!

Алтынай заплакала. Анвар хотел успокоить ее, но не знал, что нужно сказать. В неволе, люди зачастую были несчастны. Но оказалось, что и на свободе жизнь переламывает человека, словно тростинку. Алтынай вытерла слезы и извинилась перед ним.

– Извини, Анвар! В такой день, я расстроила тебя. Мне так надежно рядом с тобой. словно и не было прошедших лет и мы, как прежде, молодые.

Она положила голову ему на колени. Анвар осторожно поцеловал ее. Она ответила его призыву. Переполненный впечатлениями дня, взволнованный, он стал жадно ласкать. Алтынай вывободилась и повела его в спальню, но, поймав взгляд Анвара, устремленный на портрет Тулегена, вернулась в зал. Разложила диван, быстрыми уверенными движениями застелила его, взбила подушки.

– Ложись, милый! Я сейчас!

Она пришла к нему, жаждущая, немного ополоумевшая. словно сумасшедшие, они ласкали друг – друга, горя во всепожирающем пламени нежности. Две пострадавшие души соединились под покровом душевной летней ночи.

Забавный плюшевый мишка! Светлана подарила его в день отъезда. Как сейчас, Анвар помнил тот эпизод, незначительный тогда, но с годами явственно вырисовывавшийся в памяти.

Мама передала его в день суда. Он пережил множество шмонов, когда у заключенных отнималось все, что не положено было иметь.

В Красноярской пересылке, куда его привезли этапом, на очередном шмоне, плюшевый мишка попался на глаза досмотрщику. Это был добродушный служака, проковырявшийся за свою службу в десятках тысяч каторжанских мешков. Он взял его в руки, переводя взгляд с мишки на Анвара и обратно. Погладил и вернул арестанту.

Сколько раз, когда сердце его тосковало, Анвар доставал мишку, и часами сидел, уносясь мыслями в бакинскую осень, в расчудесную страну – свободу. Руки его машинально ласкали игрушку. Когда ему присудили строгий режим – то стали перебрасывать из

одной зоны в другую. Лагерная администрация, как только просматривала его личное дело, отказывалась принять его. Красная полоса беглеца, была весомым аргументом, чтобы не связываться с ним.

Так его возили месяцами. В Усольлаге, он попал, в этап отрицал. Вместе с ними исколесил Сибирь-матушку. Неделями питались сухарями. Иногда везло, их принимали и закрывали в лагерный изолятор; в ШИЗО всегда мрак, холод, но зато не было опротивевшего стука колес. Через пару дней несчастных снова грузили и везли от тюрьмы к тюрьме. Печорлаг, Севураллаг, зоны Мордовии – география лагерей их не приютивших. «Едем дальше!» – не унывали отрицалы.

Знаменитая тюрьма в Тулуне встретила их сурово. За попытку сварить чай, изнуренных до крайности арестантов, загнали в отстойник. Травили овчарками, били дубинками. В бетонном склепе метр на полтора, их пятерых продержали шесть часов. В коридоре лежала груда разбросанных, подвергшихся шмону пожитков, и среди них Анвар разглядел истерзанного забавного плюшевого мишку с оторванной головой. Анвар рванулся к нему, но два дюжих офицера набросились на него. Они вырвали из его рук игрушку и разорвали ее на части. Остатки разбросали сапогами. Диким воем, пришедшим изнутри, взвыл Анвар. В ту секунду в нем умерло все, что еще оставалось от человека. Свалив с ног обоих офицеров, он бил их, точно машина! Рвал зубами, извивающихся и вопящих подонков. От ударов дубинками по голове, он потерял сознание. Очнулся от жуткой боли, пронзавшей тело. Ему сделали «ласточку», выгнув тело колесом. Бетонный пол карцера был залит водой и густо засыпан хлоркой. Из глаз текли слезы, он задыхался. Менты стояли за дверью, в предвкушении, что он станет умолять о пощаде. Тело жгло так, будто его насадили на вертел и жарили над огнем.

– Садисты! – Анвар лежал униженный.

Сколько это продолжалось, он не помнил, впадая в беспмятство. Когда очнулся в очередной раз, почувствовал, что наручников на руках нет. Правая рука до плеча и левая нога были черными. Он осознал, что ему пришел конец. Нападение на администрацию! Это расстрел! В душе была пустота и безразличие. В дверном проеме, открывшейся с лязгом двери, стояли три мента.

Идти Анвар не мог. Его поволокли длинными тюремными коридорами. И притащили в кабинет начальника тюрьмы. Он был готов ко всему, но только не к этому. На столе рядом с бутербродом, дымилась чашка горячего кофе.

– Поешь, Алимов. Сейчас ты поедешь во Владимирскую колонию. Будешь отбывать там. Путешествия твои закончились. Это все, что я смог сделать. – худое лицо подполковника напряглось. Глаза в глаза взглянули друг-другу мучитель и страдалец. Анвар пошел из кабинета, не прикоснувшись к еде.

Вез его спецконвой. В пути солдаты рассказали, что, когда его окровавленного, утанули в карцер, знаменитая тюрьма Тулуна забушевала.

Точно вышедшая из берегов река, в весенний паводок! Две тысячи обезумевших заключенных, до которых по тюремному телеграфу дошла весть о случившемся с этапниками, взбунтовались. Забаррикадировав двери, они стали жечь матрасы и выталкивать их сквозь решетку. Двор тюрьмы превратился в дымящийся костер. Малолетки и женщины забили дыры унитазов тряпками. Открыв воду, устроили потоп. Вода хлынула, на тюремный проход. Оперчасть потребовала от хозяина, чтобы он ввел в тюрьму солдат. Но худой подполковник оказался дальновидней. Он приказал вернуть Батюю останки игрушки. Приехавших вместе с ним этапников, попросил успокоить тюрьму. В противном случае грозился ввести спецроту.

– На Батюя не возбудят дело. Вас увезут в лагерь.– он дал слово офицера.

Солдаты накормили Анвара консервами, дали напиться и угостили сигаретой. Он не ощущал вкуса еды, губы были разбиты и каждое движение, причиняло страдания. По прибытии в лагерь, его выпустили в зону. Опера не стали гнать авторитетного заключенного через запретку или томить в трюме. В зоне, бедолагу встретила наслышанная о нем лагерная братва. Устроившись в дальнем углу барака, Анвар велел завхозу принести иголку. На протяжении двух часов, он кропотливо сшивал забавного плюшевого мишку белыми нитками.

Анвар объездил несколько шахт, но безрезультатно. Толкаясь в приемных директоров, он стал ловить себя на мысли, что с трепетом переступает пороги. Едва только чиновники заглядывали в

паспорт, становилось ясно, что его не примут. Трудовой книжки у Анвара не было. После маминой смерти все растерялось. От мамы сохранилась только цветастая шаль, которую он купил ей на день рождения. Эту шаль сберегла для него тетя Груня.

– Сколько лет ты сидел?

– Двадцать.

– У нас нет приема.

Из очередного кабинета, Анвар вышел, ссутулившись, точно тяжелый груз давил ему плечи.

– Все, хватит! – решил он.

Дома его встретила тетя Груня.

– Ну как дела, рассказывай!

– Все хорошо! – улыбка Анвара получилась вымученной.

Тетя Груня все поняла.

– Не огорчайся Анвар. Москва не сразу строилась. Наберись терпения. Может быть на стройку? Там людей не хватает.

– Конечно, тетя Груня! На портфель я не претендую, а лопату доверят.

Анвар прошел в комнату и ничком упал на кровать. Тетя Груня тихонько вздохнула.

На следующий день, Анвар сходил еще в несколько организаций. Но ему не везло. Всюду отрицательно кивали головой.

– Нет, пока не нужно.

– Может быть через полгода.

– Ничем не можем помочь.

Дни проходили безрезультатно.

– Иди в ЖКХ. Зарплата не очень, но зато левые есть, – посоветовал ему мужичонка, тоже шарахавшийся в поисках хомута.

– А кем? – осторожно спросил Анвар.

– Во, дает! – рассмеялся мужичонка. – Сантехником! Каждый день левак будет, сообщай!

– Спасибо за подсказку. – Анвар поднялся с лавочки.

«Зацепиться бы. А там видно будет». Расспросив у прохожих, где находится ЖКХ, он добрался туда. На втором этаже Анвар обнаружил приемную. Посетителей не было, молоденькая секретарша что-то выстукивала на машинке.

– Скажите, пожалуйста, начальник у себя?

Не отрываясь от клавиш, девушка утвердительно кивнула головой.

Анвар осторожно шагнул в дверь. Начальник говорил по телефону. Речь шла о приближающейся охоте. Анвар поздоровался. Начальник вычерчивал на листе бессмысленные треугольники. Анвар всмотрелся в висящую на стене репродукцию Айвазовского. Он любил его картины.

– Что у вас? – спросил начальник.

– Хочу к вам на работу?

– Кем?

– Сантехником.

– Давайте документы.

Анвар протянул паспорт. Начальник полистал его и отложил на край стола.

– Ясенько! – протянул он, – Где трудовая?

– У меня нет... – зашепшил Анвар. – Я месяц назад освободился...

– Ты что, до срока не работал?

– Работал. Но это было двадцать лет назад.

– Трудовая должна быть.

Начальник тыкал ему, но Анвар не обращал внимания.

– Понимаете, когда меня посадили, мама забрала трудовую с шахты, а потом она умерла. И ничего не сохранилось.

Начальник продолжил чертить треугольники.

– Штат полный. Нет у нас работы.

Анвар сунул паспорт в карман и глухо произнес:

– Я не милостыню прошу, а работу! – голос его закипал от негодования.

Начальник с удивлением поднял голову.

– Тебе сказано, нет работы! Не перевоспитали еще, мало держали?

– Ах, ты жаба конторская! – Анвар преобразился в Батюгу, гнева которого опасались рецидивисты.

Анвар взял начальника за густую шевелюру и выдернул из кресла.

Пальцами правой руки, он что было силы, сдавил нос наглеца. Хриплый стон вырвался из груди директора. Анвар отбросил его в кресло и, достав из кармана платок, обтер им руки.

– Вякнешь, убью! – твердо сказал он.

Разворошенная прическа чиновника, напоминала гребень из-

битого в схватке петуха. Анвар переломил карандаш директора надвое и вышел.

На улице он с трудом успокоился. Гнев клокотал в груди, рвал легкие, воздуха не хватало.

– Ах, вы мрази! Выходит, я еще не отстрадал свое? Даже самую черную работу нельзя мне доверить? Ну, погодите гады, я вам устрою!

Тети Груни дома не было. Анвар сбросил туфли и прошел в комнату.

Он с ненавистью отшвырнул в сторону галстук, словно это была змея.

Раздался звонок.

– Кого еще черт принес? – подумал он.

В дверях стоял капитан Верехов.

– Я к тебе.

– Мы вместе пайку не ели. Я такой же гражданин, как и ты, вот паспорт!

Анвар выхватил из кармана документ и ткнул его под нос опешившему участковому.

– Читай. Выдано гражданину Алимову. Гражданину!

– Ты что на меня набросился? Я ведь по-человечески к тебе . Эх! – Верехов покачал головой.

– Пройти-то разрешишь?

– Проходи...

– Ну, во-первых, здравствуй!

Верехов уселся в кресло. Достав из кармана платок, он тщательно вытер лоб и ободок фуражки.

– Я Груню знаю давно и со Степаном был знаком. И о тебе, все в доскональности знаю.

Анвар молчал.

– Настрадался ты. Не каждому удастся такое вынести. Ты хоть и ершистый, а вера в людей в тебе не утеряна! Я жизнь прожил. Всяких посмотрелся... Тут вот какое дело, Анвар.

Участковый протянул ему две фотографии.

– Узнаешь?

С фотографий на Анвара смотрели Назыр и Скула.

– Узнаешь?

– Допустим! – произнес он.

– Они убили конвойного и бежали. Двигутся в нашу сторону. Возможно, придут к тебе. Им нужно упасть на дно. ГОВД обращается к тебе, Анвар. Они – бандиты, тебе с ними не по пути!

– Хотите, чтобы я их сдал? – с иронией спросил Анвар. – А вы знаете, что бывает с такими на пересылках? Их ждет нож.

Верехов надел фуражку и одернул китель.

– Это дело твоей совести! – произнес он, направляясь к двери.

Анвар выругался сквозь зубы.

– Кто мне помог с работой? Я ломаю шапку перед зажавшимися негодяями! – бешено закричал он. – А теперь стал нужен! Сдай Анвар, корешков лагерных, с которыми глотал чифир. Вот вам! – он яростно выбросил фигу.

– Ищите! Пинкертоны! Вы звездочки получаете! Я вам не Иуда? – кричал он зло. Лицо его было перекошено. Он сел на диван и улетел мыслями в зону, где проскрипели его золотые годочки.

Шум в дверях вывел его забытья. Анвар бросился в прихожую. Это была тетя Груня. Нагруженная авоськами, старушка с трудом поднялась на этаж. Она тяжело дышала, грудь ее хрипела.

– Совсем руки оборвали, проклятые.

– Тетя Груня, ты зачем так нагрузилась? – укоризненно покачал головой Анвар. – Я бы сходил, принес.

– Ничего, сейчас пройдет.

Анвар занес авоськи на кухню и, вынув содержимое, разложил в холодильнике. Он поставил на огонь кастрюльку с борщом, быстро нарезал хлеб.

– Сейчас я, Анвар, вот только переведу дыхание.

– Сиди, тетя Груня, отдыхай.

Анвар поставил ей под ноги мягкий пуф.

– Вытяни ноги, пусть отдыхают. Я буду тебя кормить.

Она улыбнулась, а он, обрадованный, скрылся на кухне. Анвар приготовил яичницу и, подложив деревянную подставку, установил сковороду на стол. Яичница скворчала, возбуждая аппетит. Разлил по тарелкам борщ, заварил свежий чай.

– Прошу к столу! – Анвар низко поклонился ей в ноги.

– Как был мальчишка, так и остался! – воскликнула тетя Груня.

Мудрая, она все понимала, не спрашивала ни о чем.

«Пусть борется за себя! Победит, – человеком будет!» – решила она.

– Тетя Груня, я встретил Алтынай!

Он смутился, тетя Груня тоже растерялась.

– Ну что ж! Береги ее, она славная. Девчонкой ты ее обижал, маму твою это ужасно огорчало. Как она?

– Алтынай хочет увидеть тебя.

Дождавшись, когда она поест, Анвар уложил ее на диван и включил телевизор.

– Отдыхай, я уберу со стола.

Он набросил на себя передник и принялся мыть посуду. Когда Анвар вышел из кухни, тетя Груня спала. Байковым пледом он осторожно укрыл ее ноги.

Анвар ждал Алтынай около памятника. Увидев его, она радостно поспешила к нему.

– Это тебе! – Анвар протянул букет из роз.

– Спасибо! Давно мне не дарили цветов. А почему ты мрачный?

– Да так, пустяки, – отмахнулся Анвар.

Алтынай внимательно посмотрела на него.

– Куда мы идем?

– Походим, развеемся. – предложил Анвар.

– Я сто лет не гуляла. Всегда куда-то бегу, тороплюсь.

Она взяла его под руку и прижалась.

– Как Заур?

– Он у мамы. Он мне на ушко сказал: Дядя Анвар такой хороший!

Анвар рассмеялся. Они гуляли по парку. Алтынай рассказывала о своих планах.

– Никак не привыкну к свободе, – посетовал Анвар. – Столько лет ждал ее, она мне грезилась ночами. Наверное, я перегорел!

– Что ты говоришь, Анвар? Разве так можно! – испуганно возразила Алтынай.

– Ты меня не поймешь. Ровно полжизни провел там. А тут свобода! Я будто на другой планете. Там все было ясно – зона, менты, братва ... А как жить здесь – не знаю!

– А что у тебя с работой?

– Шарахаются, словно от чумного. У нас штат полный... – передразнил Анвар. – Пошел сантехником устраиваться... в галстук... представляешь? И туда не взяли! Но, хоть начальника за нос подержал, – Анвар рассмеялся.

В глазах Алтынай промелькнула тревога.

– О чем ты говоришь?

– Да, так! – отмахнулся Анвар.

– Нет, ты расскажи, – настояла она.

– Я этой сволочи объяснил, что нет у меня трудовой, что после мамы ничего не осталось. А он треугольники чертит, вроде я не ему рассказываю. А потом, – нет у нас работы! Взял его за нос, вынул из кресла и сказал, что он гад конченный.

Алтынай глядела на него с ужасом.

– Что ты наделал, Анвар! Так же нельзя!

– А как нужно? – выкрикнул он. – Как?

– Тише, прошу тебя.

Она устало опустила на лавочку. Анвар сел рядом и закурил.

– Не судьба нам Алтынай. Я зэк. Ты понимаешь? Это как инопланетянин. Общество не принимает меня!

– Ты не можешь судить об обществе, по отдельным людям! – возмущенно воскликнула она.

Анвар молчал. Сильный, как кремь в зоне, на воле он оказался беспомощным.

– Сидел в нашей зоне один старик. Здоровье у него было слабое. Он едва передвигался, опираясь на палочку. Но мудрый был очень. Как-то старик пришел ко мне. Я чай заварил. Он говорит: срок у тебя большой, выслушай, что я скажу. Каждый человек в жизни, несет свою судьбу. Мы, говорит, преступники, наша судьба особенно тяжела. Но нести ее надо! С достоинством, не показывая боли. Я нес свою судьбу Алтынай! От звонка до звонка отбыл срок. Неужели это не все?

– Что стало с ним?

– Он умер. В зоне.

Они возвращались обратно. Анвар провожал Алтынай домой. Шли молча. Затянувшееся молчание было тягостно обоим. Около подъезда остановились.

– Зайдешь?

– Нет, поброжу.

– Забыла тебе сказать. Я завтра уезжаю.

– Надолго?

– Не знаю! Как сложится. Месяц или два.

– Что ж, счастливых раскопок! – Анвар пожал ей руку и зашагал прочь.

– Анвар!

Алтынай бежала за ним.

– Анвар! Я боюсь тебя оставить. Что мне делать? У меня нехорошее предчувствие! – она зарыдала.

– Ну! Выбрось из головы. Иди! Тебе надо выспаться перед дорогой.

Анвар слегка подтолкнул ее к дому.

– Вот ключ. Я тебя очень прошу. Поживи у меня, так мне будет спокойней. Это последняя экспедиция, Анвар. Дам тебе слово! Пожалуйста, возьми!

Она насильно вложила ключ ему в ладонь и прильнула к его губам.

Глаза Алтынай были полны слез.

– Что ты расстроилась? Обещаю, все будет хорошо. Я поживу у тебя. Среди твоих вещей буду чувствовать, что ты рядом. Иди! И не оглядывайся.

Прошло три дня. Анвар твердо решил возвратиться на Север. «Там не глядят, сидел, не сидел!» – он улыбнулся. От принятого решения ему стало весело, и он стал насвистывать. Темнело. Анвар подходил к дому, когда его окликнули из кустов.

– Срок насвистываешь, Батый?

Анвар застыл.

«Нашли!» – понял он.

Он повернулся и шагнул в кусты. Ощерив в улыбке рот, перед ним стоял Назыр. Чуть поодаль из подлесья косился Скула.

– Братва! – Анвар протянул руку.

– Батый! Вот и свиделись! – Назыр обнял его.

Скула тоже обнял Анвара.

– Удавку нацепил, по масти прешь? – усмехнулся Назыр.

– Какая тут масть!

Назыр со Скулой присели на корточки.

– Нас как приземлившихся космонавтов, ищут все сыскари. Загаси Батый! Есть у тебя местечко?

Назыр глядел в упор.

– Надолго?

– Время подскажет.

– Ждите здесь. Я скоро.

Анвар поднялся в квартиру. Тетя Груня сидела в кресле и вязала. Анвар подошел к ней и обнял ее.

– Как ты тут?

– Вяжу тебе носки на зиму,– проговорила она, вскидывая очки на лоб.

– Теть Груня, зачем? Купили бы в магазине. У тебя зрение плохое.

– Разве такие купишь? – проворчала она – Помнишь, я тебе высылала две пары? Сама шерсть выбирала на базаре.

– Помню. Мне было тепло в них.– Анвар поцеловал ее в щеку.

– Теть Груня, ты ложись, не жди меня сегодня, ладно?

Она взглянула на него из-под очков и отложила в сторону вязанье.

– Не натвори чего-нибудь! Ох, опять я не усну до утра!

– Ну что ты, все нормально! Я утром приду.

Анвар помахал ей рукой и захлопнул дверь. Как он и предполагал, Назыр и Скула ждали его на противоположной стороне улицы.

«Поменяли место. Осторожничают! Боятся, что ссучился!»

– Хотите оскорбить меня?

– Не злись, Батый, береженного бог бережет!

– А не береженного... – конвой стережет! – хихикнул Скула.

– Пойдем дворами, так спокойней,– решил Анвар.

Они шли быстрым шагом, минуя освещенные места, и скоро пришли к дому Алтынай.

– Ничего хаза! Кто здесь живет?

– Не задавай лишних вопросов, Назыр – Анвара коробила бесцеремонность лагерника.

– Здесь живет близкий мне человек, сейчас его нет.

– Понятно!

– Располагайтесь, сейчас перекусим.– Анвар раскрыл холодильник и достал сыр, колбасу, масло, почистил лук. Поколебавшись, взял из бара бутылку водки.

Они сидели на кухне. Разлитая водка, щекотала ноздри. Анвар, видя нетерпение Скулы, поднял рюмку.

– За встречу! – предложил он.

– Давай, бродяга!

Назыр чокнулся с Анваром. Скула потянулся через стол.

Анвар наблюдал, как они набросились на еду. Потом они выпили за фарт и за лагерных корешей.

– Ты ушел, из Вятлага привезли Косматого. Встречали мы его. За тебя интересовался. Сказали, что откинулся Батый. Он говорит: фарта ему! Уважает он тебя.

– Ну, а вы как? – осторожно спросил Анвар.

– Мы то че! – Скула жестикулируя на блатной манер пальцами, взялся рассказывать.

– Ушли мы, Батый! – перебил Скулу Назыр – Но нечисто ушли! Конвойного пришлось вальнуть. Забрали калаш и игрушку. Скула говорит, рвем к Батыю, он укроет.

– Близок путь! – усмехнулся Анвар.

– Мы не зря перли через всю страну. Могли спалиться, как пить дать! Мы ж для дела ушли.

– Я вам как подельник нужен? – Анвар иронизировал.

– Думаешь, что при откидоне получил, на всю жизнь хватит? А может, рассчитываешь на орден Сутулого? Но можешь, нас сдать, премию дадут.

Анвар сжал кулаки.

«Спокойно, – приказал он себе. – Им терять нечего!»

– В зоне ты так не говорил со мной, Назыр. За базар ответить придется!

– Завязывай, Батый, я шучу! Мы тебя уважаем!

– Давайте выпьем! Батый, глянь, может, есть че? – заюлил Скула.

Анвар принес коньяк. Легли поздно. Захмелевшие, сытые белгцы повалились на ковер. Анвар предложил им диван, но они наотрез отказались.

– Не! Мы чисто по-арестантски, нам че! – укладывая под подушку автомат, забормотал пьяный Скула.

Всю ночь Алтынай не находила себе места. До утра она не сомкнула глаз. В душе что-то скребло. Она металась, подобно щенку потерявшему мать.

– С ним что-то случилось?

Она вскочила и, набросив на себя халат, помчалась к палатке начальника экспедиции. Алтынай разбудила его. Сонному, не пришедшему в себя, она сбивчиво принялась объяснять, что ей срочно нужно в город.

– Это невозможно! Мы находимся за сотни километров от Караганды.

– Нуртай Сабирович! – в голосе Алтынай звенело отчаяние – Вызовите вертолет! Пусть он добросит меня до станции.

– Ты сошла с ума, Алтынай! – начальник обхватил голову руками, взволнованно размышляя.

– Хорошо! Дай же мне одеться.

Алтынай, отвернувшись, ждала, пока начальник оденется. Не смотря на преклонный возраст, он быстро заходил по палатке. Наконец остановился.

– Ладно, я вызову. Ответственность беру на себя! Иди и готовься.

Алтынай соскочила и бросилась к своей палатке. Она, наскоро побросала в сумку вещи, и нервно покусывая губы застонала в отчаянье. Лагерь спал. Лишь повара, чертыхаясь, выбрались из палатки и потащились на кухню. Ждать пришлось весь остаток ночи. Казалось, прошла целая вечность! Вертолет прилетел к утру. О! Как она ждала его! Оглушая местность железным стрекотом, он сел на площадке за лагерьем. Алтынай и начальник экспедиции быстрым шагом направились к нему. Взбудораженные археологи высыпали из столовой. Весть о том, что у Алтынай что-то случилось, облетела всех. Люди столпились гурьбой и глядели на бегущую к вертолету коллегу.

– Так, что у тебя стряслось? – прокричал начальник.

Алтынай оглянулась.

– Нуртай Сабирович! Спасибо Вам! Вы милый! – она поцеловала старого ученого в щеку. Пилот помог ей взобраться. Дверь захлопнулась, стальная стрекоза, рассекая винтами воздух, оторвалась от земли.

Анвар проснулся за полдень. Голова была тяжелой после выпитого.

Скула спал, раскинувшись на полу. Рот его был широко открыт, руку он держал под подушкой.

– Сявка! – поморщился Анвар.– Пустит его Назыр под сплав. Назыр отморозок, святого в нем нет.

– Как ночевал, Батый?

Назыр поигрывал «макаровым» и ехидно улыбался.

– У меня хороший сон, Назыр.

Анвар сделал вид, что не замечает ствола. Назыр давил на психику. Анвар прошел в ванную. По давней привычке, включил хо-

лодную воду и облился по пояс. В голове прояснилось, вернулась способность к анализу. Вышел он бодрый, неспешно оделся и прошел на кухню.

– Че, чайку забаламутим? – Скула искал, как сварить чифир.

– Сделаем, – согласился Анвар.

Он наполнил водой эмалированную кастрюльку и поставил на огонь. Из настенного шкафа взял пачку чая и половину высыпал в кастрюлю. Когда чифир сварился, Анвар снял посудину с огня. Они устроились на толстом, монгольском ковре, установив кастрюльку посередине. Пиала с крутым, черным варевом заходила по кругу.

– Батый, хотим кассу взять. Куш на троих и брызгами в стороны!

Анвар не перебивал Назыра.

– У тебя есть план? – спросил он.

– Ночью Скула пригонит «мотор». Пойдем с утра. Подъедем вплотную. Я прикрою дверь. Скула врежет из автомата. Ты нырнешь к сейфу. Три минуты. И сразу уходим.

– Куда? – спросил Анвар.

– Здесь неделю отсидимся. Ну а там, петлями, по – заячьи!

– Это все? – голос Анвара посуровел.

– Ну!

Анвар поднялся.

– Вот что! Теперь послушайте меня. Разные у нас дороги! Поэтому, расход! Я не знаю вас – вы не знаете меня! Я доходчиво объяснил?

Назыр выхватил ствол и яростно зашипел.

– Ссучился! Завалю как собаку!

– Делай, Назыр! – спокойно произнес Анвар. – Ты ведь меня знаешь! – он стоял напротив, следя за его рукой.

Скула заерзал. Ему было не по себе. Он принялся уговаривать подельника.

– Братуха, он же псих! Мы на дело собрались, зачем нам его труп?

Взгляды Анвара и Назыра пересеклись, точно лучи прожекторов. Из глаз Анвара веяло холодом. Назыр почувствовал озноб на спине. Переступив с ноги на ногу, он процедил.

– Верно, звонишь, Скула! Кипиш нам, ни к чему. Живи Батый! Стукнешь ментам, из-под земли достанем!

– Не грози, а то я взорвусь. Я ухожу. Но к ночи, вас здесь нет!

Назыр выругался. Анвар хлопнул входной дверью. Остаток дня он бродил по городу. Голова была ясной, как никогда. Анвар осознал, что своим решением, он отрезал от себя, лагерный мир, где провел половину жизни. Когда вечер сгустился, и зажглись фонари, Анвар направился к дому Алтынай. Страх не было. Закон – ты умри сейчас, а я завтра, заработал!

Он поднялся на этаж и повернул ручку двери. Она распахнулась. Анвар шагнул. В квартире никого не было. Кастрюлька из-под чифира, валялась на ковре. Он устало опустил на пол. Опустошенный, уставившись в одну точку, он ничего перед собой не видел. До слуха донеслось жалобное пение. Но это была не песня, это был стон и он рвался из его груди.

– Ой, затуманилось, за перелесками!

Перед глазами всплыла зона! Вот она показалась из-за сопки, занесенная синими сугробами. Трубы барачков дымились, отправляя в небо белый дым. Анвар отчетливо разглядел себя, идущего в строю зеков. Рядом суровый Корней, с татуировкой на лбу – Не забуду мать родную! Сзади авторитет Тихомир и пришедший с особого режима рецидивист Каин, а рядом с ними Назыр.

«Разнесется по пересылкам весть – Батый ссучился! Обольют грязью, мухоморы! Не отмоешься! А ведь я сяду! Чувствую, что сяду!»

Он захохотал страшно, истерично. «Пора!» – эта мысль звеня в распаленном мозгу Анвара, вынудила его подняться. Сверкающий кафель ванной, поднял настроение.

«Хоть не от ножа в бараке, в чистоте закончу». Он заткнул отверстие и включил горячую воду. Попробовав пальцем, добавил холодной и принялся раздеваться. Оставшись в плавках, достал из лежавшего на полочке бритвенного прибора новое лезвие. Сорвал обертку, попробовал жало.

Нащупав на голени вену, сильно резанул лезвием. Вода окрасилась в розовый цвет. Наспех полоснул по другой ноге. Кровь ударила фонтаном. Скользнул взглядом по руке. Боясь потерять сознание, рванул запястье.

«Вот так!» – облегченно вздохнул он. Он сполз, в кровавую пену. Умирать было жалко. Мозг туманился. Он сидел на коленях отца. Мама смеясь, теребила его непокорные вихры.

– Скоро встретимся! – прошептал он. Вода полилась через край. Он не закрыл краны. Это было последнее, что он видел.

Таксист, как назло, попался нерасторопный. Алтынай не сводила глаз со спидометра.

– А быстрее нельзя? – спросила она.

– Здесь ограничение. У меня права одни.

Ее раздражала его манера вести машину. Казалось, что он нерасторопно трогает автомобиль на светофорах. Сердце неприятно щемило. Тяжелое предчувствие, не покидало ее, ни на минуту. Она не думала о маме, которая была в преклонном возрасте; ни о Зауре; шестое чувство подсказывало ей: что-то случилось с Анваром!

– Что с ним? – вырвалось у нее.

Водитель удивленно спросил:

– Вы это мне?

– Пожалуйста, быстрее!

Он что-то хмыкнул в усы, но газу прибавил. Они проскочили улицу Горького.

«Осталось чуть-чуть», – подумала Алтынай.

Машина остановилась напротив подъезда. Алтынай, сунула водителю купюру и, не дожидаясь сдачи, выскочила из автомобиля. Она влетела в лифт и нажала кнопку. Площадка, где жила Алтынай, была пуста. Выхватив из сумочки ключ, женщина открыла дверь и вбежала в квартиру.

В прихожей стояли туфли Анвара.

– Анвар! – позвала она. – Анвар!

Из-под двери ванной лилась красная вода. Дикий вопль вырвался из ее груди.

Голова Анвара свесившись лежала на плече. Она бросилась на кухню, затем в спальню! Рванула с кровати простыню. Рвала ее зубами, захлебываясь слезами. Быстро перемотала ему руки. Вытянув на себя безжизненное тело, Алтынай рухнула вместе с ним на пол.

– Что ты натворил! – воскликнула она, увидев ноги Анвара.

Ногти уже почернели. Из вывернутых вен, пузырилась кровь.

Перебинтовав ноги, она метнулась к телефону. Ноль три отозвалось мгновенно.

– Быстрее! Приезжайте быстрее, умоляю вас, умоляю! – обезумевшая Алтынай, рыдала в трубку.

– Он умирает! Поспешите! – она упала на Анвара.

– Любимый! Что ты наделал! – Алтынай начала делать ему искусственное дыхание, заставляя сердце работать.

Сколько так продолжалось! Увидев людей в белых халатах, Алтынай лишилась сознания. Вкус соли на губах, вернул ее в явь. Она открыла глаза. Рядом с ней сидела мать. Слезы матери капали на лицо.

– Мама! – Алтынай снова погрузилась в забытье.

– Это пройдет! Ей нужен покой. Завтра все будет нормально.

Доктор убрал шприцы в сундучок и попрощался.

– Спасибо вам! – Кульзат Дуриевна, утирая глаза, проводила врача до дверей.

– Успокойтесь! Пусть она поспит.

Проводив доктора и взволнованных соседей, Кульзат Дуриевна села в ногах дочери и запричитала.

– Откуда он взялся на нашу голову? Не послушалась! Я ведь и думать о нем запретила!

Алтынай пришла в себя под утро. Она с трудом села в постели. Голова ее кружилась, подташнивало. Кульзат Дуриевна, прикорнувшая в ногах дочери, бросилась обнимать ее.

– Радость моя! Тебе лучше? Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, мама, – прошептала она и тут же спросила, – А где Заур?

– Он дома. Ты хочешь его увидеть?

– Да!

Алтынай опустила голову на подушку.

«Что же было? – она принялась вспоминать – Ванная! Анвар!»
Она подскочила.

– Мама, где Анвар? – вырвался крик.

– Пропади он пропадом, тюремщик проклятый! – заголосила мать, – В тюрьме не мог умереть, нашел место! Опозорил на весь город. Что люди скажут! – она продолжала голосить, но, увидев побелевшее лицо дочери, осеклась на полуслове.

– Он жив? – тихо спросила Алтынай. – Почему ты молчишь? – ее голос был страшен.

– Да, разве такой умрет! Звонили из больницы. Выкарабкался!

– Я к нему! – Алтынай точно выбросило пружиной.

– Остановись! Доченька! – мать взмахнула руками. Но Ал-

тынай уже выбежала. Больше недели она просидела в палате Анвара. Врачи пытались гнать ее, но натолкнулись на решительный отпор.

– Опасность уже миновала,– доверительно шептала ей медсестра,– наш Гиппократ сказал, что опоздай вы на несколько минут, спасти было-бы невозможно. А теперь все нормально, мы вливаем свежую кровь. Сердце работает стабильно.

Алтынай изменилась за эти дни. Она спала урывками. Глаза ее ввалились, в них поселился лихорадочный блеск. На седьмой день, Анвар вышел из комы. Белый потолок показался ему облаком.

– Я умер? – спросил он у женщины, с распущенными волосами. Он не узнал в ней Алтынай.

